

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ

научный журнал

www.nbpublish.com

nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-03-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шульц Владимир Леопольдович, доктор философских наук

ISSN: 2454-0668

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-03-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Shul'ts Vladimir Leopol'dovich, doktor filosofskikh nauk

ISSN: 2454-0668

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Деметрадзе Марине Резоевна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт культурологии министерства культуры, профессор, РГГУ РФ, 125993, ГСП-3, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6/

Сыченко Елена Вячеславовна — PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Толстолуцкий Владимир Юрьевич — доктор медицинских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачёвского, юридический факультет, кафедра уголовного права и процесса, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, tolvlad@yandex.ru

Карелина Мария Юрьевна — доктор технических наук, доктор педагогических наук, профессор по кафедре «Теоретическая механика», МАДИ, проректор по учебной и методической работе, профессор по кафедре «Теоретическая механика» - МАДИ, 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Кравец Игорь Александрович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kragigor@gmail.com

Краснянская Татьяна Максимовна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, Московский гуманитарный университет 111395, г. Москва, ул. Юности, 5 ktm8@yandex.ru

Николайчук Ольга Алексеевна — доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич — доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич — доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Ефименко Дмитрий Борисович — доктор технических наук, доцент кафедры транспортной телематики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», декан факультета логистики и общетранспортных проблем,

заведующий кафедрой «Правовое и таможенное регулирование на транспорте» MADI, 125319. Москва, Ленинградский пр., 64, оф. 207л. ed2002@mail.ru

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Мальцева Анна Васильевна – доктор социологических наук, член экспертно-консультационного совета ВЦИОМ, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра: социального анализа и математических методов в социологии, 191124, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд, каб. 256.

Черкасов Валерий Николаевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, Первый заместитель главного редактора научно-практического журнала «Информационная безопасность регионов», Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 410009, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Дачная, 30А, кв. 116.

Шульц Владимир Леопольдович – член-корреспондент Российской академии наук, заместитель президента Российской академии наук, доктор философских наук, директор Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, Председатель редакционного совета, шеф-редактор научного журнала «Национальная безопасность/nota bene». 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 14

Махутов Николай Андреевич – член-корреспондент Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения энергетики, машиностроения, механики и процессов управления Российской академии наук. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 14

Юсупов Рафаэль Мидхатович – член-корреспондент Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации Российской академии наук. 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, 14 линия, дом 39

Боярски Marek – доктор права, профессор, ректор Вроцлавского университета (Польша, г. Вроцлав). University Of Wroclaw, Pl. Uniwersytecki, 1, 50-137. Wroclaw, Poland

Гропп Вальтер – доктор права, профессор, руководитель профессуры, Юстус Либих – Университет Гиссен, (Германия, г. Гиссен). Raum 219, 2. Etage, Licher Straße, 76. 35394, Giessen, Deutschland

Зибер Ульрих – доктор права, профессор, директор Института зарубежного и международного уголовного права. Макса Планка, (Германия, г. Фрайбург). Gunterstal str., 73, 79100 Freiburg i. Breisgau, Deutschland

Зинн Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права Университета Оsnабрюк, руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения (Германия, г. Оsnабрюк). Universitat Osnabrück, Postfach 44 69, 49069 Osnabrück, Deutschland

Никитенко Евгений Георгиевич – кандидат исторических наук, начальник Департамента Совета Безопасности Российской Федерации. 103132, Россия, г. Москва, Ипатьевский переулок, д.4-10

Хинрих Юлиус — доктор права, профессор юридического факультета Гамбургского университета, Центр „Юридический диалог с развивающимися странами“ по исследованиям гражданского права и хозяйственного права, координатор проекта ЕС "China-EU School of Law". Universitat Hamburg, Mittelweg. 177. 20148, Hamburg, Deutschland

Хэ Бинсун — доктор права, профессор, начальник Центра по изучению терроризма и организованной преступности, заместитель Начальника Центра по изучению уголовных законов, специальный консультант докторантов Политико-юридического университета Китая. 100088, КНР, г. Пекин, район Хайдянь, Ул. Ситучэнлу д.25.

Кормишкина Людмила Александровна - доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой кафедра теоретической экономики и экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a.

Боташева Асият Казиевна - доктор политических наук, профессор кафедры журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью Института международных отношений ФГБОУ ВО "Пятигорский государственный университет".357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9. E-mail: ab-ww@mail.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Бурда Алексей Григорьевич - доктор экономических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», Заведующий кафедрой экономической кибернетики, 350044, Россия, Краснодарский край край, г. Краснодар, ул. им. Калинина, 13, корпус 44, кв. 9, agburda@mail.ru

Галышина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский

государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, каб. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Землин Александр Игоревич - доктор юридических наук, Российский университет транспорта (МИИТ), Заведующий кафедрой, 127204, Россия, г. Москва, ул. 9-я Северная линия, 1, кв. 29, kafedratp@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Кузнецов Николай Владимирович - доктор экономических наук, ФГБУ ВО "Государственный университет управления", Заведующий кафедрой "Статистика", ФГБОУ ВО "Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации", Директор Центра стратегического прогнозирования и планирования, 107014, Россия, г. Москва, ул. 4-я Сокольническая, 3, кв. 82, nkuznetsov@outlook.com

Леденёва Марина Викторовна - доктор экономических наук, Волгоградский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, Профессор кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО "Волгоградский институт бизнеса", Профессор кафедры экономики и управления, 404127, Россия, Волгоградская область, г. Волжский, ул. Дружбы, 45, кв. 121, mledenjova@yandex.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Мальцева Анна Васильевна - доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, ФГБНУ НИИ "Реестр экспертов научно-технической сферы при Министерстве образования и науки РФ", член реестра экспертов, ВЦИОМ, член Экспертно-консультативного совета , 194354, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Есенина, 12 к1, кв. 413, annamaltseva@rambler.ru

Мурzin Антон Дмитриевич - доктор технических наук, Южный федеральный университет, доцент, зам. декана факультета управления, Донской государственный технический университет, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Профессор, 344012, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, каб. 216, admurzin@yandex.ru

Овчаров Антон Олегович - доктор экономических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор кафедры бухгалтерского учета, главный научный сотрудник Центра макро и микроэкономики, 603135, Россия, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 45 корпус 3, кв. 47, anton19742006@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, [saifutdinovt@bk.ru](mailto:safutdinovt@bk.ru)

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Краснянская Татьяна Максимовна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, Московский гуманитарный университет 111395, г. Москва, ул. Юности, 5 ktm8@yandex.ru

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский

государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула,
проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры
психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Council of Editors

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna - Doctor of Psychology, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, st. Mokhovaya, 9, building 4.

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Cultural Studies of the Ministry of Cultures, Professor, Russian State University of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6/

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Tolstolutsky Vladimir Yuryevich – Doctor of Medical Sciences, Professor, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Faculty of Law, Department of Criminal Law and Procedure, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, tolvlad@yandex.ru

Karelina Maria Yurievna – Doctor of Technical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of "Theoretical Mechanics", MADI, Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor at the Department of "Theoretical Mechanics" - MADI, 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, Moscow Humanitarian University 111395, Moscow, Yunost str., 5 ktm8@yandex.ru

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Efimenko Dmitry Borisovich – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Transport Telematics, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Dean of the Faculty of Logistics and General Transport Problems, Head of the Department "Legal and Customs Regulation in Transport" MADI, 125319. Moscow, Leningradsky ave., 64, office 207l. ed2002@mail.ru

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department

of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Maltseva Anna Vasiliyevna – Doctor of Sociology, member of the Expert Advisory Council of VTSIOM, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, 191124, Russia, Leningrad region, St. Petersburg, Smolny str., 1/3, 9th entrance, office 256.

Cherkasov Valery Nikolaevich – Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of the scientific and practical journal "Information Security of Regions", Saratov Socio-Economic Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, 410009, Saratov region, Saratov, Dachnaya str., 30A, sq. 116.

Vladimir Leopoldovich Shultz – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board, Chief editor of the scientific journal "National Security/nota bene". 14 Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia

Makhutov Nikolay Andreevich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Energy, Mechanical Engineering, Mechanics and Management Processes of the Russian Academy of Sciences. 14 Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia

Yusupov Rafael Midhatovich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the St. Petersburg Institute of Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences. 199178, Russia, St. Petersburg, line 14, house 39

Boyarski Marek – Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw (Poland, Wroclaw). University Of Wroclaw, Pl. Uniwersytecki, 1, 50-137. Wroclaw, Poland

Gropp Walter – Doctor of Law, Professor, Head of the Professorship, Justus Liebig – University of Giessen, (Germany, Giessen). Raum 219, 2. Etage, Licher Straße, 76. 35394, Giessen, Deutschland

Sieber Ulrich – Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Foreign and International Criminal Law. Max Planck, (Germany, Freiburg). Gunterstal str., 73, 79100 Freiburg i. Breisgau, Deutschland

Zinn Arndt – Doctor of Law, Professor, Head of the Institute of Economic Criminal Law at Osnabrück University, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Procedure, International Criminal Law and Comparative Law (Germany, Osnabrück). Universitat Osnabrück, Postfach 44 69, 49069 Osnabrück, Deutschland

Nikitenko Evgeny Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of the Security Council of the Russian Federation. 103132, Russia, Moscow, Ipatievsky lane, 4-10

Hinrich Julius – Doctor of Law, Professor at the Faculty of Law of Hamburg University, Center for "Legal Dialogue with Developing Countries" on Civil Law and Business Law Studies, coordinator of the EU project "China-EU School of Law". Universitat Hamburg, Mittelweg. 177. 20148, Hamburg, Deutschland

He Bingsun is a Doctor of Law, Professor, Head of the Center for the Study of Terrorism and Organized Crime, Deputy Head of the Center for the Study of Criminal Laws, special consultant to doctoral students of the Political Law University of China. 100088, China, Beijing, Haidian

district, Situchenglu str., 25.

Lyudmila Kormishkina - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department, Department of Theoretical Economics and Economic Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education N. P. Ogarev Mordovian State University

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a.

Asiyat Kazievna Botasheva - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Journalism, Media Communications and Public Relations of the Institute of International Relations of the Pyatigorsk State University.357532, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9. E-mail: ab-ww@mail.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Burda Alexey Grigorievich - Doctor of Economics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Head of the Department of Economic Cybernetics, 350044, Russia, Krasnodar Krai, Krasnodar, Kalinin str., 13, building 44, sq. 9, agburda@mail.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, Kutafin Moscow State University of Law (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya Str., Moscow, 123995, Russia, office 721, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Zemlin Alexander Igorevich - Doctor of Law, Russian University of Transport (MIIT), Head of the Department, 127204, Russia, Moscow, ul. 9-ya Severnaya liniya, 1, sq. 29, kafedratp@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Kuznetsov Nikolay Vladimirovich - Doctor of Economics, State University of Management, Head of the Department of Statistics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Director of the Center for Strategic Forecasting and Planning, 107014, Russia, Moscow, 4th Sokolnicheskaya str., 3, sq. 82, nkuznetsov@outlook.com

Ledeneva Marina Viktorovna - Doctor of Economics, Volgograd Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Management and Marketing, ANO VO "Volgograd Institute of Business", Professor of the Department of Economics and Management, 404127, Russia, Volgograd region, Volzhsky, Druzhby str., 45, sq. 121, mledenjova@yandex.ru

Lugovskoy Alexander Mikhailovich - Doctor of Geographical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State University of Geodesy and Cartography" (MIIGAiK), Professor of the Department of Geography, Faculty of Cartography and Geoinformatics, 1090548, Russia, Moscow region, Moscow, Shosseynaya str., 13, office 49, alug1961@yandex.ru

Maltseva Anna Vasilyevna - Doctor of Sociology, St. Petersburg State University, Associate Professor, Research Institute "Register of Experts in the Scientific and Technical field under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation", member of the Register of Experts, VTSIOM, member of the Expert Advisory Council, 194354, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Yesenina St., 12 k1, sq. 413, annamaltseva@rambler.ru

Anton Dmitrievich Murzin - Doctor of Technical Sciences, Southern Federal University, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Management, Don State Technical University, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Professor, 344012, Russia, Rostov Region, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, office 216, admurzin@yandex.ru

Ovcharov Anton Olegovich - Doctor of Economics, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of Accounting Department, Chief Researcher of the Center for Macro and Microeconomics, 603135, Russia, Nizhny Novgorod, Lenin Avenue, 45 building 3, sq. 47, anton19742006@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational

Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, Moscow Humanitarian University 111395, Moscow, Yunosti str., 5 ktm8@yandex.ru

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

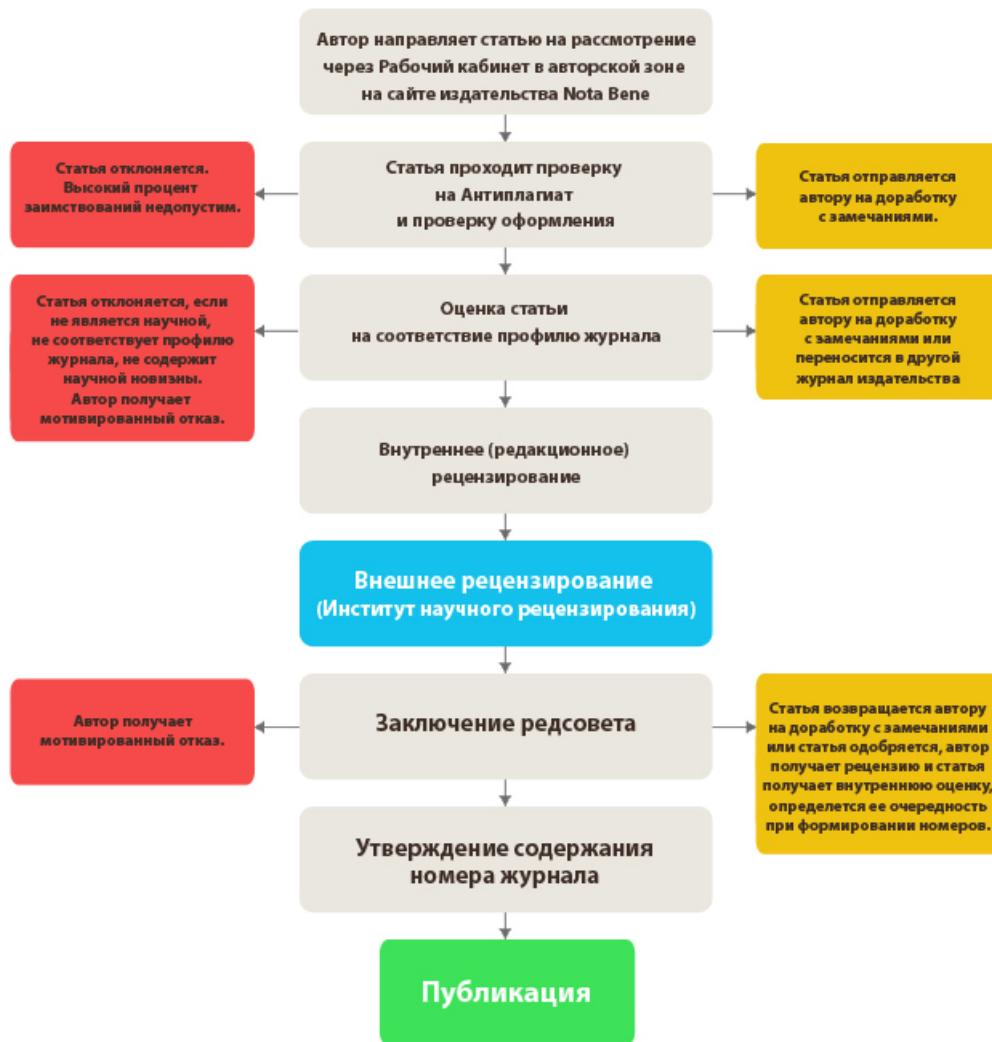
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ковалев В.А. Особенности зарубежного опыта стратегического управления развитием национальных пенсионных систем	1
Мартынов Д.В., Мазелис Л.С. Анализ эффективности морских портов Дальневосточного бассейна на основе стейкхолдерского подхода	20
Ли Ц. Сравнительное исследование Региональной антитеррористической структуры ШОС и Контртеррористического центра СНГ в области антитерроризма	44
Чистяков И.А. Влияние геополитических вызовов на развитие автомобильного рынка в условиях Индустрии 4.0	57
Тиханычев О.В. История развития «гибридных» действий от войн «под чужим флагом» до «умной силы»	77
Гонта С.Н., Иванов Н.А., Малкова Ю.А. Кустарные методы противодействия FPV-дронам камикадзе (по опыту Специальной Военной Операции)	103
Англоязычные метаданные	118

Contents

Kovalev V.A. Features of the foreign experience of strategic management of the development of national pension systems	1
Martinov D.V., Mazelis L.S. Analysis of the effectiveness of seaports in the Far Eastern basin based on a stakeholder approach	20
Li Z. Comparative study of the SCO Regional Anti-Terrorism Structure and the CIS Counter-Terrorism Center in the field of anti-terrorism	44
Chistyakov I.A. The impact of geopolitical challenges on the development of the automotive market in the context of Industry 4.0	57
Tikhanychev O.V. The history of the development of "hybrid" actions from wars "under a false flag" to "smart power"	77
Gonta S.N., Ivanov N.A., Malkova Y.A. Handmade methods of countering kamikaze FPV drones (based on the experience of the Special Military Operation)	103
Metadata in english	118

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ковалев В.А. Особенности зарубежного опыта стратегического управления развитием национальных пенсионных систем // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.72946 EDN: CBUAXB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72946

Особенности зарубежного опыта стратегического управления развитием национальных пенсионных систем

Ковалев Владислав Алексеевич

ORCID: 0009-0000-2110-6400

студент; кафедра общественных финансов; Финансовый университет при Правительстве РФ

125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49/2

✉ kovallevdocs@mail.ru

[Статья из рубрики "Экономическое обеспечение национальной безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.1.72946

EDN:

СВУАХВ

Дата направления статьи в редакцию:

03-01-2025

Дата публикации:

10-01-2025

Аннотация: Объект исследования – пенсионные системы зарубежных стран. Предметом исследования является стратегическое управление развитием пенсионных систем. В работе рассмотрены основные характеристики и положения долгосрочных планов правительств зарубежных стран по управлению развитием национальных пенсионных систем, взаимоувязанных с долгосрочными целями развития государства и содержащих комплекс обоснованных задач, инструментов, методов и финансовых ресурсов для достижения поставленной цели. Автором проведен сравнительный анализ документов стратегического планирования на предмет предпосылок их принятия и срока планирования, формулировки индикаторов реализации и основных направлений развития, детализации мероприятий развития и комплексности планируемых изменений. Отмечены факторы, влиявшие и влияющие на управление зарубежными пенсионными

системами в долгосрочной перспективе. В исследовании рассматривается вопрос, насколько сильнее изменение пенсионных систем обусловливается социально-экономическими шоками и импульсами, чем планами правительства. В работе используется коэффициентный, факторный, сравнительный, вертикальный и горизонтальный анализ показателей пенсионного обеспечения и реализации документов стратегического планирования в зарубежных странах, проводится выделение основных компонентов долгосрочных планов. Сделаны выводы о частичном сохранении ситуативного управления развитием пенсионных систем и наличии затруднительности в стратегическом управлении, дополняемой корреляцией волн увеличения и уменьшения количества пенсионных реформ с бизнес-циклами. Ухудшение демографической нагрузки преподносится в качестве основной предпосылки реформ, а включение в задачи планов во всех странах внедрения или совершенствования накопительного компонента пенсионного обеспечения и развитии многокомпонентной пенсионной системы определяет построение многоуровневой и диверсифицированной пенсионной системы как главный общий тренд стратегического управления. Горизонт планирования развития составляет от 5 до 14 лет. Среди основных индикаторов их реализации: коэффициент замещения, реальный рост размера пенсий, показатели бедности и неравенства. В свою очередь, индикаторы сбалансированности пенсионной системы и отсутствия повышения пенсионного возраста предусмотрены только в Молдове и Ирландии соответственно.

Ключевые слова:

социальное обеспечение, пенсионное обеспечение, пенсионное страхование, пенсионная система, стратегическое управление, пенсионные реформы, пенсионные планы, коэффициент замещения, социальные пенсии, страховые пенсии

Введение. Рост масштаба пенсионных систем в контексте численности участников, институтов и объема перераспределения ВВП в целях пенсионного обеспечения (в т.ч. страхования), усложнение социально-экономических отношений по поводу него [1], а также значимое влияние долгосрочных демографических трендов на финансовую устойчивость пенсионных систем и эффективность финансово-инвестиционных моделей пенсионного обеспечения, привели к повышению актуальности вопросов, связанных с управлением развитием национальных пенсионных систем, и необходимости разработки долгосрочных планов правительств по их совершенствованию. Цель исследования – определить основные характеристики стратегического управления развитием пенсионных систем зарубежных стран. Задачи исследования в соответствии с целью были определены следующим образом: (1) определение факторов, обозначающих параметры стратегического управления развитием пенсионных систем; (2) отбор стран для анализа опыта формирования долгосрочных планов развития пенсионных систем; (3) изучение основных характеристик стратегических документов и выявление их особенностей; (4) оценка приоритетов стратегического развития пенсионных систем в мире.

Управление развитием пенсионной системы автором настоящей статьи определяется как целенаправленно осуществляющееся воздействие на неё для обеспечения выполнения функций, повышения или поддержания её эффективности и устойчивости. В свою очередь, стратегическое управление развитием пенсионной системой, по мнению автора, прежде всего, связано с планированием и реализацией долгосрочных программ, взаимоувязанных с долгосрочными целями развития государства, фискальной,

социальной и монетарной политикой, устанавливающих цели и ориентиры пенсионной системы и содержащих комплекс обоснованных задач, инструментов, методов и финансовых ресурсов для достижения постановленной цели.

Факторы построения и стратегического развития пенсионных систем. В первую очередь обозначим факторы, влиявшие и влияющие на создание зарубежных пенсионных систем той или иной конструкции и управление ими, для определения контекста, в котором происходит их стратегического развитие. Это позволит выявить факторы, определяющие те или иные положения долгосрочных планов правительств по развитию пенсионного обеспечения и затрудняющие или способствующие их реализации и достижению целей.

Применение PAYG (pay-as-you-go) модели в мире стремительно росло с 1950 года, что обусловлено расширением программ социального, в том числе пенсионного, страхования и желанием правительств максимизировать охват ими населения [\[2\]](#). Особое значение придают наличию «непредвиденной» выгоды («windfall gain»), заключающееся в том, что первое поколение пожилых людей получит пенсии в нетрудоспособном возрасте, «не заплатив» за них, как фактор распространения PAYG в мире после Второй мировой войны. Вместе с тем наблюдался рост уровня пенсионного обеспечения одновременно с ростом ставок взносов в рамках социального страхования: с 1955 по 1995 года коэффициент замещения в государственных пенсионных планах вырос с 47,5% до 65,4%, а тарифы взносов в них – с 17,4% до 28,0% [\[2\]](#).

С начала XXI века наблюдается активный переход к накопительным моделям пенсионного обеспечения, применявшимся на практике задолго до начала функционирования полноценных пенсионных систем с широким охватом населения, как следствие старения населения и уменьшения количества трудовых лет, которое напрямую снижает финансовую устойчивость пенсионных систем ввиду диспропорции между взносами и выплатами пенсий [\[3\]](#). Такой сдвиг в контексте эффективности пенсионной системы неоднозначен: волатильность финансовых рынков, в том числе связанных с экономическими кризисами 2008 и 2020 годов, нехватка надежных активов, низкие процентные ставки в совокупности с возросшей инфляцией [\[4\]](#), обусловили замедление перехода и поиска баланса между PAYG и накопительными моделями. Одновременно высокий уровень пенсионного обеспечения в распределительных моделях в последнее десятилетие начал снижаться, повышался пенсионный возраст, планы «defined benefit» (далее – DB), с большей определенностью и меньшим риском для застрахованных лиц, заменялись планами «defined contribution» (далее – DC), позволяющие снизить правительствам риски [\[5\]](#). Гурвич Е.Т., по результатам анализа доклада ОЭСР, пишет об угрожающем масштабе оценок долгосрочного эффекта старения населения: в отдельных странах потребуется увеличение государственных расходов на пенсионное обеспечение на 3,4-8% ВВП к 2050 году, при этом, перед разными группами стран будут стоять разные вызовы и задачи [\[6\]](#).

35 из 45 стран по выборке ОЭСР имеют государственные схемы на втором уровне пенсионной системы, с преобладанием DB моделей (таблица 1), из которых 6 стран (Колумбия, Коста-Рика, Норвегия, Швейцария, Дания, Швеция) имеют обязательные частные пенсионные схемы, в том числе 2 – квази-добровольные (Дания, Швеция) [\[7\]](#).

Таблица 1 – Применение финансовых моделей пенсионного обеспечения, основанных на заработке

Финансовая модель пенсионного плана	Количество стран	Страны
DB	20	Австрия, Бельгия, Канада, Финляндия, Япония, Корея и др.
DB + FDC	3	Греция, Индия, Индонезия
DB + Пенсионные баллы	1	Франция
FDC	1	Дания
NDC	3	Италия, Норвегия, Польша
NDC + FDC	3	Латвия, Швеция, Китай
Пенсионные баллы	4	Эстония, Германия и др.
Нет государственных схем на этом уровне	10	Австралия, Чили, Ирландия, Израиль, Нидерланды, Великобритания

Источник: составлено автором по Pensions at a Glance 2023 [\[7\]](#).

Несмотря на то, что принципы пенсионной системы и длинный период финансовых отношений в ней предполагают «устойчивые правила игры», управление пенсионной системой (в которое мы включаем осуществление структурных и параметрических изменений) является в мировой практике процессом непрерывным [\[8\]](#). Такой подход более подходит для оперативного управления, заключающегося в реагировании на текущие изменения и адаптации. Возникают вопросы определения формата управления пенсионной системой и процессов, предшествующих принятию решений об изменении структуры пенсионной системы или параметров пенсионного обеспечения: как и в каком качестве осуществляется планирование и прогнозирование? Обозначаются ли долгосрочные цели и согласованные с ними задачи? Соответствуют ли действия правительства поставленным задачам? Исследователи отмечают наличие «ситуативности» изменений в странах Вишеградской группы – они только формировали свои социальные системы в период высокой подвижности демографической ситуации и глобальных вызовов, следствием чего изменение системы происходит только в случае импульсов, в том числе и внешних, и «не отличается системностью и стратегической направленностью» [\[9\]](#). Несмотря на глубокие реформы пенсионной системы в Польше и Венгрии (заморозка обязательной накопительной части пенсий) в 2011 году во время долгового еврокризиса, управление социальными системами не перешло в линейный формат и не обусловило появление долгосрочных направлений их развития. В пользу того, что шоки и внешние эффекты воздействуют на пенсионные системы сильнее, чем планы и мероприятия правительства, свидетельствует и частое выявление «волн» пенсионных реформ – циклов увеличения и снижения количества пенсионных реформ в выборке из 24 стран в период 2009-2019 гг., включающую развитые страны (Германия, Швейцария, Великобритания), страны Центральной и Восточной Европы с крупным охватом населения государственными пенсионными системами (Чехия, Польша, Казахстан) и страны Латинской Америки с ориентаций на накопительные схемы. Отметим, что управление пенсионной системой в зарубежной литературе чаще всего описывается через проведение «реформ» системы, которые обозначают, в общем, любое изменение пенсионной системы или параметров пенсионного обеспечения степени от незначительного до радикального. Упоминание «стратегий», «планов правительства», «дорожных карт» в значении управления встречается намного реже, чем обоснование необходимости изменения пенсионной системы в результате каких-либо факторов.

Жукова Т.В. пишет о волне пенсионных реформ с 1990 по 2008 г. и о продолжающейся с 2009 года по настоящее время волне [\[10\]](#), Beetsma R., Romp W., van Maurik R. устанавливают связь между пенсионными реформами и бизнес-циклами [\[11\]](#), а инновационную фазу развития пенсионных систем 1981-2041 годов выделяет Всемирный банк. Его доклад в 1994 году о внедрении накопительных планов, по словам Жуковой Т.В., сам и стал драйвером пенсионных реформ до 2008 года. Подобная цикличность изменений в пенсионных системах позволяет выдвинуть тезис о том, что их развитие предопределется внешними факторами, когда активное управление ограничивается мерами по сохранению устойчивости системы, чей характер определяется состоянием государственных финансов [\[12\]](#), при этом с возможностью легко изменить элементы стратегического характера, такие как цели и приоритеты политики в сфере пенсионного обеспечения [\[13\]](#). Добавим, что не все мероприятия по управлению пенсионной системой выделяются в программный документ правительства, в том числе по причине того, что они в отдельных случаях носят потенциально социально-неодобряемый характер (например, повышение пенсионного возраста во Франции с 62 до 64 лет к 2030 году и установление минимального трудового стажа в 43 года для получения пенсии в полном размере вызвало социальные волнения и политические споры [\[14\]](#)), несмотря на обоснование реформы повышением размера пенсий и финансовой сбалансированностью пенсионной системы (соответствием расходов на пенсионное обеспечение доходам, аккумулируемых в его целях или баланс доходов и расходов пенсионной системы на текущий момент и в средне- и долгосрочной перспективе [\[15\]](#)), и представлять их мерами экстренного характера политически легче, чем изначально запланированными.

Нельзя игнорировать и тот факт, что долгосрочные направления развития национальных пенсионных систем, особенно развивающихся, могут определяться и концептуальными работами международных организаций, например, The World Bank «Pension Conceptual Framework» [\[16\]](#), OECD «Guidelines relating to private pensions» [\[17\]](#), Международного валютного фонда [\[18\]](#) и Международной организации труда (МОТ) [\[19\]](#).

Важность комплексного и последовательного подхода с качественным планированием не оспаривается [\[20\]](#). Отметим несколько примеров долгосрочных программных подходов к управлению развитием пенсионной системой. Страны для анализа были отобраны автором с учетом наличия в них документов комплексного долгосрочного развития национальных пенсионных систем, возможности их поиска и свободного доступа к ним.

Особенности стратегического управления развитием пенсионных систем. Дорожная карта пенсионной реформы в Ирландии (далее – Дорожная карта) была утверждена правительством, подписана премьер-министром и покрывает период 2018-2023 годов и содержит 6 направлений действий: (1) реформа государственной пенсии; (2) создание системы автоматической регистрации сбережений («a new automatic enrolment savings system»); (3) совершенствование управления и регулирования; (4) меры по поддержке DB схем; (5) реформирование пенсионного обеспечения государственных служащих и (6) поддержка более полноценной трудовой жизни. В Дорожной карте приводится краткое обоснование необходимости проведения реформы: увеличение продолжительности жизни, которое угрожает накоплению дефицита до 400 млрд евро до 2050 года, «аномалии» в конструкции государственной накопительной пенсионной системе и отставание размера пенсии (коэффициента замещения) в Ирландии от других стран (таблица 2) [\[21\]](#).

Таблица 2 – Предпосылки принятия долгосрочных планов и срок их действия

Страна	Предпосылки принятия стратегического документа	Горизонт планирования развития
Ирландия	<ul style="list-style-type: none"> – Увеличение продолжительности жизни; – сложившиеся в стране недостатки конструкции накопительной системы; – личное и профессиональное пенсионное обеспечение не позволяет поддерживать желаемый уровень жизни после выхода на пенсию. 	5 лет
ЕС (Европейская Комиссия)	<ul style="list-style-type: none"> – Неудачная реализация Лиссабонской стратегии до 2010 года; – удвоение коэффициента демографической нагрузки; – рост безработицы; – более высокий уровень государственного долга; – увеличение волатильность на финансовых рынках. 	10 лет
Таджикистан	<ul style="list-style-type: none"> – Неразвитость институциональной базы системы пенсионного страхования; – сохранение проблем с развитием комплексной системы социально-экономических отношений, направленной на оказание различной поддержки пожилым гражданам, пенсионерам и малообеспеченным людям. 	14 лет
Молдова	<ul style="list-style-type: none"> – Низкий коэффициент замещения и недостижение среднего размера по старости прожиточного минимума пенсионера (70,6%); – дисбаланс численности плательщиков и пенсионеров; – старение населения, гендерное неравенство; – дефицит системы социального страхования; – предоставление льготных условий пенсионного страхования отдельным категориям граждан; – низкое доверие к пенсионной системе и недостаточное информирование о пенсионной системе; – неразвитость негосударственного пенсионного обеспечения. 	10 лет
Монголия	<ul style="list-style-type: none"> – Увеличение средней продолжительность жизни населения с 62,8 до 70,4 лет; – отсутствие достаточных результатов политики благосостояния страны, направленной на сокращение бедности. 	10 лет

Источник: составлено автором по материалам исследования [\[21\]](#) [\[22\]](#) [\[23\]](#) [\[24\]](#) [\[25\]](#).

Так, например, развитие государственного пенсионного обеспечения в Дорожной карте ориентировано на три ключевые цели: обеспечение её адекватности, устойчивости и справедливости. Адекватность выражается в том, что размер государственных пенсий должен, как минимум, защищать получателей от бедности – для этой цели планировалось увязать индексацию пенсий с изменением индекса потребительских цен/инфляцией.

Дорожная карта заканчивается сводным перечнем из 43 планируемых мероприятий, с указанием срока их реализации, среди которого выделим: (1) установление формального ориентира коэффициента замещения государственной пенсии в 34%; (2) гарантирование неповышения до 2035 года пенсионного возраста и допущения любого изменения пенсионного возраста после 2035 только в результате повышения продолжительности жизни, подтвержденный актуарной оценкой, проводимой каждые 5 лет; (3) введение в действие системы автоматической регистрации и (4) принятие закона о повышении возраста обязательного выхода на пенсию государственных служащих, принятых на работу до 1 апреля 2004 года [\[21\]](#).

Предложение ряда долгосрочных направлений развития пенсионных систем в странах Евросоюза было обозначено в Green Paper Европейской Комиссии еще в 2010 году, среди которых обеспечение лучшего баланса длительности трудовой активности и срока получения пенсий и параллельное развитие дополнительных частных пенсионных накоплений [\[26\]](#) (таблица 3).

Таблица 3 – Цели долгосрочных планов по развитию пенсионных систем

Страна	Цель
Ирландия	Создать более справедливую и простую накопительную пенсионную систему, в которой пенсионный результат человека отражает его взносы в систему социального страхования, и параллельно создать новую и культуру пенсионного обеспечения через личные пенсионные накопления
ЕС (Европейская Комиссия)	Полностью развернуть системы пенсионного обеспечения для достижения адекватной поддержки доходов и обеспечения долгосрочной финансовой устойчивостью
Таджикистан	Обеспечить долгосрочную устойчивость пенсионной системы
Молдова	Создать устойчивую и справедливую пенсионную систему
Монголия	Предоставлять комплексные услуги социального обеспечения, которые улучшают качество жизни

Источник: составлено автором по материалам исследования [\[21\]](#) [\[22\]](#) [\[23\]](#) [\[24\]](#) [\[25\]](#).

Обеспечение финансовой устойчивости пенсионной системы являлось одним из

приоритетов Национальной стратегии развития «Молдова 2020» [24], утвержденной в 2010 году и являющейся видением целостного долгосрочного устойчивого экономического развития страны до 2020 года. Главное целью этого направления являлось гарантирование справедливой пенсионной системы, основанной на коэффициенте замещения, обеспечивающем достойную жизнь для граждан (таблица 4).

Таблица 4 – Задачи долгосрочных планов по развитию пенсионных систем

Страна	Задачи
Ирландия	<ul style="list-style-type: none"> – Реформирование базовых (государственных пенсий); – создание сберегательной системы с автоматической регистрацией; – улучшение управления и регулирования частными пенсионными схемами; – поддержка устойчивости DB пенсионных планов; – реформирование пенсионного обеспечения государственных служащих; – поддержка более полноценной трудовой жизни в пожилом возрасте.
ЕС (Европейская Комиссия)	Конкретные задачи и индикаторы устанавливаются на национальном уровне стран-членов ЕС
Таджикистан	<ul style="list-style-type: none"> – Совершенствование системы регулирования участников рынка пенсионных накоплений, в том числе путем внедрения элементов риск-ориентированного надзора; – создание правовых и институциональных условий для инвестирования пенсионных накоплений в долгосрочные финансовые инструменты, в том числе в инфраструктуру в рамках проектов государственно-частного партнерства; – обеспечение перехода на страховой накопительный принцип пенсионного обеспечения, в том числе пенсий трудовым мигрантам.
Молдова	<ul style="list-style-type: none"> – Приведение организации функционирования национальной пенсионной системы в соответствии международным принципам; – увеличение и унификацию пенсионного возраста и требований к трудовому стажу;

	<ul style="list-style-type: none"> - накопление резервов в бюджете государственного социального страхования; - внедрение накопительного компонента в течение 5 лет.
Монголия	<ul style="list-style-type: none"> - Переход к трехуровневой пенсионной системе; - создание пенсионного резервного фонда за счет доходов от месторождений полезных ископаемых и ипотечных кредитов; - переход пенсионного страхования полностью на накопительную модель к 2050 году; - создание благоприятной среды для инвестирования капитала пенсионных фондов и частного пенсионного страхования на рынке капитала.

Источник: составлено автором по материалам исследования [\[21\]](#) [\[22\]](#) [\[23\]](#) [\[24\]](#) [\[25\]](#).

Стратегия содержит обозначенные проблемы, с которой сталкивается пенсионная система Молдовы, с включением прогнозных значений параметров пенсионного обеспечения при сценарии отсутствия реформ, в числе которых:

1. недостижение среднего размера по старости прожиточного минимума пенсионера (70,6%), низкий коэффициент замещения (28,2%);
2. небольшая численность плательщиков взносов в публичной системе социального страхования и дисбаланс численности плательщиков и пенсионеров: соотношение работающего населения и пенсионеров – 1,18:1, тогда как, по оценкам молдавского правительства, для эффективного функционирования накопительной системы требуется соотношение 4:1 – 5:1;
3. старение населения, разный пенсионный возраст для мужчин и для женщин (на тот момент 62 и 57 лет соответственно);
4. расхождения по полу заработной платы и среднего количества страхового стажа (32,5 лет для женщин и 37,5 для мужчин), низкий уровень доходов, облагаемых взносами на социальное страхование;
5. финансовый дефицит в системе социального страхования, с 2010 года покрывающейся за счет государственного бюджета;
6. несправедливое перераспределение средств в системе социального страхования, заключающееся в предоставление льготных условий пенсионного страхования (меньший пенсионный возраст и требуемый трудовой стаж) отдельным категориям граждан, что, по оценкам правительства теряет актуальность в процессе перехода к рыночной экономике;
7. слабое доверие к пенсионной системе и недостаточное информирование о пенсионной системе, приводящие к уклонению от уплаты взносов;

8. неразвитость негосударственного пенсионного обеспечения – в 2010 году в Молдове было зарегистрировано только 2 негосударственных пенсионных фонда, у которых нет значимых показателей деятельности ввиду отсутствия интереса со стороны населения и недостаточных стимулов для работодателей [\[24\]](#).

Стратегическое видение развития пенсионной системы включало в себя: (1) приведение организации функционирования национальной пенсионной системы в соответствии международным принципам; (2) увеличение и унификацию пенсионного возраста и требований к трудовому стажу; (3) накопление средств в резервном фонде бюджета государственного социального страхования; (4) исследование возможности внедрения накопительного компонента, которое планировалось осуществить в течение 5 лет после принятия стратегии (до конца 2015 года). Эффект реализации стратегии оценивался в снижении доли пенсионеров за абсолютной чертой бедности в 2020 году на 2 процентных пункта по сравнению с той, которая наблюдалась бы без проведения реформ [\[24\]](#).

Стратегией были установлены индикаторы её реализации, в том целевые к 2015 году (через 5 лет) и к 2020 году (через 10 лет), приведенные в таблице 5, затрагивающие как и достаточность пенсионных выплат, так и сбалансированность системы пенсионного страхования: планировалась ликвидация бюджета государственного социального страхования, увеличение коэффициента замещения и отношения среднего размера пенсий к прожиточному минимуму пенсионера. При этом, целевой коэффициент замещения ниже минимального значения в 40%, установленного для типового бенефициария в Конвенции № 102 Международной организации труда о минимальных нормах социального обеспечения [\[27\]](#), и среднего его значения в странах ЕС и ОЭСР в 54,7% [\[28\]](#) [\[29\]](#) а результат реализации «Молдова-2020» не предусматривает достижения среднего размера пенсий прожиточного минимума пенсионера.

Таблица 5 – Индикаторы реализации направления развития пенсионной системы стратегии «Молдова-2020»

Индикатор	Значение показателя		
	В 2010 году (изначальное)	В 2015 году	В 2020 году
Минимальный коэффициент замещения, %	-	-	25
Соотношение между средним размером пенсий и прожиточным минимумом пенсионера, %	70,6	75	85
Доля численности пенсионеров с пенсиею ниже прожиточного минимума пенсионеров в общей численности пенсионеров, %	92	89	84
Дефицит бюджета государственного социального страхования, %	-	0,5	0

Источник: составлено автором по Moldova 2020. National Development Strategy: 7 solutions for economic growth and poverty reduction [\[24\]](#).

План развития сектора социального страхования, являющийся частью национального

плана развития страны до 2030 года «Vision-2030» представила ещё в 2009 году Ямайка [\[30\]](#). Он включает анализ текущей ситуации в системе социального страхования, в том числе SWOT-анализ, цели и ожидаемые результаты плана, целевые показатели в 2012, 2015 и 2030 годах, график осуществления мероприятий и порядок мониторинга и оценки реализации плана.

В рамках стратегического документа политики долгосрочного развития Монголии «Vision-2050», утвержденного в 2020 году, выделены три этапа укрепления национальной системы социального страхования, в том числе пенсионного [\[25\]](#).

Первый этап 2021-2030 годов предусматривает перевод пенсионного страхования на трехуровневую систему: (1) базовые пенсии, выплачиваемые всем пенсионерам; (2) пенсионное страхование, основанное на размере взносов; (3) дополнительное негосударственное пенсионное страхование, расширение охвата социальным страхованием и предоставление адекватной целевой помощи уязвимым домохозяйствам и гражданам. Для сравнения, в 2015 году в Монголии реализовывались государственные DB схемы для граждан, родившихся до 1960 года, и NDC планы для родившихся позже [\[31\]](#). Второй этап 2031-2040 годов включает создание пенсионного резервного фонда за счет доходов от месторождений полезных ископаемых и ипотечных кредитов, а также частичный переход пенсионного страхования на полусберегательную систему с прекращением осуществления страховых взносов гражданами, родившимися после 1979 года. Третий этап 2041-2050 годов предусматривает переход пенсионного страхования полностью на накопительную модель [\[25\]](#).

Кроме того, в стратегии более подробно раскрыты мероприятия, которые планируется осуществить в первый этап, в числе которых обеспечение базовой пенсиею всех пожилых людей.

Vision-2050 содержит перечень индикаторов для мониторинга и оценки, и их целевых значений в 2025, 2030 и 2050 годах для каждого из направлений развития (таблица 6), а также источник данных для оценки, методологию и периодичность сбора данных и наименование ответственной организации (учреждения), однако, не имеет показателей, традиционно напрямую относящихся к оценки эффективности пенсионного обеспечения (например, в состав индикаторов входит уровень бедности и показатели неравенства потребления).

Таблица 6 – Критерии оценки реализации долгосрочных планов по развитию пенсионных систем

Страна	Критерии оценки реализации
Ирландия	<ul style="list-style-type: none"> - Коэффициент замещения в 34% среднего заработка государственной пенсиею; - отсутствие повышения пенсионного возраста до 2035 года, кроме тех, что предусмотрены в 2021 и 2028 годах; - разработана и внедрена новая сберегательная система.
ЕС (Европейская Комиссия)	Конкретные задачи и индикаторы устанавливаются на национальном уровне

	стран-членов ЕС.
Таджикистан	Среднегодовой рост реального размера пенсий в 6%.
Молдова	<ul style="list-style-type: none"> - Минимальный коэффициент замещения; - соотношение между средним размером пенсий и прожиточным минимумом пенсионера; - доля численности пенсионеров с пенсиею ниже прожиточного минимума пенсионеров в общей численности пенсионеров; - дефицит бюджета государственного социального страхования.
Монголия	<ul style="list-style-type: none"> - Процент социально активного населения, охваченного социальным страхованием; - показатели неравенства потребления; - уровень бедности.

Источник: составлено автором по материалам исследования [\[21\]](#) [\[22\]](#) [\[23\]](#) [\[24\]](#) [\[25\]](#).

Положения о развитии системы социального страхования по старости содержатся в пятилетнем плане на 2021-2025 гг. национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики как части «Vision 2035 of the People's Republic of China», в том числе: (1) достижение скоординированного национального управления фондами базового страхования; (2) сокращение ограничений, препятствующих работникам с гибкой занятостью участвовать в страховании; (3) корректировка базовой пенсии для городских рабочих; (4) формирование многоуровневой и многокомпонентной системы страхования по старости, в которой будут хорошо регулируемые частные пенсии в качестве третьего уровня [\[32\]](#).

В рамках разработанных в 2006 году программы «Vision 2021» и перспективного плана Бангладеша на 2010-2021 гг., в 2015 году была принята Национальная стратегия социального обеспечения [\[33\]](#) и план действий по её реализации [\[34\]](#), предусматривающие создание комплексной пенсионной системы для пожилых людей с: (1) пособием по старости для пожилых людей в возрасте 60 лет и старше, принадлежащих к бедному и уязвимому населению; (2) созданием Национальной схемы социального страхования на основе принципа совместной уплаты взносов работодателями и работниками; (3) содействием развитию частной добровольной пенсии, которая открыта для всех граждан, независимо от рода деятельности или формальности трудоустройства до 2019 года; (4) развитием прямых платежей населению «G2P». Вышеуказанные задачи разбиты на мероприятия с выделением кластера ответственных за них органов государственного управления и организаций.

Проведенный анализ показал ряд закономерностей: (1) за исключением Таджикистана, период планирования развития пенсионной системы не превышает 10 лет; (2) фактическое ухудшение демографической ситуации является предпосылкой проведения реформ в 4 из 5 анализируемых странах; (3) в Таджикистане, Молдове и Монголии

долгосрочные цели по развитию пенсионной системы включены в состав стратегий развития всего государства, в ЕС – в отдельном документе; (4) только в Ирландии переход к накопительной пенсионной системе включается в состав высокоуровневых целей, в 3 из 5 стран включили в них долгосрочную устойчивость пенсионной системы; (5) все страны поставили задачу по внедрению или совершенствованию накопительного компонента пенсионной системы; (6) среди количественных индикаторов реализации: коэффициент замещения, рост реального размера пенсий, показатели неравенства и бедности; (7) только в Молдове предусмотрен индикатор обеспечения финансовой сбалансированности пенсионной системы.

Отметим, что стратегические документы, предметом которых являются развитие пенсионной системы, могут приниматься не только на уровне центрального правительства, но и на уровне государственных учреждений (Government Pensions Administration Agency, Южно-Африканская Республика [\[35\]](#), The Pensions Authority, Ирландия [\[36\]](#), Social Security Administration, США [\[36\]](#)), контрольных и регуляторных органов (Financial Conduct Authority (FCA) и The Pensions Regulator в Великобритании [\[38\]](#)), администраторов муниципальных пенсионных планов (British Columbia Municipal Pension Plan, Канада [\[39\]](#)).

Таким образом, стратегическое управление развитием пенсионными системами, которое заключается в разработке, реализации, мониторинге и оценке долгосрочных планов правительств и ответственных субъектов по изменению параметров пенсионного обеспечения и структуры пенсионной системы, основанных на долгосрочном прогнозировании и предвидении, в общемировой практике затруднено: критическое влияние на их финансовую устойчивость, достаточность и эффективность пенсионного обеспечения факторов старения населения, фрагментарной занятости, увеличения коэффициента демографической нагрузки, экономических кризисов и повышения неопределенности на финансовых рынках, эффекты которых наблюдаются в разных масштабах для каждой страны, и как сильными временными лагами, так и без, создает ситуацию преимущественно ситуативного и оперативного управления пенсионными системами посредством проведения пенсионных реформ в целях снижения государственных расходов на пенсионное обеспечение по старости, недопущения увеличения государственного долга и снижения обязательств правительств перед пожилым и нетрудоспособным населением в целом. Общая тенденция развития пенсионных систем заключалась в значимом расширении охвата пенсионным обеспечением и повышении адекватности пенсионных выплат практически до начала XX века за счет создания масштабных по объему обращающихся в них денежных средств, в большинстве стран, общенациональных распределительных пенсионных систем, в которых использовались одновременно бюджетный и страховой механизмы. Далее, под влиянием вышеуказанных факторов и фундаментальных работ международных организаций, сопровожденных их финансовой и организационной помощью, началось активное повышение роли накопительных механизмов пенсионного обеспечения, особенно реализующихся частными организациями, с неоднозначными результатами в разных странах, в том числе по причине неготовности большей части населения к самостоятельному решению вопросов своего пенсионного обеспечения и должностному планированию [\[40\]](#). Ближе к настоящему времени государства столкнулись с продолжающимся влиянием негативных факторов, которые и опосредуют развитие пенсионных систем. Мы наблюдаем почти общемировую тенденцию их функционирования и циклы проведения пенсионных реформ, подтверждающие инерциальное развитие национальных пенсионных систем. Впрочем, мы изучили опыт стратегического

управления ими в отдельных странах: демографическая ситуация, низкая адекватность пенсионных выплат в распределительной модели и недостатки функционирования накопительного механизма являлись наиболее частыми причинами разработки долгосрочного плана. Основными целями развития пенсионных систем являлись обеспечение их финансовой устойчивости и повышение уровня пенсионного обеспечения, методами их достижения – развитие трехуровневых пенсионных систем с акцентом на накопительный механизм, горизонтом планирования – от 5 до 30 лет. Только в Ирландии к показателям реализации долгосрочного плана включено отсутствие внепланового повышения пенсионного возраста на протяжении 17 лет, что соответствует общемировому тренду увеличения данного показателя [41] [42]. Отметим, что механизмы автоматической корректировки или стабилизации, упрощающие принятие решений о мерах по изменению параметров пенсионного обеспечения [43], не были включены ни в один из анализируемых документов. Детализация мероприятий стратегических документов, как и качество состава индикаторов их реализации, разнятся от детального плана-графика с четкими критериями в Ирландии до констатации основных направлений и отсутствия прямых индикаторов, связанных с пенсионным обеспечением, в Молдове.

Заключение. Стратегическое развитие пенсионных систем затруднено – в мировой практике сохраняется инерционное управление ею, отражающееся в циклах увеличения или уменьшения пенсионных реформ, обусловленных изменением макроэкономических показателей или демографической ситуации. Оперативное, кратко- и среднесрочное управление пенсионной системой преобладает над стратегическим. Их развитие осуществляется через циклы параметрических и структурных преобразований разной интенсивности, обусловленных стремительным ростом государственных долгов и расходов на социальное обеспечение, демографическими факторами и отсутствия внутренних стабилизаторов. При этом, управление развитием молодых пенсионных систем в развитых странах (например, Польша, Венгрия, Словакия, Чехия) характеризуются большей недальновидностью. При этом, долгосрочные планы отдельных стран по совершенствованию пенсионной системы как включены в стратегии развития всего государства (например, в Монголии и Китае), так и являются отдельными стратегическими документами (например, в Ирландии). С дальностью планирования от 5 до 30 лет они утверждают целевые значения показателей, связанных с размерами пенсий (коэффициент замещения, отношение к прожиточному минимуму пенсионера), финансовой устойчивостью пенсионной системы и параметрами пенсионного страхования (например, пенсионного возраста, порядок индексации назначенных пенсий). Развитие пенсионных систем в стратегических планах включает, как и расширение пенсионной системы, так и модернизацию отдельных её компонентов и пенсионных планов, разработку сберегательных программ. В отдельных странах (Ирландия, Бангладеш) документы содержат и план-график действий правительства по их реализации, в том числе с разбиением на этапы.

Благодарности

Статья подготовлена под научным руководством Балынина Игоря Викторовича, к.э.н., доцента, доцента Кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Библиография

1. Балынин И.В. Особенности построения пенсионных систем стран бывшего СССР // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2017. – № 2 (39). – С. 195-199.

2. Disney R. Are contributions to public pension programmes a tax on employment? // *Economic Policy.* – 2004. – Т. 19. – №. 39. – С. 268-311.
3. Westerhout E. et al. Should we revive PAYG? On the optimal pension system in view of current economic trends // *European Economic Review.* – 2022. – Т. 148. – С. 104227.
4. Caballero R.J., Farhi E., Gourinchas P.O. The safe assets shortage conundrum // *Journal of economic perspectives.* – 2017. – Т. 31. – №. 3. – С. 29-46.
5. Bonenkamp J. et al. Ageing-driven pension reforms // *Journal of Population Economics.* – 2017. – Т. 30. – С. 953-976.
6. Гурвич Е.Т. Долгосрочные тренды пенсионной политики в мире // *Финансовый журнал.* – 2019. – № 6. – С. 9-26.
7. Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd.org/els/public-pensions/oecd-pensions-at-a-glance-19991363.htm>. (дата обращения: 10.12.2024).
8. Швандар К.В., Анисимова А.А. Подходы к реформированию пенсионных систем в мире и рекомендации для России // *Финансовый журнал.* – 2021. – № 1. – С. 125-135.
9. Трансформация пенсионных систем в условиях восточноевропейской модели социального государства: компаративный анализ. Научный дайджест. № 11. (16). 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/11/30/1714528476/Human_Capital_NCMU_Digest_16_Pension_Systems_Transformations_2022.pdf(дата обращения: 02.12.2024).
10. Жукова Т.В. Волновая природа пенсионных реформ. Первая волна. 1994-2008 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – № 6. – С. 130-151.
11. Beetsma R.M. W.J., Romp W.E., van Maurik R. What drives pension reform measures in the OECD? Evidence based on a new comprehensive dataset and theory. – 2017.
12. Whitehouse E. Pension indicators: reliable statistics to improve pension policymaking. – The World Bank. – 2012. – №. 70347. – С. 1-12.
13. Holzmann R. Global pension systems and their reform: Worldwide drivers, trends and challenges // *International Social Security Review.* – 2013. – Т. 66. – №. 2. – С. 1-29.
14. France's controversial pension reform, in detail. Le Monde. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.lemonde.fr/en/politics/article/2023/01/10/pension-reform-france-to-raise-minimum-retirement-age-to-64-by-2030_6011092_5.html (дата обращения: 06.12.2024).
15. Синявская О.В., Якушев Е.Л., Червякова А.А. Российская пенсионная система в контексте долгосрочных вызовов и национальных целей развития. НИУ ВШЭ. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/data/2024/02/29/2082823230/рос_пенс_система.pdf (дата обращения: 06.12.2024).
16. Holzmann R., Hinz R. P., Dorfman M. Pension systems and reform conceptual framework // *World Bank Discussion Paper.* – 2008. – Т. 824. – 31 с.
17. Guidelines relating to private pensions. OECD. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd.org/finance/private-pensions/oecdguidelinesrelatingtoprivatepensions.htm> (дата обращения: 09.12.2024).
18. Kramer M. C.F., Li M.Y. Reform of the Canada pension plan: Analytical considerations // *International Monetary Fund.* – 1997.
19. Thailand Social Protection Diagnostic Review. Review of the pension system in Thailand. International Labour Organization 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/documents/publication/wcms_836733.pdf(дата обращения: 05.12.2024).
20. Bloom D.E., McKinnon R. The design and implementation of public pension systems in developing countries: Issues and options // *IZA Policy Paper.* – 2013. – №. 59.

21. A Roadmap for Pension Reform 2018-2023. Government of Ireland. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://assets.gov.ie/10968/9740541c18cc4eaf92554ff158800c6f.pdf> (дата обращения: 02.12.2024).
22. Commission presents White Paper on pensions. – [Электронный ресурс]. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/de/MEMO_12_108 (дата обращения: 13.12.2024).
23. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the Period Up To 2030. – [Электронный ресурс]. – URL: https://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/NDS-2030_edited_14.3.doc (дата обращения: 23.12.2024).
24. Moldova 2020. National Development Strategy: 7 solutions for economic growth and poverty reduction. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mol145266.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).
25. Vision-2050. Introduction to Mongolia's long-term development policy document. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://vision2050.gov.mn/file/AlsiinkharaaEnglish1020.pdf> (дата обращения: 03.12.2024).
26. Marketa P. Understanding EU action on pensions. 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/753953/EPRS_BRI\(2023\)753953_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/753953/EPRS_BRI(2023)753953_EN.pdf) (дата обращения: 02.12.2024).
27. Конвенция Международной организации труда от 28.06.1953 № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения».
28. Aggregate replacement ratio. Eurostat. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/browser/bookmark/7d467608-9efd-4a7e-aeb4-9f6b57ba3c10?lang=en> (дата обращения: 07.12.2024).
29. Net pension replacements rates. OECD. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.oecd.org/pension/net-pension-replacement-rates.htm> (дата обращения: 13.12.2024).
30. Social Security Sector Plan. Vision 2030 Jamaica National Development Plan. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vision2030.gov.jm/wp-content/uploads/sites/2/2020/12/Microsoft-Word-Social-Security-Sector-Plan.pdf> (дата обращения: 03.12.2024).
31. Universal old-age pensions in Mongolia. ILO. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ilo.org/publications/universal-old-age-pensions-mongolia> (дата обращения: 03.12.2024).
32. Outline of the 14th Five-Year Plan (2021-2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (дата обращения: 10.12.2024).
33. National Social Security Strategy (NSSS) of Bangladesh. – [Электронный ресурс]. – URL: https://bcsadminacademy.portal.gov.bd/sites/default/files/files/bcsadminacademy.portal.gov.bd/page/6a28f1e5_7ded_44a1_a531_bd13881c8e0c/NSSS-3rd-Version-Web-version.pdf (дата обращения: 03.12.2024).
34. Action Plan 2016-2021 Cabinet Division and General Economics Division of Planning Commission Government of the People's Republic of Bangladesh Implementation of National Social Security Strategy (NSSS) of Bangladesh. – [Электронный ресурс]. – URL: https://file-dhaka.portal.gov.bd/files/dss.rajbari.gov.bd/notices/0fdaca1f_1eec_4246_be67_3bdfcc7c4f96/b63f4da3faf1f80bf0a17a206492f564.pdf (дата обращения: 13.12.2024).
35. Strategic Plan 2020/2021 – 2024/2025. Government Pensions Administration Agency. – [Электронный ресурс]. – URL:

- <https://www.gpaa.gov.za/downloads/Strategic%20Plan%20Strategic%20Plan%2014-20pm.pdf> (дата обращения: 27.12.2024).
36. The Pensions Authority statement of strategy 2022 to 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: https://pensionsauthority.ie/wp-content/uploads/2023/07/pensions_authority_statement_of_strategy_2022-2024.pdf (дата обращения: 13.12.2024).
37. Agency Strategic Plan: Fiscal Years 2022–2026. Social Security Administration. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ssa.gov/agency/asp/materials/pdfs/SSA_Agency_Strategic_Plan_Fiscal_Years_2022-2026.pdf (дата обращения: 27.12.2024).
38. Regulating the pensions and retirement income sector: our joint regulatory strategy. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thepensionsregulator.gov.uk/en/about-us/how-we-regulate-and-enforce/fca-and-tpr-joint-strategy> (дата обращения: 27.12.2024).
39. MPBT Strategic Plan, 2023–2026. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://mpp.pensionsbc.ca/documents/391208/1204262/%28PDF%29+MPBT+2023-2026+Strategic+plan.pdf/3c2c0403-57eb-e4e6-ae21-a73ed232fd71?t=1689612910107> (дата обращения: 01.12.2024).
40. Швандар К.В., Анисимова А.А., Каменская Н.Ю. Тенденции изменения архитектуры наиболее устойчивых многоуровневых пенсионных систем // Финансовый журнал. – 2024. – № 4. – С. 82-94.
41. Балынин И.В. Пенсионные системы зарубежных стран: анализ ключевых показателей и особенности построения // Аудит и финансовый анализ. – 2017. – № 1. – С. 353-358.
42. Молина О.А., Ярин В.Ю., Львова М.И., Юзович Л.И. Современная парадигма пенсионного обеспечения в Европе // Вопросы управления. – 2024. – № 4 (89). – С. 68-79.
43. Dedák I., Fiser N. Pension reforms in Hungary: have they gone too far? // Journal of Pension Economics & Finance. – 2024. – № 23. – С. 438-453.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию зарубежного опыта стратегического управления развитием национальных пенсионных систем.

Методология выполненной работы базируется на обобщении сведений из современных научных публикаций по рассматриваемой теме, изучении законодательных актов и нормативных документов, регламентирующих пенсионные отношения в разных странах мира.

Актуальность работы авторы справедливо связывают с ростом масштаба пенсионных систем, увеличением численности участников, институтов и объемов перераспределения валового внутреннего продукта в целях пенсионного обеспечения и пенсионного страхования, усложнением социально-экономических отношений по поводу пенсионного обеспечения, а также влиянием долгосрочных демографических трендов на финансовую устойчивость пенсионных систем и эффективность финансово-инвестиционных моделей пенсионного обеспечения, а также необходимостью разработки долгосрочных планов правительства по совершенствованию пенсионных систем.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в обобщении основных характеристик стратегического управления развитием пенсионных систем зарубежных стран.

В статье освещено развитие пенсионных систем в разных странах, начиная с середины двадцатого века, показано распространение применения PAYG модели, активный переход к накопительным моделям пенсионного обеспечения. Отмечено, что управление пенсионной системой является в мировой практике процессом непрерывным, несмотря на долгосрочный период финансовых отношений, что обусловлено необходимостью оперативного управления и реагирования на текущие изменения. В публикации приведены примеры долгосрочных программных подходов к управлению развитием пенсионной системой в Ирландии, странах ЕС, Таджикистане, Молдове, Монголии с отражением целей, задач, временных горизонтов планов по развитию пенсионных систем, а также критерии оценки реализации этих планов. В статье детально освещены Индикаторы реализации направления развития пенсионной системы стратегии «Молдова-2020». Сделан вывод о том, что в мировой практике сохраняется инерционное управление пенсионными системами, оперативное, кратко- и среднесрочное управление преобладает над стратегическим.

Библиографический список включает 43 источников – научные публикации по рассматриваемой теме отечественных и зарубежных авторов на русском и иностранных языках. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Национальная безопасность / nota bene», отражает результаты проведенного авторского исследования, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию..

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленное исследование выполнено на весьма актуальную, но далеко не часто рассматриваемую тему по развитию управления пенсионными системами современных государств. Автор сформулировал задачи исследования, последовательно их решает по ходу его изложения.

Предмет исследования определен, и автор не отступает от него на протяжении всей работы. Методология исследования представлена анализом зарубежного опыта, статистическим и сравнительным анализом, хотя именно методы исследования и не обозначены в работе напрямую.

Как уже было отмечено, актуальность исследования высока и, кроме того, ценность исследования определяется его оригинальным подходом, достаточно широко охватывающим опыт многих стран по развитию их пенсионных систем.

Научная новизна содержится в представленной работе. Отметим, прежде всего, выявленные принципы и модели пенсионных систем, особенности стратегических государственных планов различных государств, о которых говорит автор. Оценка выполнения стратегических планов через индикаторы и целевые показатели показана как инструмент стратегического наблюдения за ходом реализации государственных мер по развитию пенсионных систем. Отмечая научные результаты исследования, обратим внимание на то, какие аспекты затронуты автором: анализ соотношения планов развития пенсионных систем на общем фоне государственных реформ и мер, применение планов развития системы социальных гарантий в системе стратегических решений государства, макроэкономические оценки пенсионного обеспечения на основе количественных показателей. Автором показаны те характеристики государственной системы

пенсионного обеспечения, на основе которых можно делать выводы о ее состоятельности, проводить международные сравнения. Приведем пожелание относительно того, что следовало бы выделить группу финансовых показателей состояния пенсионных систем на фоне достаточно общих макроэкономических.

К статье приведен достаточно обширный список источников, включая иностранные источники, что подтверждает выполнение достаточно большой работы автором. Ссылки приведены.

Статья изложена научным языком в стиле исследования, структурирована по замыслу автора в разрезе поставленных задач. Это способствует раскрытию темы. Содержание представляется весьма интересным, поскольку позволяет получить представления о пенсионных системах таких стран, как Молдова, Ирландия, Таджикистан, Ямайка, Монголия, Китай и других.

Библиография, как уже было отмечено, весьма обширна, включает источники на русском и иностранных языках. Автор опирается на статистические источники, тексты государственных документов, информационные сообщения. Анализирует также и мнения иных исследователей.

Следует отметить, что статья структурирована с одной стороны, в соответствии с требованиями издательства, с другой стороны, данная структура позволяет рассмотреть наиболее важные с точки зрения его задач вопросы. Данный аспект заслуживает одобрения.

Представленное исследование, безусловно, вызовет интерес читательской аудитории. Оно представляет собой завершенное исследование и может быть рекомендовано к публикации.

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Мартынов Д.В., Мазелис Л.С. Анализ эффективности морских портов Дальневосточного бассейна на основе стейкхолдерского подхода // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.73011 EDN: BDINEE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73011

Анализ эффективности морских портов Дальневосточного бассейна на основе стейкхолдерского подхода

Мартынов Дмитрий Валерьевич

ORCID: 0009-0004-8414-7743

аспирант; кафедра Математики и моделирования; Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, ауд. 1443

✉ graduate-2023@bk.ru

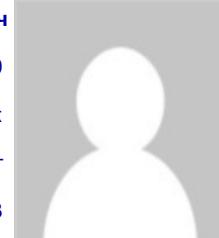
Мазелис Лев Соломонович

ORCID: 0000-0001-7346-3960

доктор экономических наук

профессор; кафедра математики и моделирования; Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, ауд. 1443

✉ lev.mazelis@vvsu.ru

[Статья из рубрики "Экономическое обеспечение национальной безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.1.73011

EDN:

BDINEE

Дата направления статьи в редакцию:

13-01-2025

Дата публикации:

05-02-2025

Аннотация: Статья рассматривает актуальные методические вопросы оценки эффективности работы морских портов Дальневосточного бассейна, основанные на стейкхолдерском подходе. Порты играют ключевую роль в глобальных цепочках

поставок, обеспечивая рост экономики, привлечение инвестиций и развитие инфраструктуры. Однако традиционные подходы к оценке их эффективности недостаточны, так как не учитывают интересы различных групп стейкхолдеров. Целью исследования является разработка универсального инструмента оценки, отражающего запросы всех основных групп заинтересованных сторон с учётом их важности. Для формирования базы исходных данных используются государственные и корпоративные отчеты. Предметом исследования является методика комплексной оценки эффективности морских портов с использованием стейкхолдерского подхода. Объектом выступают морские порты Дальневосточного бассейна России, анализируемые с учетом их влияния на экономические, социальные и экологические аспекты развития регионов. Методология исследования включает формирование интегрального показателя эффективности, представляющего собой свёртку стейкхолдерских индикаторов эффективности, основанных на анализе различных аспектов деятельности порта и их влияния на региональное и национальное развитие. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к оценке, который учитывает интересы стейкхолдеров и связывает результаты с концепцией устойчивого развития. Выводы подчеркивают значимость функционирования портов не только для экономического и социального роста региона, но и для национальной безопасности, учитывая их стратегическую роль в глобальных цепочках поставок. Результаты исследования показывают, что лидерами по эффективности являются порты Владивосток и Восточный, демонстрирующие устойчиво высокие показатели по большинству категорий. Наименее эффективными оказались порты Де-Кастри и Николаевск-на-Амуре. Результаты исследования имеют широкую область практического применения, как с точки зрения повышения конкурентоспособности порта, так и для устойчивого развития и обеспечения сбалансированного роста в социально-экономическом и экологическом контекстах.

Ключевые слова:

морской порт, показатели эффективности порта, стейкхолдерский подход, Дальневосточный бассейн, конкурентоспособность, устойчивое развитие, федеральная эффективность, региональная эффективность, экологическая эффективность, общественная эффективность

1. Введение

Во всей современной истории порты являются важнейшими узлами транспортной инфраструктуры, через которые проходят значительные объемы грузов как внутри страны, так и за ее пределами, при этом эффективность их функционирования напрямую влияет на социально-экономическое развитие территории и страны в целом.

Значимость морских портов для страны широко представлена в Стратегии развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 г., которая подчеркивает ключевое значение морских портов для Российской Федерации. Реализация Стратегии направлена на увеличение портовых мощностей, улучшение государственного управления данной отраслью, повышение конкурентоспособности портов РФ, обеспечение их безопасного функционирования и развития. Стоит отметить, что в современных политических и экономических условиях именно порты Дальнего Востока и сам Дальний Восток приобретают особую стратегическую значимость для государства. В свою очередь при оценке деятельности порта необходимо учитывать запросы и ожидания всех основных стейкхолдеров, успешное взаимодействие с которыми обеспечивает его успешное

развитие на основе устойчивости и сбалансированности взаимодействия с ними.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью разработки инструмента, который позволит оценивать эффективность работы морского порта на основе комплексного подхода с учетом экономических, социальных и экологических факторов, моделирующих запросы каждой группы заинтересованных сторон.

Объектом исследования является функционирование морского порта, а предметом – методика оценки эффективности работы морских портов Дальневосточного бассейна с использованием стейкхолдерского подхода.

2. Обзор литературы

В результате анализа научных работ российских и зарубежных ученых, посвящённых оценке эффективности деятельности морского порта и его влиянию на территорию, авторами были выделены группы исследований, представленные ниже, в рамках которых рассматриваются несколько подходов к оценке деятельности порта:

- экономический подход, оценивающий экономическую деятельность порта и его влияние на социально-экономические показатели территории;
- логистический подход, направленный на оценку грузовых потоков и улучшение процессов транспортировки;
- экологический подход, ориентированный на оценку воздействия на окружающую среду;
- социальный подход, учитывающий влияние порта на местное сообщество и качество жизни населения;
- комплексный подход, учитывающий несколько вышеуказанных подходов.

2.1. Экономический подход к оценке эффективности порта

Наиболее часто в научной литературе исследователи акцентируют внимание на экономической значимости порта, как важнейшего элемента региональной экономики, влияющего на торговлю, логистику и развитие территории. При этом работа портов оценивается через их вклад в ВВП, привлечение инвестиций и обеспечение экономического роста.

В работе [1] Lee S.W. et al. рассматривают эволюцию азиатских мировых портов и их влияние на повышения уровня благосостояния прилегающих регионов.

Заостровских Е.А. [2, 3] обосновывает возможность рассматривать оценку развития порта как с точки зрения прибыльности, так и с точки зрения его влияния на экономическое благополучие региона. Для оценки предлагается использовать показатели объема дохода порта, оценки вклада порта в ВРП, долю затрат и т.д.

Николаева Н.К. и др. в работе [4] дают оценку экономической деятельности порта путем использования интегральной оценки – коэффициента эффективности работы морского порта, позволяющего оценить финансовую устойчивость деятельности порта и его ликвидность.

Ксензова Н.Н. [5] исследует зависимость рентабельности продукции, как основной

характеристики эффективности деятельности порта, от показателей эффективности использования производственных и финансовых ресурсов на основе построения эконометрической модели на выборке малого объёма, что сказывается на точности полученных результатов.

Д.С. Хасанов [6] предлагает рассчитывать коэффициент эффективности работы портового комплекса в виде среднего геометрического показателей, характеризующих меру использования основных производственных фондов, степень загрузки производительной мощности, средний возраст портового оборудования и его соответствие нормативам. Предложенный коэффициент эффективности обладает простотой расчета, количественной определенностью и возможностью использования при прогнозе развития.

Следует отметить, что рассмотрение лишь экономического влияния порта значительно сужает оценку его значимости для региона, так как порт является значительным фактором не только экономического, но и социального развития территории.

2.2. Логистический подход к оценке эффективности порта

Ряд авторов фокусируются на роли порта в цепочках поставок и его способности обеспечивать эффективное перемещение товаров. Здесь актуальность порта определяется его способностью справляться с растущими объемами грузооборота, скоростью обработки судов и качеством предоставляемых услуг.

В работе Эглит Я. Я. и др. [7] отражена основная цель этого подхода – обеспечить максимальную скорость, надежность и минимизацию затрат при перемещении товаров через портовые терминалы.

Notteboom T. et al. в статье [8] рассматривают возможное влияние изменения логистических процессов порта на развитие региона.

В работе Тимошиной А. С. и др. [9] для оценки логистических процессов предлагается использовать показатель продолжительности логистического цикла и обосновывается, что его сокращение ведет к сокращению издержек и повышению прибыльности порта.

В статье Бабурина В. А. и др. [10] авторами предлагается методика оценки экологической и экономической эффективности порта через показатели сокращения стояночного времени судов и увеличения пропускной способности порта.

Железкова П. Е. [11] рассматривает более широкий подход путём сопоставления логистических процессов и финансовой эффективности деятельности порта. Результаты проведенной оценки предлагается использовать для ускорения грузооборота, улучшения технологии грузовых работ и использования перегрузочных средств.

Beatriz T. et al. в работе [12] рассматривают оценку связности портов и предлагают оценивать эффективность их относительной специализации на основе рассмотрения влияния затрат на обслуживание грузов (включающие в себя: рабочую силу, расходы на промежуточное потребление и расходы на услуги капитальных активов) на структуру его грузооборота и определяя в какой степени каждый из факторов влияет разные типы грузов. Данный подход позволяет определить, какие ресурсы в порту могут принести наибольший эффект исходя из его специализации.

Таким образом, исследователи, работы которых можно отнести к логистическому

подходу, акцентируют внимание, как правило, на следующих вопросах: оптимизация грузопотоков, управление запасами, интеграция информационных систем, контроль сроков доставки.

Основным недостатком данного подхода, является то, что, сосредотачиваясь на оптимизации логистических процессов, авторы мало внимания уделяют оценке влияния порта на экономику региона, несмотря на то, что такая оптимизация предполагает строительство крупных хабов или расширение инфраструктуры порта.

2.3. Экологический подход к оценке эффективности порта

В последние годы все больше внимания уделяется вопросам экологии и устойчивого развития в связи с чем получает развитие экологический подход. Авторы, придерживающиеся этого подхода, оценивают актуальность портов через призму их воздействия на окружающую среду и способность минимизировать негативные последствия своей деятельности.

В работе Acciaro M. et al. [13] анализируются экологические действия, выполняемые портовыми властями и через призму достижения «зеленых целей» дается оценка эффективности порта.

В статье Taljaard S. et al. [14] рассматривается концепция «зеленых портов», и предлагается оценивать соответствие портов этой концепции, как обоснования устойчивости порта. В этом исследовании разработан метод оценки показателей устойчивости порта, который соотносит технические показатели с локально соотносимыми контекстами, показывающими экологичность морского порта.

Авторами исследований [15] Ивановой М. С. и др. и Li J. et al. [16] указывается, что к основным видам негативного воздействия морского порта на окружающую среду относятся: 1) выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ и иных веществ; 2) сбросы загрязняющих веществ, иных веществ и микроорганизмов в поверхностные водные объекты, подземные водные объекты и на водосборные площади; 4) загрязнение недр, почв; 5) размещение отходов производства и потребления; 6) загрязнение окружающей среды шумом, теплом, электромагнитными, ионизирующими и другими видами физических воздействий. Что в свою очередь требует обязательного учета и оценки для принятия эффективных мер по защите территории. Что требует учета и оценки как негативного фактора развития территории.

В работе Taehwee L. et al. [17] предлагается оценивать комплексное влияние на экологическое состояние не только порта, но и портовых городов используя подход анализа охвата данных (DEA).

Работы, посвященные оценке экологической результативности, дают представление о современном состоянии и перспективах экологического подхода, а также помогают лучше понимать, какие меры необходимо предпринимать для минимизации негативного воздействия портовой деятельности на окружающую среду и обеспечения устойчивого развития отрасли. Вместе с тем не целесообразно сводить работу порта, только к данному аспекту, так как порт дает синергетический эффект для развития территорий и экологический эффект не является определяющим.

2.4. Социальный подход к оценке эффективности порта

Гораздо реже авторы, используют социальный подход, в котором рассматривают порт не

только как экономический объект, но и как важную часть социальной структуры региона. Их интересуют вопросы занятости населения, уровня жизни работников порта и социального благополучия местных сообществ.

В работе Vanelslander T. [18] исследуется социальная ответственность морских портов с точки зрения заинтересованных сторон и их вклада в общественное благо, результаты исследования определяют какие социально значимые цели функционирования порта нуждаются в общественной поддержке и какие инициативы следует стимулировать.

Авторы статьи Сячин В.Г. и др. [19] анализируют, как наличие в порту реализуемой системы корпоративной социальной ответственности влияет на деятельность порта, а также проводится сравнение практик крупных китайских компаний.

В работах признается ключевая роль портов как важных элементов социальной инфраструктуры прилегающих территорий.

2.5. Комплексный подход к оценке эффективности порта

В то же время ряд исследователей отмечает, что наиболее точной будет комплексная оценка работы порта, которая включает рассмотрение нескольких из вышеперечисленных аспектов, чтобы дать более полное представление об эффективности его функционирования. Такой подход позволит выявить сильные и слабые стороны по разным направлениям, определить направления для улучшения и обеспечить устойчивое развитие порта в будущем.

Один из примеров такого подхода [20] представлен в статье Китцманн Х. и др. «Анализ эффективности функционирования морских портов Балтийского бассейна России». На первом этапе авторы обозначают все стороны, которые входят в структуру взаимодействия морского порта и внешней среды. Для каждой группы эффективность порта зависит от разных показателей, поэтому следующий этап заключается в том, чтобы определить совокупность характеристик, подходящих всем. Для этого авторами предлагается использовать показатели, отражающие экономическую, социальную и экологическую эффективность. При этом каждая эффективность рассматривается только с помощью одного из показателей и не соотносится с заинтересованными участниками.

В работе Dariusz B. et al. [21] предполагается при оценке устойчивых эффектов, возникающих в результате реализации проектов в портах или портов оценивать экономические (логистические), экологические и социальные возникающие эффекты, которые определяются в денежном выражении в виде затрат, а экономия затрат способствует общему устойчивому приросту, ожидаемому в результате реализации проекта. Экономический логистический) устойчивый прирост состоит из выгод для пользователей транспорта,

Несмотря на то, что в Бодровцева Н. Ю. [22] предполагается использовать классические показатели конкурентоспособности, а именно количественные и качественные, но раскрытые по отношению к оценке характера их деятельности они соотносятся с логистической эффективностью, а стоимостные с экономической.

Иватанова Н. П. и др. [23] при оценке деятельности порта предлагают пользоваться принципами сбалансированности хозяйственной деятельности оценивая социо-экологово-экономические региональные риски от деятельности порта. Предложены этапы анализа возможных рисков, включающие верификацию, анализ динамики, оценку вероятности

проявления, процедуру выбора предупредительных мер и возможности перераспределения рисков. Работа носит сугубо концептуальный характер и не содержит конкретизации каждого этапа

В то же время анализ представленных источников показал, что отсутствует методика оценки, позволяющая проанализировать степень удовлетворенности портами запросов и ожиданий всех групп стейкхолдеров. Что негативно может сказываться на принимаемых решениях в части обеспечения развития портов, а также снизить успех взаимодействия всех заинтересованных участников, который способен дать необходимый синергетический эффект.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о наличии дефицита инструментального средства, которое позволяет при анализе динамики работы порта учитывать запросы и ожидания каждого из стейкхолдеров.

Выдвигается гипотеза о возможности разработки инструмента, позволяющего комплексно оценивать эффективность морского порта, учитывая различные аспекты: экономический, социальный, экологический.

Целью исследования является разработка методики оценки эффективности морских портов с учетом запросов и ожиданий всех групп заинтересованных сторон.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- сформировать список показателей, сгруппированный видам эффективности и включающий наиболее актуальные для каждого из стейкхолдеров;
- предложить алгоритм нахождения интегрального показателя эффективности на основе свёртки стейкхолдерских индикаторов эффективности.

3. Методы и материалы

На сегодняшний день в Российской Федерации выделены пять морских бассейнов: Азово-Черноморский, Арктический, Балтийский, Дальневосточный, Каспийский, в которых функционируют 67 портов. В таблице 1 и на рисунке 1 приведены данные по суммарному грузообороту морских портов для пяти бассейнов.

Таблица 1 — Суммарный грузооборот портов России по морским бассейнам, 2015–2023 гг., млн т^[1]

Бассейны	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Итого
Азово-Черноморский	232,9	244,1	269,5	272,3	258,2	252	257	263,9	291,4	2340,9
Арктический	35,4	49,8	74,2	92,7	104,8	96	94,3	98,5	97,9	743,6
Балтийский	230,7	236,6	247,5	246,3	256,4	241,5	253,0	245,6	250,8	2208,4
Дальневосточный	171,3	185,6	191,8	200,6	213,5	223,2	224,4	227,9	238,1	1876,2
Каспийский	6,7	6	4	4,8	7,4	8,1	7	6	7,8	57,8
Итого	676,9	722,0	787,0	816,7	840,3	820,8	835,5	841,8	885,9	7226,9

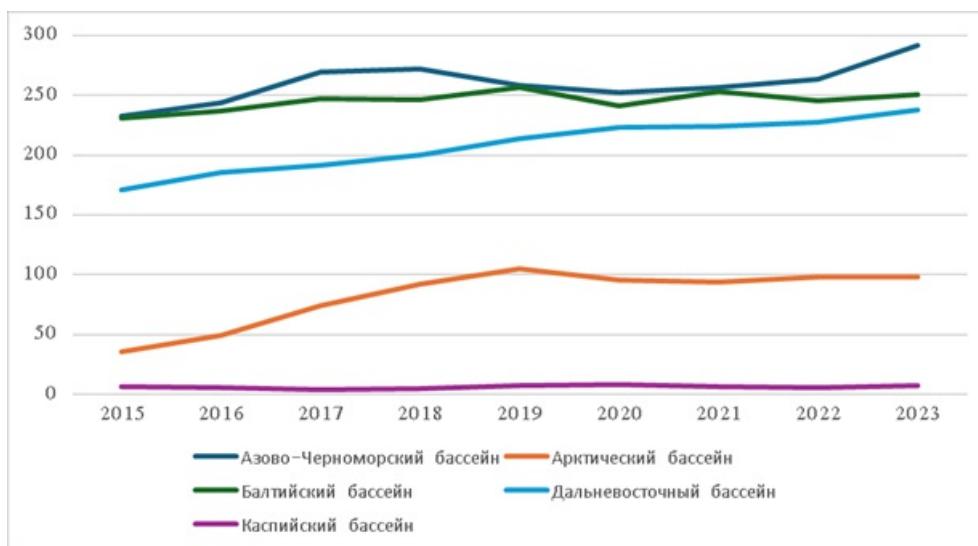

Рисунок 1 — Суммарный грузооборот портов России по морским бассейнам, 2015–2023 гг., млн т^[2]

Как видно из таблицы 1, рисунка 1 наибольший объем перевозок приходится на порты Балтийского и Азово-Черноморского бассейнов, однако значимость портов Дальневосточного бассейна существенно возрастает: за период 2015–2023 гг. грузооборот увеличился почти на 70 млрд. тонн. Стоит отметить, что в складывающихся на современном этапе геополитических условиях роль Дальневосточного бассейна будет и далее возрастать.

Дальневосточный бассейн России включает в себя следующие порты: Владивосток, Восточный, Зарубино, Находка, Ольга, Посыт, Ванино, Де-Кастри, Николаевск-на-Амуре, Охотск, Советская Гавань, Корсаков, Невельск, Пригородное, Холмск, Шахтерск, Магадан, Петропавловск-Камчатский. Все названные порты расположены на побережье Тихого океана, который обладает значительным транспортным потенциалом.

Грузооборот портов Дальневосточного бассейна приведён в таблице 2, из которой видно, что по масштабу деятельности всё множество портов можно разделить на несколько групп ориентируясь на суммарный грузооборот порта. Ориентируясь на данные таблицы 2 логичным является разделить множество портов Дальневосточного бассейна на 3 кластера: крупные — объем грузооборота более 25 млн тонн в год, средние — объем грузооборота от 5 до 25 млн тонн в год, малые — объем грузооборота менее 5 млн тонн в год.

Таблица 2 — Грузооборот портов Дальнего Востока, 2015–2023 гг., млн т^[3]

Порт	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Владивосток	21,15	23,85	24,67	29,55	32,23	33,51
Восточный	69,25	73,54	77,39	77,69	82,29	86,55
Зарубино	0,38	0,36	0,47	0,36	0,57	0,84
Находка	24,29	25,58	26,79	26,90	25,80	27,57
Ольга	1,68	1,71	1,78	1,52	1,46	1,52
Посыт	7,13	7,73	7,29	6,34	6,29	6,02
Ванино	29,50	31,45	33,51	35,36	37,63	34,95
Де-Кастри	12,62	13,57	13,18	11,80	4,98	10,10
Николаевск-на-Амуре	0,02	0,07	0,08	0,04	0,06	0,07
Охотск	0,14	0,20	0,13	0,26	0,21	0,18

Город	~,~.	~,~.	~,~.	~,~.	~,~.	~,~.
Советская Гавань	0,60	0,55	0,98	0,53	0,43	0,51
Корсаков	1,77	1,76	1,97	1,68	1,78	1,80
Невельск	1,81	2,05	1,55	2,00	1,76	1,74
Пригородное	17,03	16,05	16,43	14,49	15,41	13,62
Холмск	1,33	1,48	1,40	1,19	1,90	1,83
Шахтерск	8,76	10,07	11,93	10,86	11,15	13,62
Магадан	1,41	1,57	1,63	1,72	1,87	1,65
Петропавловск-Камчатский	1,69	1,87	1,99	2,08	2,06	2,02

В кластер «крупные» войдут порты Владивосток, Восточный, Ванино и Находка, которые занимают ведущие позиции и обеспечивают подавляющую долю (более 75%) международного и межрегионального грузооборота.

В кластер «средние» входят порты Посыт, Де-Кастри, Пригородное, Шахтерск, обслуживающие ограниченный поток грузов (18%), что косвенно указывает на их региональную значимость.

Порты, входящие в кластер «малые», с долей грузооборота около 5% играют локальную роль и дают ограниченный вклад в общую логистику региона.

3.1 Методика проведения комплексного анализа эффективности деятельности порта

Вопрос анализа результативности деятельности морских портов особенно актуален в свете современных вызовов, с которыми столкнулась российская экономика. Точные результаты оценки работы портов позволяют вовремя увидеть «узкие места» и применить адекватные способы их устранения.

В существующих рыночных условиях любой хозяйствующий субъект имеет определённые взаимоотношения с различными группами заинтересованных сторон (государством, собственниками, сотрудниками, партнёрами, клиентами, обществом и др.), влияющими на обмен с ними ресурсами, а, следовательно, и на эффективность деятельности. В связи с этим, при проведении оценки деятельности портов имеет смысл придерживаться концепции стейкхолдерского менеджмента [24, 25] что позволит наряду с показателями экономической эффективности учитывать социальную и государственную значимости, поскольку главным условием существования является способность удовлетворять запросы широкого круга заинтересованных сторон (стейкхолдеров).

В предлагаемой методике будем при проведении оценки деятельности порта рассматривать и учитывать запросы и интересы основных стейкхолдеров, которыми являются:

- а) «государство» — органы государственного управления на федеральном и региональном уровне,
- б) «общество» — население, проживающее непосредственно на территории влияния порта,
- в) собственники,
- г) персонал компаний,
- д) партнёры.

Использование такого подхода позволяет выделить шесть направлений оценки эффективности деятельности порта: федеральное, региональное, социальное, экологическое, экономическое, эффективность порта как работодателя. Отметим, что запросам отдельного стейкхолдера может соответствовать несколько видов эффективности, например, стейкхолдеру «общество» важны социальная и экологическая эффективности. Сопоставление видов эффективности и стейкхолдеров приведено в таблице 3. Набор видов эффективности частично отличается от приведённой в разделе «Обзор литературы» классификации типов исследований, которая не ориентирована напрямую на запросы стейкхолдеров

Используя открытые данные, представленные Росстатом и отчёты ФГБУ «Администрация морских портов Приморского края и Восточной Арктики», ФГБУ «АМП Охотского моря и Татарского пролива», ФГБУ «Администрация морских портов Сахалина, Курил и Камчатки», а также сетевым изданием «Центр раскрытия корпоративной информации», определим для проведения оценки набор показателей, представленный в таблице 3.

Таблица 3 – Сопоставление видов эффективности с показателями и стейкхолдорами

Вид эффективности	Показатель	Стейкхолдер
Федеральная эффективность	Федеральная часть налога на прибыль, тыс. рублей Объем грузооборота, млн т.	Структуры и органы государственного управления федерального уровня
Региональная эффективность	Вклад в ВРП, тыс. рублей Численность персонала, чел. Региональная часть налога на прибыль, тыс. рублей	Структуры и органы государственного управления регионального уровня
Социальная эффективность	Средняя зп персонала, тыс. рублей Отчисления в социальные фонды, тыс. рублей Расходы на благотворительность, тыс. рублей	Общество
Экологическая эффективность	Углеродный след деятельности порта на единицу площади порта, кгСО ₂ е/га Уровень загрязнения бухты нефтепродуктами, мг/дм ³ Инвестиции в экологические проекты, тыс. рублей	Общество, структуры и органы государственного управления регионального уровня
Экономическая эффективность	Чистая прибыль, тыс. рублей Рентабельность продаж, %	Собственники
Эффективность как работодателя	Средняя зп персонала, тыс. рублей Отчисления в социальные фонды, тыс. рублей	Персонал компании

	Расходы на дополнительное социальное обеспечение, тыс. рублей
--	---

Интегральную эффективность морского порта в момент времени t будем определять следующим образом:

$$\exists(t) = I_1^{\alpha_1}(t) * I_2^{\alpha_2}(t) * \dots * I_J^{\alpha_J}(t), \quad 0 \leq \alpha_j \leq 1, j = 1, \dots, J, \quad (1)$$

где $I_j(t)$ значение индикатора, отражающего эффективность деятельности порта по j -му виду значимости. Степенная зависимость по переменным значимостей моделирует эффект насыщения эффективности по этим переменным.

Соотношение (1) показывает, что интегральная эффективность порта определяется его значимостью для всех основных стейкхолдеров и учитывает синергетические эффекты. При этом роль весовых коэффициентов значимости стейкхолдеров играют показатели степеней α_j . Значимость деятельности порта для каждого стейкхолдера определяется с точки зрения влияния на интересы стейкхолдера и удовлетворением его запросов.

Значение каждого индикатора определяется как взвешенное среднее показателей, соответствующих индикатору:

$$I_j(t) = \sum_{i=1}^{I_j} w_{ji} x_{ji}^{\text{норм}}(t), \quad (2)$$

где $x_{ji}^{\text{норм}}(t)$ – нормированное значение i -го показателя j -й эффективности в год t , $0 \leq x_{ji}^{\text{норм}}(t) \leq 1$; w_{ji} – важность i -го показателя с точки зрения стейкхолдера, задаваемая эксперты путем.

Для определения весов показателей проводится их экспертное ранжирование с точки зрения значимости в j -м виде эффективности, соответствующем конкретному стейкхолдеру, и по формуле Фишберна рассчитываются веса:

$$w_{ji} = \frac{2(M_j - m + 1)}{M_j \cdot (M_j + 1)}, \quad (3)$$

где m – номер показателя при убывающем ранжировании; M_j – количество показателей для j -го вида эффективности.

Нормирование значений показателей производится следующим образом:

$$x_{ji}^{\text{норм}}(t) = \frac{x_{ji}(t) - x_{ji}^{\min}(t)}{x_{ji}^{\max}(t) - x_{ji}^{\min}(t)}, \quad (4)$$

где $x_{ji}^{\text{норм}}(t)$ – нормированное значение показателя в год t ; j – номер индикатора, $j = 1, 2, \dots, J$; i – номер показателя, $i = 1, 2, \dots, I_j$.

4. Результаты

Опираясь на предложенную авторскую методику, были получены результаты по оценке эффективности портов, представленные ниже в таблицах 4-9. В связи с отсутствием

данных из общего расчета были исключены порты: Ольга, Невельск, Шахтерск, Пригородное.

Так же, в связи с тем, что для большинства портов экологические показатели отсутствуют, апробация на первом этапе была проведена для всех портов без учета экологической эффективности.

Для большинства видов эффективности используются показатели в абсолютных единицах, и, тем самым, связанные с масштабом деятельности порта, а не приведённые к относительным единицам измерения – на единицу грузооборота, единицу персонала или др. Это связано с необходимостью рассмотрения вклада каждого порта в удовлетворение запросов стейкхолдеров, для которых важны именно абсолютные значения. Однако, для сравнительного анализа портов имеет смысл проводить его отдельно для крупных, средних и мелких портов.

Индикаторы каждого вида эффективности рассчитываются по (2) с использованием нормированных по формуле (4) значений показателей, соответствующих этому виду эффективности (см. таблицу 3). Процедура нормировки значений показателей по (4) обеспечивает корректную сопоставимость данных. С целью учета различной значимости отдельных показателей в рамках нахождения индикаторов был произведен расчет весовых коэффициентов по формуле (3) на основе результатов экспертного ранжирования показателей

Анализируя динамику федеральной эффективности портов (таблица 4) можно отметить:

- устойчиво высокие показатели, колеблющиеся в диапазоне 0,553–0,993, демонстрирует порт Восточный. Лидерство обусловлено стабильно высоким объемом грузооборота и значительными налоговыми отчислениями;
- сильный рост показателей порта Владивосток в 2023 г.: до 0,693 после нескольких лет стабильности на уровне ~ 0,2. Это связано со значительным увеличением налога на прибыль по сравнению с другими портами Дальнего Востока;
- снижение федеральной части налога на прибыль в порту Ванино привело к резкому снижению показателя эффективности, находящегося длительное время на достаточно высоком уровне;
- устойчивы в своих показателях порты Находка и Посыт, при этом оба в 2023 году демонстрируют положительную динамику, связанную с улучшением финансовой деятельности.

Таблица 4 – Федеральная эффективность портов Дальнего Востока

Наименование порта	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Владивосток	0,195	0,217	0,219	0,247	0,247	0,693
Восточный	0,594	0,993	0,553	0,587	0,589	0,889
Зарубино	0,003	0,002	0,016	0,008	0,003	0,012
Находка	0,228	0,249	0,234	0,234	0,161	0,292
Посыт	0,060	0,068	0,058	0,060	0,064	0,114
Ванино	0,713	0,714	0,716	0,727	0,728	0,246
Де-Кастри	0,091	0,092	0,085	0,076	0,030	0,058
Николаевск-на-Амуре	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Охотск	0,001	0,001	0,000	0,001	0,001	0,001
Советская Гавань	0,004	0,003	0,006	0,003	0,002	0,003

Советская Гавань	0,001	0,002	0,001	0,003	0,001	0,001
Корсаков	0,014	0,013	0,012	0,011	0,011	0,011
Холмск	0,009	0,010	0,009	0,007	0,011	0,011
Магадан	0,010	0,010	0,009	0,008	0,012	0,012
Петропавловск-Камчатский	0,073	0,020	0,020	0,021	0,020	0,031

По группе «крупные порты» следует отметить, что резкий рост показателя федеральной эффективности порта Владивосток в 2023 г. при стабильном грузообороте связан со значительным увеличением федеральной части налога на прибыль. Это требует дополнительного анализа. Возможное объяснение – изменение структуры грузооборота. Порт Восточный также демонстрирует более высокий темп роста прибыли по сравнению с темпом роста грузооборота. Стабильные высокие показатели порта Ванино до 2022 года резко снизились в 2023 г., что связано с уменьшением федеральной части налога на прибыль при стабильном грузообороте.

В группе «средние порты» лучшие показатели демонстрирует порт Посыт. Его показатель эффективности за 5 лет вырос почти в 2, что связано с растущими отчислениями федеральной части налога на прибыль и возможно объясняется ростом производительности труда.

Таким образом:

- крупные порты (Восточный, Владивосток, Ванино, Находка) обеспечивают основную долю федеральной эффективности региона благодаря своему грузообороту и финансовому вкладу;
- средние порты демонстрируют стабильность, но их вклад ограничен по сравнению с крупными портами;
- мелкие порты нуждаются в стратегической поддержке для повышения их эффективности, особенно в части привлечения грузооборота и налоговых отчислений.

Таблица 5 – Региональная эффективность портов Дальнего Востока

Наименование порта	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Владивосток	0,648	0,762	0,922	0,811	0,743	0,852
Восточный	0,964	0,981	0,951	1,000	1,000	0,911
Зарубино	0,015	0,015	0,109	0,064	0,037	0,046
Находка	0,603	0,774	0,778	0,616	0,308	0,379
Посыт	0,154	0,198	0,187	0,204	0,229	0,150
Ванино	0,343	0,425	0,401	0,371	0,362	0,289
Де-Кастри	0,002	0,003	0,003	0,003	0,002	0,002
Николаевск-на-Амуре	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,001
Охотск	0,001	0,001	0,001	0,001	0,001	0,001
Советская Гавань	0,000	0,000	0,001	0,001	0,001	0,000
Корсаков	0,055	0,055	0,043	0,042	0,041	0,038
Холмск	0,014	0,016	0,017	0,017	0,017	0,018
Магадан	0,044	0,043	0,046	0,056	0,064	0,049
Петропавловск-Камчатский	0,018	0,033	0,044	0,028	0,032	0,025

Анализ таблицы 5 показывает, что по региональной эффективности стабильно высокие значения имеет порт Восточный. Порт Владивосток в интервале 2020-2022 имеет провал

и только в 2023 г. рост примерно на 15%. Этот рост связан со значительным увеличением налоговых отчислений в региональный бюджет – примерно в 2 раза.

Следует отметить, что несмотря на то, что грузооборот порта Владивосток существенно меньше грузооборота порта Восточный (почти в 3 раза), за счет высокого уровня вклада в ВРП региона порт Владивосток по региональной эффективности смог практически приблизиться к порту Восточный. По всей видимости это объясняется существенным различием в 2023 г. соотношения между экспортной и импортной составляющей грузооборота в этих портах.

Сравнивая региональную эффективность портов Владивосток, Находка и Ванино мы видим, что при сопоставимом грузообороте региональная эффективность порта Владивосток более чем в 2 раза больше. Это объясняется тем, что доналоговая прибыль порта Владивосток в 2023 г. больше почти в 3 раза, что связано с существенным различием структуры грузооборота и деятельности. Падение показателя у порта Находка в 2022 связано с резким уменьшением региональных налогов.

В группе «средние порты» лучшие показатели демонстрирует порт Посыт. Его показатель эффективности стабильно рос до 2022 г., падение в последнем исследуемом году связано со снижением примерно на 10% всех показателей этого вида эффективности.

Таблица 6 – Социальная эффективность портов Дальнего Востока

Наименование порта	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Владивосток	0,65	0,08	0,60	0,60	0,60	0,60
Восточный	0,43	0,60	0,29	0,26	0,45	0,41
Зарубино	0,18	0,01	0,14	0,03	0,11	0,14
Находка	0,61	0,42	0,56	0,55	0,24	0,20
Посыт	0,02	0,01	0,07	0,05	0,09	0,08
Ванино	0,13	0,01	0,16	0,12	0,17	0,12
Де-Кастри	0,04	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00
Николаевск-на-Амуре	0,06	0,00	0,03	0,02	0,03	0,00
Охотск	0,14	0,02	0,12	0,11	0,21	0,17
Советская Гавань	0,05	0,00	0,03	0,03	0,03	0,02
Корсаков	0,18	0,02	0,14	0,11	0,15	0,12
Холмск	0,17	0,01	0,07	0,08	0,13	0,12
Магадан	0,32	0,03	0,22	0,21	0,68	0,62
Петропавловск-Камчатский	0,31	0,03	0,18	0,20	0,25	0,14

На основании представленных в таблице 6 данных по осоциальной эффективности можно сделать следующие выводы о развитии социальной инфраструктуры территории и партнёрских взаимоотношениях с обществом:

- порт Владивосток является устойчивым лидером как в целом, так и по группе «крупные порты». Это связано с высоким уровнем средней зп и, соответственно, со значительными отчислениями в социальные фонды;
- высокое значение социальной эффективности порта Магадан (на уровне порта Владивосток) объясняется достаточно высокой зп персонала, а также информационной открытостью сведений о расходах на благотворительность;
- снижение социальной эффективности порта Находка связано с невысоким темпом

роста средней зп;

- порты Де-Кастри и Николаевск-на-Амуре имеют крайне низкие значения, что свидетельствует о недостаточном внимании к благосостоянию персонала и потребностям развития прилегающих территорий.

Таблица 7 – Экономическая эффективность портов Дальнего Востока

Наименование порта	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Владивосток	0,462	0,575	0,913	0,889	0,880	0,981
Восточный	0,959	0,955	0,791	0,749	0,739	0,993
Зарубино	0,000	0,000	0,000	0,017	0,077	0,116
Находка	0,786	0,655	0,816	0,695	0,041	0,546
Посыт	0,301	0,432	0,455	0,606	0,621	0,409
Ванино	0,479	0,531	0,581	0,563	0,356	0,209
Де-Кастри	0,485	0,510	0,518	0,475	0,243	0,480
Николаевск-на-Амуре	0,012	0,007	0,015	0,021	0,001	0,000
Охотск	0,011	0,007	0,014	0,023	0,001	0,000
Советская Гавань	0,011	0,008	0,015	0,021	0,002	0,001
Корсаков	0,165	0,121	0,044	0,005	0,065	0,068
Холмск	0,073	0,007	0,010	0,091	0,000	0,064
Магадан	0,036	0,029	0,178	0,331	0,110	0,071
Петропавловск-Камчатский	0,133	0,036	0,207	0,025	0,005	0,006

Анализ представленных в таблице 7 значений индикатора экономической эффективности показывает, что по группе «крупные» порты Восточный и Владивосток являются лидерами с большим отрывом. Это связано как с большим размером чистой прибыли, так и с высоким уровнем рентабельности. Уровень рентабельности портов Находка и Ванино в 1,5 ниже, что и отражается на экономической эффективности. Провал порта Находка в 2022 г. объясняется низким уровнем прибыли и рентабельностью всего 4%.

Средние порты Посыт и Де-Кастри имеют устойчивые средние показатели, что свидетельствует о стабильности и наличии потенциала для роста.

В группе «мелкие» порты Николаевск-на-Амуре, Охотск, Советская Гавань на протяжении всего рассматриваемого интервала балансируют на грани убытка от деятельности, что и определяет околонулевые значения экономической эффективности. Остальные порты этой группы обладают невысоким уровнем прибыли, связанным с объемом их грузооборота, вместе с тем они достаточно финансово устойчивы.

Таблица 8 – Эффективность портов Дальнего Востока как работодателя

Наименование порта	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Владивосток	0,750	0,314	0,730	0,724	0,729	0,718
Восточный	0,591	0,739	0,493	0,470	0,625	0,589
Зарубино	0,169	0,023	0,125	0,047	0,112	0,139
Находка	0,360	0,187	0,279	0,262	0,253	0,290
Посыт	0,073	0,061	0,107	0,088	0,118	0,105
Ванино	0,246	0,142	0,252	0,248	0,303	0,274
Де-Кастри	0,040	0,003	0,009	0,002	0,002	0,004
Николаевск-на-Амуре	0,049	0,003	0,024	0,014	0,026	0,001

Наименование порта	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Охотск	0,020	0,001	0,001	0,004	0,005	0,001
Советская Гавань	0,047	0,004	0,027	0,028	0,027	0,018
Корсаков	0,174	0,041	0,139	0,115	0,153	0,126
Холмск	0,099	0,019	0,071	0,080	0,125	0,112
Магадан	0,274	0,046	0,187	0,193	0,253	0,208
Петропавловск-Камчатский	0,237	0,038	0,164	0,178	0,218	0,129

Лидерами по эффективности как работодателя (таблица 8) с существенным отрывом являются порты Владивосток и Восточный, имеющие устойчиво высокие показатели на протяжении всего периода. Низкие показатели портов Находка и Ванино объясняются существенно более низкой з/п персонала (примерно в 1,5 раза). Умеренные значения зафиксированы в портах Петропавловск-Камчатский, Корсаков и Холмск. Все эти порты имеют потенциал роста как работодатели. Порты Советская Гавань, Николаевск-на-Амуре, Де-Кастри и Охотск имеют минимальные значения, что свидетельствует о низком уровне кадровой политики предприятия.

Опираясь на данные, представленные в таблицах 4–8, рассчитаны значения интегрального показателя эффективности. Результаты приведены в таблице 9.

Таблица 9 — Интегральный показатель эффективности портов Дальнего Востока

Наименование порта	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Владивосток	0,553	0,365	0,658	0,653	0,657	0,793
Восточный	0,720	0,863	0,625	0,616	0,705	0,761
Зарубино	0,000	0,000	0,000	0,048	0,069	0,103
Находка	0,535	0,465	0,534	0,493	0,223	0,390
Посыт	0,126	0,123	0,182	0,178	0,214	0,197
Ванино	0,393	0,247	0,436	0,407	0,411	0,281
Де Кастри	0,075	0,047	0,048	0,018	0,013	0,028
Николаевск-на-Амуре	0,004	0,002	0,004	0,003	0,002	0,001
Охотск	0,017	0,011	0,009	0,016	0,010	0,000
Советская Гавань	0,007	0,005	0,020	0,019	0,012	0,005
Корсаков	0,126	0,064	0,087	0,055	0,094	0,087
Холмск	0,074	0,024	0,044	0,065	0,000	0,075
Магадан	0,106	0,051	0,120	0,135	0,156	0,132
Петропавловск-Камчатский	0,154	0,055	0,132	0,089	0,077	0,066

Интегральный показатель объединяет различные аспекты деятельности порта (федеральный, региональный, социальный, экологический, экономический, как работодателя), что позволяет сделать выводы о комплексной эффективности:

- лидерами по интегральному показателю среди крупных портов являются Владивосток и Восточный. Лидерство порта Владивосток обусловлено высокими результатами по всем категориям, особенно по социальной и федеральной эффективностям. Порт Восточный выделяется в категориях федеральная и региональная эффективность. Порт Находка демонстрирует средние показатели, что говорит о необходимости топ-менеджменту порта уделить значительно большее внимание стратегии развития. Порт Ванино имеет достаточно низкое значение в 2023 г., что может быть связано с изменением структуры грузооборота и с ориентацией на внутренний рынок;
- среди «средних» и «мелких» максимальные показатели демонстрируют порты Посыт и

Магадан, активно совершенствующие свою финансовую и кадровую политику, что свидетельствует о потенциале их развития и повышении значимости для стейкхолдеров;

– остальные порты демонстрируют низкие значения по интегральному показателю эффективности. В связи с этим менеджменту этих портов требуется дополнительный анализ для разработки необходимых стратегических решений.

Для портов Владивосток, Посыт, Ванино, Магадан, Петропавловск-Камчатский на интервале 2018–2023 гг. имеются данные, необходимые для расчета экологической эффективности. В таблице 10 приведены результаты по экологической эффективности для этих портов на указанном временном интервале.

Нормирование показателя экологической эффективности производится по формуле:

$$x_{ji}^{\text{норм}}(t) = \frac{x_{ji}^{\max}(t) - x_{ji}(t)}{x_{ji}^{\max}(t) - x_{ji}^{\min}(t)},$$

(5)

Таблица 10 – Экологическая эффективность некоторых портов Дальневосточного бассейна

Наименование порта	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Владивосток	0,42	0,29	0,28	0,20	0,24	0,63
Посыт	0,38	0,33	0,30	0,44	0,47	0,53
Ванино	0,44	0,90	0,90	0,91	0,92	0,47
Магадан	0,62	0,54	0,50	0,33	0,50	0,50
Петропавловск-Камчатский	0,88	0,83	0,75	0,83	0,83	0,88

Наиболее высокие показатели показывают порты Магадан и Петропавловск-Камчатский. Такие показатели достигнуты за счет достаточно низких выбросов CO₂ по сравнению с другими портами. Остальные три порта демонстрируют средние результаты, связанные с высоким уровнем выбросов CO₂, что требует принятия дополнительных мер по их снижению.

В таблице 11 для указанных 5 портов представлены скорректированные результаты сводного интегрального показателя эффективности с учетом экологической составляющей.

Таблица 11 – Интегральный показатель эффективности портов Дальнего Востока с учетом экологической эффективности

Наименование порта	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Владивосток	0,478	0,296	0,531	0,501	0,517	0,735
Посыт	0,107	0,103	0,149	0,156	0,189	0,177
Ванино	0,343	0,243	0,427	0,400	0,406	0,247
Магадан	0,098	0,046	0,107	0,112	0,139	0,118
Петропавловск-Камчатский	0,150	0,053	0,126	0,087	0,073	0,065

Наименее заметные изменения произошли у порта Петропавловск-Камчатский, для которого учет экологических показателей позволил не существенно снизить интегральный показатель. Это связано с низкими значениями углеродного следа, что позитивно повлияло на итоговую оценку. В то же время, для остальных портов

включение экологической эффективности привело к более значительному ухудшению их общих результатов, что подчеркивает важность комплексного подхода к оценке деятельности порта.

В целом следует отметить, что использование стейкхолдерского подхода и предложенной методики оценки эффективности морского порта позволяет получить комплексное представление об их значимости для социально-экономического развития региона и страны в целом. Этот подход помогает выявить ключевые факторы успеха порта, учесть интересы всех групп заинтересованных сторон и определить направления дальнейшего совершенствования методов управления портами для их сбалансированного развития, в том числе с учётом ESG концепции.

5. Дискуссия

В большинстве работ, посвященных изучению эффективности деятельности морского порта, авторами отдельно рассматриваются подходы, соответствующие экономическому, логистическому, экологическому и социальному направлениям, каждый из которых имеет свои показатели и особенности. Очень незначительное число работ рассматривает одновременно два направления.

Работы, рассматривающие экономический подход [1, 2, 3, 4], акцентируют внимание на вкладе порта в ВРП, привлечении инвестиций и обеспечении экономического роста. Вместе с тем, оценка функционирования порта только с учетом экономического эффекта недостаточно широка и не учитывает других важных аспектов.

Авторы, придерживающиеся логистического подхода, сосредоточены на оптимизации грузопотоков, повышении морской связности, управлении степенью специализации и запасами, интеграции информационных систем.

В последнее время получает широкое распространение экологический подход. Изучающие его исследователи [11, 12, 13, 14] подчёркивают важность достижения "зеленых целей", делают акцент на оценке воздействия портов на окружающую среду и возможности минимизировать негативные последствия их деятельности. Авторы [12] предлагают концепцию "зеленых портов" и метод оценки устойчивости порта, связывая технические параметры с экологическими показателями. Однако, экологический фактор не должен быть единственным критерием оценки эффективности, поскольку порты играют важную роль в социально-экономическом развитии территории.

Ещё один подход, который, который можно выделить, это социальный, в котором обращается внимание на социальную ответственность порта, его вклад в обеспечение занятости трудоспособного населения и повышение качества жизни местных сообществ. Социальный подход к оценке деятельности порта достаточно редко используется, но он не менее важен, так как в нём признаётся в качестве одной из ключевых роль порта не только как экономического объекта, но и как важного элемента социальной инфраструктуры региона.

Вместе с тем, авторы обычно рассматривают один подход, позволяющий учитывать удовлетворение запросов одной отдельной группы заинтересованных сторон порта, что может отразиться на принимаемых решениях и взаимодействии участников, а также приводить к негативным последствиям в существенно важных областях.

В связи с этим, наиболее перспективным, на наш взгляд, является комплексный подход, который сочетает в себе всё множество аспектов оценки деятельности порта, и,

рассматривая запросы основных стейкхолдеров, позволяет получать более полное представление об эффективности работы на основе анализа взаимоотношений со стейкхолдерами, определяющими качество обмена с ними ресурсами. Комплексный подход учитывает экономические, экологические и социальные аспекты, что позволяет, во-первых, учитывать синергетические эффекты, во-вторых, на основе выявления сильных и слабых сторон определить направления для устойчивого развития порта с учётом влияния на окружающую среду и общественное благо.

Отметим, что органы федеральной и региональной власти имеют свои различающиеся интересы в развитии портовой деятельности в регионе. Это означает обоснованность разделения стейкхолдера «государство» на две группы: «федеральная власть» и «региональная власть», степень удовлетворения запросов которых дают федеральная и региональная эффективности.

Таким образом, данная работа основана на теоретической базе ранее проведенных исследований, но при этом направлена на разработку нового инструмента, позволяющего в совокупности учитывать интересы всех стейкхолдеров с учётом их важности, комплексно оценивать влияние порта на прилегающую территорию и разрабатывать стратегические и тактические управленческие решения, приводящие к сбалансированному удовлетворению ожиданий стейкхолдеров.

Апробация предложенной методики проводилась на портах Дальневосточного бассейна и позволила получить развёрнутое представление о значимости морских портов для социально-экономического развития регионов, идентифицировать основные факторы успеха портовой инфраструктуры, учитывать интересы всех участников процесса и намечать пути для последующего совершенствования и устойчивого роста.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что предложенный метод представляет собой функциональный инструмент, который позволяет учесть основные аспекты влияния портов на территорию. Следовательно, можно считать, что сформированная гипотеза является подтвержденной.

Выводы

Данная статья представляет собой исследование, направленное на разработку методики оценки эффективности работы морских портов с использованием стейкхолдерского подхода. В условиях современного мира порты играют ключевую роль в глобальных цепочках поставок и оказывают значительное влияние на социально-экономическое развитие регионов, с другой стороны, морские порты не только обеспечивают экономический рост и привлекают инвестиции, но и влияют на экологическую обстановку и социальное благополучие местного населения. Поэтому, традиционный подход, основанный исключительно на экономических показателях, уже не может полностью отразить всю сложность и многообразие функций, которые выполняют современные порты, и возникает необходимость в создании комплексных методов оценки их деятельности.

Предложенные в статье показатели для оценки эффективности портов охватывают широкий спектр параметров, начиная от социальной и региональной эффективности, заканчивая эффективностью портов как работодателей и их экологическим воздействием. Это делает методику универсальной и применимой для разных типов портов, независимо от их размера и специфики деятельности.

Важным новшеством методики является расчет интегрального показателя

эффективности, который учитывает интересы всех стейкхолдеров. Такой подход позволяет избежать односторонней оценки и гарантирует, что все заинтересованные стороны будут учтены при принятии решений относительно развития портов. Это особенно важно в контексте устойчивого развития, когда необходимо находить баланс между экономическими интересами, экологической безопасностью и социальным благополучием.

Таким образом, предложенная методика является важным инструментом для оценки и улучшения работы морских портов. Она способствует их устойчивому развитию и позитивному влиянию на окружающую среду и общественное благо. Внедрение такой методики поможет портам адаптироваться к современным вызовам и оставаться конкурентоспособными в условиях быстро меняющегося мира.

[\[1\]](#) Источник: составлено авторами по данным Portnews.

[\[2\]](#) Источник: составлено авторами по данным Portnews.

[\[3\]](#) Источник: составлено авторами по данным Portnews.

Библиография

1. Lee S.W., Song D.W., Ducruet C. A tale of Asia's world ports: The spatial evolution in global hub port cities. *Geoforum*. 2008. Vol. 39(1). Pp. 372-385. DOI: 10.1016/j.geoforum.2007.07.010.
2. Заостровских Е. А. Методы измерения эффективности работы транспортных связей морских портов с внутренними регионами. *Региональные проблемы*. 2016. Т. 19, № 2. С. 60-65.
3. Заостровских, Е. А. Исследование влияния морских портов на развитие Приморского края. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2023. Т. 54 № 4. С. 31-36. DOI 10.18324/2224-1833-2023-4-31-36
4. Николаева Н.К., Давыдова А.Л. Об оценке эффективности работы морских портов. *Фундаментальные исследования*. 2004. Т 3. С. 145-146.
5. Ксензова Н.Н. Ксензова, Н. Н. Множественная регрессия как основа для исследования зависимостей между показателями деятельности морского порта. *Актуальные проблемы и перспективы развития системы отраслевого транспортного образования : Сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции*, Казань, 28 июня 2024 года. Казань: Волжский государственный университет водного транспорта, 2024. С. 74-81.
6. Хасанов Д.С. Мультиплективное влияние деятельности портов на развитие региона. *Проблемы современной экономики*. 2023. Т. 88, № 4. С. 93-95.
7. Эглит Я.Я., Эглите К.Я., Соломатина Ю.А., Мыльникова Е.П. Анализ логистических процессов в порту. *Эксплуатация морского транспорта*. 2021. №4 (101). С. 3-6. DOI: 10.34046/aumsuomtI01/I
8. Notteboom T., Rodrigue J.-P. Port regionalization: towards a new phase in port development. *Maritime Policy & Management*. 2005. Vol. 32(3). Pp. 297-313. DOI: 10.1080/03088830500107477
9. Тимошина А.С., Трейман М.Г. Оценка конкурентоспособности морского порта на рынке транспортно-логистических услуг (на примере ОАО "Калининградский морской торговый порт"). *Иновации. Наука. Образование*. 2020. № 13. С. 130-134.
10. Бабурин В.А., Минеев С.К., Бабурина К.Р. Оценка экономической эффективности совершенствования организации обслуживания судов в портах. *Вестник государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О.*

- Макарова. 2013. № 2. С. 158-165.
11. Железкова, П. Е. Экономическая оценка уровня развития портов. Успехи современной науки. 2016. Т. 3. № 11. С. 133-136.
12. Tovar B., Wall A. The relationship between port-level maritime connectivity and efficiency. Journal of Transport Geography. 2022. Vol. 98. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0966692321002660> (accessed 24.11.2024)
13. Acciaro M., Vanelslander T., Sys C. и др. A framework for successful implementation of green innovation in seaports. Maritime Policy and Management. 2013. Vol. 41(5). Pp. 480-500. URL: https://www.academia.edu/31026812/A_framework_for_successful_implementation_of_green_innovation_in_seaports?auto=download (accessed 11.12.2024)
14. Taljaard, S., Slinger, J. H., Weerts, S. P., Vreugdenhil, H. S. I., & Nzuzza, C.. Circles of port sustainability: A novel method combining global comparability and local relatability in performance assessment. Environmental Development, 2024 Vol. 52 DOI: 10.1016/j.envdev.2024.101068
15. Иванова М.С., Ким А.В. Оценка экологических последствий деятельности морского порта для прибрежной территории. Ученые заметки ТОГУ. 2016. № 7 (2). С. 130-135
16. Li J., Ren J., Ma X., Xiao G. Environmental efficiency of ports under the dual carbon goals: Taking China's Bohai-rim ports as an example. Frontiers in Marine Science. 2023. Vol. 10. Pp. 2563-2575. DOI: 10.3389/fmars.2023.1129659
17. Lee T., Yeo G.T., Thai V.V. Environmental efficiency analysis of port cities: Slacks-based measure data envelopment analysis approach. Transport Policy. 2014. Vol. 33. Pp. 82-86. DOI: 10.1016/j.tranpol.2014.02.009
18. Vanelslander T. Seaport CSR: Innovation for economic, social and environmental objectives. Social Responsibility Journal. 2020. Vol. 12(2). Pp. 382-396. URL: https://www.researchgate.net/publication/304003579_Seaport_CSR_Innovation_for_economic_social_and_environmental_objectives. (accessed 19.12.2024)
19. Сячин В.Г., Эпштейн В.А. Корпоративная социальная ответственность китайских компаний-операторов морских портов: состояние и перспективы реализации в зарубежных портах с китайским участием. Современные востоковедческие исследования. 2023. № 5 (1) С. 133-140. DOI: 10.24412/2686-9675-1-2023-133-142.
20. Китцманн Х., Цыплакова Е. Г., Синько Г. И., Стримовская А. В., Рюмкина К. А. Анализ эффективности функционирования морских портов Балтийского бассейна России // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 2. С. 103—125. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-2-6.
21. Dariusz B., Christian L. Sustainable gains from inland waterway investments at port-city interface. Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2024. Vol. 200. DOI: 10.1016/j.rser.2024.114584.
22. Бодровцева Н.Ю. Систематизация факторов и показателей оценки конкурентоспособности морских портов. Транспортное дело России. 2017. № 2. С. 105-109.
23. Иватанова Н. П., Стоянова И. А. Роль портовой инфраструктуры в решении социо-экологоэкономических проблем регионального развития. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13, № 3-1. С. 100-107. DOI 10.34670/AR.2023.72.74.006
24. Ткаченко И.Н. Стейкхолдеры публичного управления: научный обзор современных исследований. Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15 №6. URL: <https://esj.today/PDF/40ECVN623.pdf> (дата обращения 27.11.2024)
25. Солодухин К.С., Раҳманова М.С. Инновационный стратегический анализ вуза на основе теории заинтересованных сторон. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2011. 216 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. С учётом сформированного заголовка представляется возможным сделать вывод о том, что статья должна быть посвящена анализу эффективности морских портов Дальневосточного бассейна на основе стейкхолдерского подхода. Содержание статьи соответствует заявленной теме.

Методология исследования базируется на использовании комплекса методов, позволяющих раскрыть выбранную тему глубоко и всесторонне. Ценно, что автор применяет графический инструментарий представления полученных результатов. Было бы также интересным для читательской аудитории представление авторских формул расчёта выделенных типов эффективности.

Актуальность исследования вопросов, связанных с эффективностью морских портов в Российской Федерации, не вызывает сомнения, так как это отвечает национальным целям развития Российской Федерации. Качественное раскрытие темы позволит обеспечить востребованность статьи у широкой читательской аудитории: и в научном сообществе, и у преподавателей, и в органах государственной власти, в том числе в рамках реализации государственных программ Российской Федерации.

Научная новизна в представленном на рецензирование материале содержится. В частности, интерес представляет сопоставление видов эффективности с показателями и стейкхолдерами.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения является научным. Текст структурирован и в текущей конфигурации подзаголовков тема может быть раскрыта содержательно и интересно. Ознакомление с содержанием статьи показало, что автор ответственно подошёл к формированию отдельных компонентов статьи. Однако есть нестыковки и противоречия при их сравнении между собой. Например, автор в разделе "2. Обзор литературы" обозначил, что в настоящее время есть 5 подходов к раскрытию эффективности: экономический, экологический, логистический, комплексный, социальный. При этом в таблице 3 также используются заголовки "федеральная", "региональная", "общественная". При проведении доработки материал, изложенный в разных частях следует синхронизировать между собой.

Библиография. Библиографический список состоит из 22 наименований. Ценно, что в нём содержатся как отечественные, так и зарубежные научные публикации. Это позволило автору глубже погрузиться в методологическую базу исследования. При проведении доработки статьи следует учесть публикации, вышедшие в 2023-2024 гг, которые сейчас автором практически не изучены.

Апелляция к оппонентам. Автором при проведении обзора литературы сделаны ссылки к трудам других авторов. Целесообразно в дальнейшем сравнить полученные результаты с теми идеями, что содержатся в изученных трудах. Важно показать, в чем состоит прирост научного знания. Устранение данного замечания обеспечит рост востребованности статьи у потенциальной читательской аудитории.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом вышеизложенного заключаем о том, что статья выполнена на тему повышенного уровня актуальности и в случае устранения оставшихся неточностей может быть рекомендована к опубликованию.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена анализу эффективности морских портов Дальневосточного бассейна на основе стейкхолдерского подхода.

Методология исследования базируется на анализе данных о функционировании 14 портов Дальнего Востока, сравнении их с портами Азово-Черноморского, Арктического, Балтийского и Каспийского бассейнов, обобщении сведений из литературных источников.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что морские порты являются важнейшими узлами транспортной инфраструктуры, через которые проходят значительные объемы грузов как внутри страны, так и за ее пределами, при этом эффективность их функционирования напрямую влияет на социально-экономическое развитие территории и страны в целом, а также с необходимостью разработки инструмента оценивания эффективности работы морского порта на основе комплексного подхода с учетом экономических, социальных и экологических факторов.

Научная новизна рецензируемого исследования: авторами предложена и апробирована методика оценки эффективности работы морских портов с использованием стейкхолдерского подхода.

Структурно в работе выделены следующие разделы и подразделы: Введение, Обзор литературы, Экономический подход к оценке эффективности порта, Логистический подход к оценке эффективности порта, Экологический подход к оценке эффективности порта, Социальный подход к оценке эффективности порта, Комплексный подход к оценке эффективности порта, Методы и материалы, Методика проведения комплексного анализа эффективности деятельности порта, Результаты, Дискуссия, Выводы и Библиография.

В публикации отмечено, что порты играют ключевую роль в глобальных цепочках поставок и оказывают значительное влияние на социально-экономическое развитие регионов, обеспечивают экономический рост и привлекают инвестиции, влияют на экологическую обстановку и социальное благополучие населения; рассмотрен грузооборот портов Дальнего Востока за 2015–2023 гг.; проведено сопоставление федерально, региональной, социальной, экологической, экономической эффективности и эффективности порта как работодателя с показателями и использующими их стейкхолдерами; рассмотрена методика оценки интегральной эффективности морского порта, приведены пять формул для промежуточных и итоговых расчетов; проведен анализ эффективности портов Дальнего Востока с позиций федерального и регионального уровней.

Библиографический список включает 25 источников – публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и английском языках по рассматриваемой теме. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из резервов улучшения публикации стоит назвать уместность более широкого использования графического способа подачи информации, применения методов визуализации данных, поскольку в работе 11 таблиц и лишь один рисунок, который по сути дублирует таблицу 1.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Национальная безопасность / nota bene», отражает результаты проведенного авторского исследования, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию после устранения отмеченного дублирования.

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ли Ц. Сравнительное исследование Региональной антитеррористической структуры ШОС и Контртеррористического центра СНГ в области антитерроризма // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.73349 EDN: IURAAC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73349

Сравнительное исследование Региональной антитеррористической структуры ШОС и Контртеррористического центра СНГ в области антитерроризма

Ли Цзымань

аспирант; кафедра публичной политики и истории государства и права; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10

✉ 949124928@qq.com

[Статья из рубрики "Компаративный анализ систем безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.1.73349

EDN:

IURAAC

Дата направления статьи в редакцию:

09-02-2025

Дата публикации:

16-02-2025

Аннотация: Предметом исследования является Региональная антитеррористическая структура ШОС и Антитеррористический центр СНГ, что позволит выработать новые подходы к будущему антитеррористическому сотрудничеству. Цели исследования включают: анализ текущего состояния антитеррористического сотрудничества между двумя организациями; сравнение различий в антитеррористическом сотрудничестве с точки зрения законодательства, направления развития стран-лидеров; выдвижение предложений по оптимизации регионального антитеррористического сотрудничества. Объектами исследования в данной работе являются Региональная антитеррористическая структура ШОС и Антитеррористический центр СНГ. Обе организации сталкиваются с

общей угрозой терроризма в Центральной Азии и прилегающих районах. Изучение антитеррористического сотрудничества между двумя организациями позволило представить теоретические и практические рекомендации для регионального антитеррористического сотрудничества и способствует улучшению и развитию региональных механизмов антитеррористического сотрудничества. Методами изучения были избраны изучение литературы и метод сравнительного исследования. Сравниваются и анализируются РАТС и АТЦ по различным аспектам антитеррористического сотрудничества чтобы выявить их преимущества и недостатки. Новизна статьи заключается в том, что предыдущие исследования антитеррористического сотрудничества в основном были посвящены анализу отдельных международных организаций, тогда как в данной статье проводится сравнение и сопоставление РАТС ШОС и АТЦ СНГ с целью предложить новые идеи для изучения регионального антитеррористического сотрудничества. Сделан вывод, что обе организации вносят вклад в построение глобальной и региональной систем безопасности, но АТЦ имеет более полное антитеррористическое законодательство, а РАТС – слабое; в АТЦ в основном доминирует Россия, а в РАТС – Китай и Россия; число государств-членов АТЦ сокращается, а потенциал развития ограничен, в то время как РАТС – сокращается. Количество стран-участниц АТЦ уменьшается, а потенциал его развития ограничен, в то время как РАТС растет и имеет большой потенциал развития.

Ключевые слова:

Региональная антитеррористическая структура, Шанхайская организация сотрудничества, Содружество Независимых Государств, Антитеррористический центр, антитеррористическое сотрудничество, международные отношения, региональная безопасность, международные организации, Китай, Россия

Региональная антитеррористическая структура ШОС и Антитеррористический центр СНГ (далее - РАТСи АТЦ) являются двумя крупными организациями в Центральной Азии, каждая из них добилась значительного прогресса в области борьбы с терроризмом и внесла важный вклад для поддержания безопасности и стабильности на данном регионе. по причине Центральноазиатский регион расположен в центре Евразийского континента, рядом с такими нестабильными регионами, как Афганистан, он стал зоной активности трансграничных террористических организаций, и перед лицом террористической угрозы, стоящей перед регионом, региональные антитеррористические агентства и центры осуществляют широкое сотрудничество в области борьбы с терроризмом на международном, региональном и внутреннем уровнях в самих государствах-членах. Сравнение сотрудничества двух организаций на разных уровнях борьбы с терроризмом поможет улучшить механизмы работы и противодействие террористической преступности в этом регионе.

Обзор РАТС и АТЦ

Учреждение РАТС и АТЦ направлено на противодействие угрозе терроризма, и важными обязанностями по обеспечению безопасности района и социальной стабильности. Укрепление РАТС учреждениями, особенно с АТЦ, является одной из ключевых стратегий для предотвращения и уменьшения региональных угроз безопасности. Через тесное сотрудничество с Комитетом по борьбе с терроризмом Организации Объединенных Наций, Управлением по наркотикам и преступности ООН, а также Международной полицейской организацией ИНТЕРПОЛ можно углубить механизм обмена

информацией в области противодействия террористическим действиям и эффективно бороться со сплошными кросс-бординговыми операциями по контрабанде наркотиков. Эти совместные платформы не только способствуют обмену информацией, повышают эффективность правопорядка, но и предоставляют сильную поддержку при разработке более всесторонних и целенаправленных антитеррористических политик, таким образом создавая более устойчивые глобальные антитеррористические связи.

Сотрудничество РАТС ШОС с международными организациями

РАТС тесно сотрудничают с антитеррористическим подразделением ООН, выступая за создание глобальной системы управления в рамках общего руководящего принципа ООН и Совета безопасности для борьбы с такими новейшими угрозами [\[3, С.228\]](#). Эта система предназначена для разработки и внедрения полного набора стратегий реагирования, включающих в себя такие профилактические меры, как создание системы оповещения. В июне 2011 года в столице Казахстана, Астане, был подписан Меморандум о взаимопонимании между Генеральным секретарем Шанхайской организации сотрудничества и Управлением ООН по наркотикам и преступности [\[5\]](#). РАТС выполняет расследования и представляет отчеты по выполнению резолюций Генеральной Ассамблеи ООН. В 2018 году РАТС провели двустороннее совещание в офисе ООН по наркотикам и преступности в Венском штаб-квартире ООН. Его главная цель - углубление сотрудничества с террористическими учреждениями ООН [\[15\]](#).

Сотрудничество РАТС с Интерполом. В 2014 году два организации подписали меморандум о взаимопонимании, совместно решив сотрудничать в оценке фактической ситуации с террористической деятельностью в регионе, содействии выявлению организованной преступности и борьбе с терроризмом. Лидеры обеих сторон считают, что двустороннее сотрудничество имеет огромный потенциал для расширения области сотрудничества во многих направлениях, включая борьбу с терроризмом, контрабандой наркотиков и обеспечение кибербезопасности [\[9\]](#).

Сотрудничество АТЦ СНГ с международными организациями

АТЦ и связанные с ней антитеррористические органы ООН имеют давнюю историю сотрудничества. С ноября 2002 года Центр по противодействию терроризму начал предоставлять информацию об антитеррористических деятельности в странах СНГ комиссии ООН по борьбе с терроризмом. В марте 2003 года комитет по борьбе с терроризмом ООН встретился с различными отделами Центра противодействия терроризму и выразил намерение дальше укреплять сотрудничество со Структурой - Центры по борьбе с финансовым терроризмом для эффективного пресечения актов международного финансирования террористической деятельности.

В октябре 2018 года глава АТЦ и заместитель Генерального секретаря ООН по борьбе с терроризмом в Ташкенте подписали меморандум между Службой ООН по борьбе с терроризмом и Центром противодействия терроризму. Стороны договорились продвигать совместные проекты и программы в области борьбы с террористической угрозой, поддерживать и реализовывать «Глобальную стратегию борьбы с терроризмом», договоренности о совместных антитеррористических действиях в области обмена информацией, предупреждения терроризма, борьбы с финансированием терроризма и управления границами [\[4\]](#).

АТЦ совместно с Интерполом в 2008 году подписали Меморандум о взаимопонимании по вопросам укрепления информационного обмена и другого сотрудничества в области

противодействия терроризму. С тех пор АТЦ получил статус "наблюдателя" в Международной полицейской организации Интерпол, что дал ему прямой доступ к мировой сети информации полиции и право доступа к базе данных этой организации. Это сотрудничество значительно повысило способность обеих сторон интегрировать информацию и координировать ресурсы в антитеррористических операциях [11]. В 2017 году руководитель Центра по борьбе с терроризмом и Генеральный секретарь Интерпола провели рабочие переговоры, обсудив сотрудничество между АТЦ и Интерполом в области контроля за воздушным движением, чтобы использовать преимущества организации для борьбы с терроризмом.

В общем и целом, обе организации тесно сотрудничают с международными антитеррористическими организациями, при этом сотрудничество АТЦ является более широким. РАТС сосредоточены на борьбе с наркоторговлей и обменом информацией в рамках международных антитеррористических группировок, но редко сотрудничают в конкретных контратаках. АТЦ и международные антитеррористические организации должны больше реализовывать практическое взаимодействие в области противодействия терроризму. Например, совместные усилия в области информационного обмена и борьбы против финансовых террористических групп позволили добиться выдающихся результатов и накопить ценный опыт. РАТС должны совершенствовать механизмы в соответствии с изменениями в региональной обстановке, усиливать сотрудничество с международными антитеррористическими организациями и повышать свои способности по борьбе с терроризмом.

Оба учреждения имеют хорошие результаты в сотрудничестве по борьбе с терроризмом со своими организациями и специализированными учреждениями стран-членов. Открытость границ РАТС позволяет им разнообразить сотрудничество со специализированными учреждениями стран-участников, в основном с более активным участием России и Китая в области противодействия терроризму.

Сотрудничество РАТС с государствами-членами ШОС. В июне 2019 года под руководством РАТС в Казахстане успешно прошли совместные антитеррористические учения "Сарыарка-Антитеррор-2019" при участии Казахстана, Киргизстана, Узбекистана и Таджикистана на полигоне Спаск. В декабре 2019 года государства-члены Шанхайской организации сотрудничества провели совместные антитеррористические учения "Сямэнь-2019", на которых обучали ответственные органы стран-участниц предотвращению использования интернета и коммуникационных средств для совершения террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности [11].

Сотрудничество АТЦ с государствами-членами СНГ. В 2011 году АТЦ провел совместные учения "2011-АНТИТЕРРОР-ДОНБАС" со спецслужбами и военными частями стран Содружества [8]. В сентябре 2016 года Глава Совета государств-участников СНГ прошел в Киргизстане, на заседании было принято заявление о совместной борьбе с терроризмом и подписано 16 документов. Были утверждены четыре важные заявления, касающиеся дальнейшего объединенного противодействия международному терроризму и планам развития для следующих шагов стран -членов СНГ. В 2020 году в Москве состоялось заседание руководителей Центра противодействия терроризму СНГ, на котором было дополнительно уточнено сотрудничество органов безопасности и разведывательных служб стран-участниц по борьбе с терроризмом.

РАТС и АТЦ перекликаются в части состава своих участников, при этом страны-участницы обладают неравными возможностями. Насколько конкретная ситуация взаимодействия

между членами организаций, статья акцентирует на рассмотрении отношений РАТС со специализированными китайскими и российским АТЦ, сотрудничеству России в броске против теппаресмолностью. Федеральная служба безопасности России сотрудничает тесно с двумя организациями в борьбе против терроризма. В мае 2019 года АТЦ сотрудничал с Федеративной службой безопасности России. Российская Федерация, Центр общественных связей Федеральной службы безопасности России заявил: «Совет единогласно согласился повысить эффективность международного поиска террористов или экстремистов, укрепив сотрудничество разведывательных служб при проведении операций по сбору информации с целью предотвращения перемещения вооружённых террористов в страны СНГ»[\[12\]](#). В рамках 63-й сессии Комиссии по наркотическим средствам, состоявшейся в Вене в марте 2020 года, представители ШОС встретились с заместителем директора Национальной комиссии по контролю над наркотиками Китая, где обменялись мнениями о развитии антинаркотического сотрудничества в рамках РАТС, а также о сотрудничестве с международными и региональными организациями в области антитерроризма, подчеркнув важную роль Китая в реализации Антинаркотической стратегии государств-членов ШОС на 2018-2023 годы. Стороны обменялись мнениями по вопросам развития антинаркотического сотрудничества в рамках Региональной антитеррористической структуры и взаимодействия с международными и региональными организациями в области борьбы с терроризмом.

Таким образом, РАТС и АТЦ поддерживают тесное взаимодействие со странами-членами. Сравнивая с АТЦ, сотрудничество РАТС и специализированными учреждениями стран-членов не является достаточно глубоким. С одной стороны, открытость внутри РАТС существенно влияет на сплочивание и чувство принадлежности к организации, что, до известной степени, увеличивает сложность сотрудничества. С другой стороны, серьезные проблемы в АТЦ, с которыми сталкивается центр по борьбе с терроризмом сам по себе, усиливают желание различных членов стран под руководством России активнее сотрудничать. АТЦ и его государственные члены достигли более значительных результатов в сотрудничестве по борьбе с терроризмом, чем региональные антитеррористические структуры. РАТС следует больше заимствовать внутренние преимущества сотрудничества АТЦ для совершенствования своих внутренних механизмов.

Сравнительный анализ сотрудничества в борьбе с терроризмом между РАТС и АТЦ

РАТС и АТЦ являются региональными международными антитеррористическими организациями. Хотя у них есть много общего в целях, объеме и объектах сотрудничества, между ними также существуют значительные различия, включая приоритеты развития, преобладающие страны и потенциал для развития антикризисного сотрудничества.

Два учреждения имеют различные приоритеты в развитии сотрудничества в области борьбы с терроризмом. После трех этапов расширения до январь 2025 года РАТС стала самой многочисленной, обладающей наибольшим площадью и огромным потенциалом среди всех интегрированных региональных противотеррористических организаций. Организация достигла определенных успехов в области безопасности, политики и культуры до расширения членства, но проблемы с ориентацией организации и ее самосознание мешают эффективности перспективам сотрудничества по безопасности между странами-участниками. После присоединения Индии, Пакистана, Ирана и Беларуси произошли изменения внутри РАТС, изменился баланс предложения и спроса на региональные общественные продукты безопасности, что требует изменить подход к

сотрудничеству в области безопасности на новые модели [13, С. 108–109]. Поэтому необходимо определить приоритетное направление развития сотрудничества данного учреждения в борьбе с терроризмом.

Приоритетное направление развития РАТС - это: 1. Совершенствование правовой базы региональных антитеррористических институтов. «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (далее «Конвенция») только определяет принципиальные вопросы, на практическом уровне не хватает соответствующих правовых механизмов, что ослабляет эффективность «Конвенции». Существующие формы сотрудничества в области правовой безопасности ограничены, отсутствует помощь в уголовном правосудии. Сейчас мировая миграция находится в усилении, трансграничное передвижение становится основной чертой терроризма, необходимо совместные действия стран для принятия эффективных мер и укрепления правового обеспечения международно-уголовного юстициального сотрудничества. 2. усиление антитеррористических упражнений для повышения способности к сотрудничеству в борьбе с терроризмом. Хотя РАТС являются важными подразделениями по борьбе с терроризмом в регионе, у них нет собственных специализированных антитеррористических сил. Можно воспользоваться опытом АТЦ, создав профессиональные боевые и специальные подразделения по быстрому реагированию на террористические угрозы, проводя регулярные антитеррористические учения для повышения эффективности борьбы с терроризмом. 3. усилить борьбу с терроризмом в интернете. Терроризм мозгомет большое количество молодежи через видеозаписи, электронные книги и другие способы, а также публикует в интернете планы действий и призывает к покупке оружия. Поэтому РАТС должны уделять больше внимания интернет-противодействию террору, повышая свою способность противостояния террористической деятельности путем создания общей базы данных по борьбе с терроризмом и разработки законов о борьбе с интернет-терроризмом.

АТЦ приоритетные направления антитеррористического сотрудничества: 1. Координация антитеррористических действий соответствующих ведомств стран СНГ. Превращение инициатив в действия является важным аспектом повышения качества борьбы с терроризмом. Из-за различных национальных условий и сложной региональной обстановки существуют препятствия для координации действий АТЦ, требуется повысить эффективность сотрудничества между государствами-участниками. 2. Обмен информацией и обучение персонала. Данные, полученные Центром борьбы с терроризмом, собраны, классифицированы и проанализированы. Их результатами в основном являются публикации, такие как специальный выпуск "Информационный бюллетень АТЦ государств-участников СНГ", ежемесячное руководство по анализу "Состояния и тенденций развития обстановки под воздействием международных террористических организаций". В последние годы более 300 сотрудников органов безопасности государств-членов СНГ прошли специализированное обучение по требованию. Формирование учебного плана и совершенствование центра подготовки способствуют адекватному анализу угроз терроризма и научному прогнозированию со стороны сотрудников.

Две организации имеют разные страны-лидеры в борьбе с терроризмом. Хотя участники обеих организаций пересекаются, основные страны и потенциал развития двух организаций отличаются. РАТС имеют большое количество стран-участниц, основными из которых по-прежнему являются два крупных государства - Китай и Россия. АТЦ подвержен влиянию исторических и геополитических факторов, и Россия является ведущей страной в этой организации. После расширения ШОС, РАТС имеющие центры в

Центральной Азии, фактически являются организациями по сотрудничеству в рамках этого региона, которые лидируют Китай и Россия. Обе страны играют ключевую роль в составе данной организации. Хотя Индия также является региональной державой Южной Азии, она вступила в организацию сравнительно недавно, и за короткое время будет сложно установить равные влияния с Китаем и Россией. Автор считает, что в ближайшее время Китай и Россия останутся доминирующими странами и будут продолжать развивать региональные многосторонние координационные структуры. АТЦ с самого начала своего создания работает под влиянием специализированных органов России. Хотя Россия состоит из различных стран региона, она обладает особой влиятельностью как в политическом, экономическом и военном плане. Кроме того, все члены центра по борьбе с терроризмом получают поддержку и влияние со стороны России в таких областях, как методы противодействия терроризму, подготовка персонала и финансирование. Россия - единственная страна-член АТЦ, обладающая мировой военной мощью. Таким образом, с практической точки зрения Россия является ведущей страной среди членов АТЦ [\[2, С. 80-81.\]](#).

Разный потенциал для развития сотрудничества в области противодействия терроризму у двух организаций. С момента своего создания РАТС прошло путь от первоначальных "Пяти стран Шанхая" до нынешних десяти государств-членов. С точки зрения военной мощи, кроме России, имеются также постоянно укрепляющие свои вооруженные силы Китай, Индия и Иран. С ростом совокупной национальной мощи Китай стал второй по величине экономикой в мире, а экономика Индии также занимает лидирующие позиции на международном уровне. После расширения РАТС стал организацией международного уровня, имеющей потенциально значительные ресурсы в виде населения, экономического влияния и площади. Несмотря на то, что вступление новых членов будет сопровождаться различными проблемами, такими как противоречивые интересы, организационная идентичность и недостаток институтов, в целом можно сказать, что с изменением ситуации РАТС есть огромный потенциал для сотрудничества. С уменьшением числа государств-членов СНГ, в 1995 году Туркменистан вышел из СНГ; в 2009 году Грузия вышла из СНГ; в 2014 году Украина покинула Содружество, что определённой степени ослабило мощь антитеррористического центра. Важность Организации Договора о коллективной безопасности и РАТС для сотрудничества по борьбе с терроризмом нарастает, что делает развитие антитеррористического центра маловероятным.

Обобщение недостатков РАТС ШОС и АТЦ СНГ будет способствовать совершенствованию механизмов антитеррористического сотрудничества между двумя структурами, повышению эффективности борьбы с терроризмом, укреплению региональной безопасности и стабильности, развитию международного сотрудничества.

Недостатки РАТС ШОС заключаются в основном в следующих аспектах: во-первых, правовая система не совершенна, хотя и существует руководящий документ «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», но на практическом уровне не хватает конкретных правовых положений. Во-вторых, недостаточная эффективность механизмов антитеррористического сотрудничества; в РАТС входит много государств-членов с различными интересами и потребностями, но механизм консультаций незрелый, что затрудняет координацию разногласий между государствами-членами; не хватает специализированных антитеррористических подразделений, а эффективность антитеррористических учений ограничена до такой степени, что они не могут быстро реагировать на террористические угрозы на практике; В-третьих, недостаточная внутренняя сплоченность и слабая организационная

идентичность: из-за увеличения числа государств-членов и разнообразия интересов внутренняя сплоченность и идентичность организации слабы, что сказывается на координации и единстве антитеррористического сотрудничества.

Недостатками АТЦ СНГ являются: во-первых, сокращение числа государств-членов, например, выход Грузии и Украины, что ослабило общую силу и влияние АТЦ; во-вторых, единая военная сила, только Россия является крупной военной державой среди государств-членов АТЦ, а другие государства-члены имеют ограниченный военный потенциал, поэтому развитие антитеррористических сил происходит медленно; в-третьих, проблема внешней конкуренции, обусловленная географическим положением и членством двух организаций. В-третьих, проблема внешней конкуренции, связанная с географическим и членским дублированием двух организаций, что приводит к нерациональному расходованию ресурсов и двусмысленности юрисдикции двух организаций.

Последствия для оптимизации антитеррористического сотрудничества РАТС

На фоне продолжающейся угрозы со стороны трех радикальных сил, РАТС и АТЦ в регионе и поддержанием стабильности. Два организации имеют свои преимущества, однако изменения в ситуации с терроризмом в регионе могут привести к наложению полномочий между РАТС и АТЦ, что может вызвать неясность юрисдикции, дублирование ресурсов и увеличение затрат на антитеррор. Поэтому необходимо оптимизировать сотрудничество РАТС в международном, региональном и институциональном уровнях в соответствии с изменяющейся обстановкой для дальнейшего развития этих органов на пути к зрелости.

Во-первых, активно использовать роль ведущих стран, укреплять сотрудничество в борьбе с терроризмом. В рамках регионального сотрудничества ведущая страна играет ключевую роль в развитии региональных организаций, основная задача которой заключается в предоставлении общественных продуктов для сотрудничества по борьбе с терроризмом на этапе его создания [\[17\]](#). Например, роль Германии и Франции как представителей в процессе интеграции европейского региона является типичным примером. Россия играет важную роль в двух организациях - РАТС и АТЦ, на местах. Как одно из самых влиятельных военно-морских государств в мире, Россия активно содействует сотрудничеству двух организаций в области антитеррористической деятельности на международном и региональном уровнях, что значительно повысит эффективность борьбы с терроризмом. Китай также внес значительный вклад в развитие РАТС. Новая концепция безопасности, продвигаемая Китаем, стала важным руководящим принципом многостороннего сотрудничества по обеспечению безопасности в борьбе с терроризмом и предполагает стремление к совместной безопасности через взаимовыгодное сотрудничество [\[10, С. 21\]](#). Китай и Россия, выступая в качестве ведущих стран РАТС, не только берут на себя основные расходы по обеспечению его упорядоченной работы, но также предоставляют повестку для сотрудничества в борьбе с терроризмом и финансовую поддержку. Другие страны-члены нуждаются в помощи главной державы в таких областях, как участие боевых подразделений, использование оружия, анализ информации и обучение персонала. Поэтому ключевым моментом повышения эффективности РАТС является использование крупными государствами своих комплексных преимуществ и укрепление их лидерских позиций в различных областях борьбы с терроризмом, что является важной гарантией эффективного противодействия террористической угрозе.

Во-вторых, четкое определение ключевых областей сотрудничества в борьбе с

терроризмом, учитывая интересы различных стран-участников. Количество стран-членов обоих организаций изменилось, увеличилось количество РАТС и сократилось число стран-участниц в АТЦ. С учетом изменения числа членов организации, акценты сотрудничества внутри института также нуждаются в соответствующих корректировках. Необходимо повысить внутреннюю сплочённость и эффективность работы антитеррористической организации, усиливая ее опознавание на основе фактических интересов каждого члена-государства. В то же время, учитывая интересы различных государств-членов, может возникнуть ситуация обобщения повестки внутри организации, что негативно скажется на её построении. В будущем сотрудничество органов по борьбе с терроризмом будет фокусироваться на борьбе с тремя основными угрозами: незаконной контрабандой наркотиков, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; преследовании международных организаций преступников, нелегальной иммиграции и торгливцев людьми; а также выведении из обращения денег от коррупционных и экономических преступлений [7].

В-третьих, Четко определить юрисдикцию РАТС в области сотрудничества по борьбе с терроризмом. Четкое определение компетенций в области безопасности как для региона, так и для различных стран позволяет эффективно удовлетворять потребности и предоставлять необходимые антитеррористические общественные блага. В сфере противодействия терроризму участвующие страны имеют разнообразные внутренние структуры, где некоторые антитеррористические подразделения подчинены системам общественной безопасности, а другие - правительству или национальным разведывательным организациям. Такая дисперсная управляемая структура приводит к отсутствию единства. Разные страны имеют различные настройки полномочий, что означает, что при решении проблем необходимо придерживаться полномочий соответствующих департаментов. Если дело выходит за рамки компетенции какого-либо государственного органа в стране, то для поиска решения потребуется пройти через сложный процесс координации. Этот процесс значительно снизил эффективность сотрудничества в области борьбы с терроризмом и стал серьезной проблемой для международного антитеррористического взаимодействия. Укрепление интеграции внутренних функциональных органов, одновременно предотвращение незаконного вмешательства и манипуляций со стороны РАТС и крупных держав района для защиты суверенитета стран-участников. В рамках антитеррористической стратегии мы выступаем за многостороннее сотрудничество и внимательно строим широкую и разнообразную сеть партнеров в области борьбы с терроризмом. Это направлено на усиление глобальной борьбы с терроризмом, одновременно нужно оставаться в состоянии повышенного бдительности, чтобы предотвратить возможные попытки некоторых сил использовать противостояние терроризму для вмешательства во внутренние дела других стран и нарушения их государственного суверенитета. Чтобы достичь согласованного сотрудничества между различными организациями, странами и международными организациями по вопросам борьбы с терроризмом, в целях достижения взаимовыгодной ситуации. С момента своего создания РАТС установили эффективное сотрудничество со стратегическими партнёрами в области регионального сотрудничества, такими как Организация Договора о коллективной безопасности, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также относящиеся к проблематике борьбы с терроризмом структуры ООН. Для того чтобы адаптироваться к постоянно меняющейся безопасной среде и эффективно противостоять вызовам терроризма, организация планирует углубить внутренние реформы на основе имеющегося фундамента. Конкретные меры включают определение полномочий в области борьбы с терроризмом, оптимизацию правового каркаса, содействие согласованному взаимодействию различных организаций

и формирование благоприятной организационной культуры для долгосрочной стабильности и сотрудничества. Эти реформы направлены на создание более эффективной, согласованной системы противодействия терроризму, обеспечение устойчивых основ для глобального антитеррористического боя и гарантирование возможности в будущем более эффективно бороться с террористическими акциями.

Заключение

Исходя из анализа целей, функций и членских стран, РАТС и АТЦ имеют много общего. Действия двух организаций по борьбе с терроризмом эффективно обеспечивают основы для поддержания мира и стабильности в регионе. Опыт деятельности РАТС и АТЦ за многие годы показывает, что эти два учреждения вносят значительный вклад в формирование всемирной и региональной систем безопасности. Во-первых, создание двух учреждений отражает политическую волю руководителей государств-членов; во-вторых, два учреждения получили признание международного сообщества; в-третьих, оба учреждения разработали подходы к борьбе с терроризмом и стремятся унифицировать законодательство стран-участниц в этой области; в-четвертых, каждое из учреждений совершенствует единую базу данных о терроризме и его спонсорах, что повысит эффективность и возможности борьбы с терроризмом; в-пятых, под рамками каждого института все государства-члены принимают активные меры по предотвращению и ликвидации международных террористических организаций и совместно действуют.

При сравнении сотрудничества РАТС и АТЦ обнаруживается, что все они широко вовлечены в международное сотрудничество как со странами-участниками, так и со своими членами. Тем не менее, в рамках таких тесных партнерских отношений могут возникнуть ряд проблем, включая потенциальные конкурентные действия, неэффективное распределение ресурсов, неопределенность ответственности и недостаточную четкость определения юрисдикции. Автор утверждает, что в контексте все более нарастающей глобализации и возраставшего вызова терроризма эти две организации должны значительно усилить сотрудничество по противодействию терроризму со всеми видами партнёров (включая, но не ограничиваясь другими институтами, региональными структурами правительствам и даже разные страны) в своих внутренних конструкциях. Одновременно стимулировать внутренние реформы правовой системы является крайне важным шагом для повышения эффективности и результативности контртеррористических операций, что заложит основу для улучшения антитеррористического потенциала.

Библиография

1. АТЦ СНГ принял участие в операции Интерпола «i-batch» (г. Коломбо, Шри-Ланка). URL: <https://cn.cisatc.org/1289/9141> (дата обращения: 02.12.2024)
2. Ли Юнцюань. Антитерроризм СНГ. Исследование механизмов регионального сотрудничества в Центральной Азии. 2022. С. 80–81.
3. Ма Чжэнган. Устойчивый прогресс Шанхайской организации сотрудничества. Эксперты и ученые обсуждают ШОС. Издательство «Мировое знание». 2006. 228 с.
4. Меморандум о взаимопонимании между ООН и АТЦ СНГ, антитеррористический центр государств-участников содружества независимых государств. URL: <https://cn.cisatc.org/1289/9141> (дата обращения: 02.11.2024)
5. Меморандум о взаимопонимании между секретариатом ШОС и Управлением ООН по наркотикам и преступности. 2022. URL: <https://chn.sectsco.org/20220317/823552.html> (дата обращения: 02.12.2024)
6. Рахимов К. Х. Монография под редакцией В. В. Парамонова «Взаимоотношения

- государств Центральной Азии с Россией и Китаем: от теории к практике» // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7, № 6. С. 681–687.
7. Рашид Алимов. Создание, развитие и перспективы Шанхайской организации сотрудничества. Пекинское народное издательство. 2018.
8. Совместное антитеррористическое учение «Донбасс-антитеррор-2011». URL: <https://cn.cisatc.org/1289/133/161/7142> (дата обращения: 04.12.2024)
9. Структура ШОС и Интерпол намерены играть активную роль в укреплении региональной безопасности. URL: <http://chn.sectsco.org/news/20190314/518350> (дата обращения: 02.12.2024)
10. Сунь Жуаньчжи. Сотрудничество ШОС в области антитерроризма и безопасности: процессы и перспективы // Современный мир. 2008. № 11. С. 21.
11. Учения по антитерроризму Сямэнь-2019. URL: <https://sputniknews.cn/20191018/1029864576.html> (дата обращения: 02.12.2024)
12. Федеральное агентство безопасности РФ: страны СНГ обсудят вопросы антитеррористического сотрудничества в Москве. 2017. URL: <http://sputniknews.cn/politics/201712191024312418/> (дата обращения: 02.11.2024)
13. Чэн Сюдин, Ван Куймэй. Выбор пути для углубления сотрудничества в области безопасности в ШОС после расширения членства // Мировая экономика и политика. 2023. № 3. С. 108–109.
14. ШОС заявляет о чрезвычайной важности сотрудничества с ОДКБ в борьбе с терроризмом. 2022. URL: <https://sputniknews.cn/20220831/1043516593.html> (дата обращения: 25.03.2024)
15. ШОС и Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) активизируют сотрудничество в рамках совместных программ по борьбе с наркоугрозой. 2018. URL: <https://chn.sectsco.org/20180312/394906.html> (дата обращения: 04.12.2024)
16. Azizi S. China's Belt and Road Initiative (BRI): The Role of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in Geopolitical Security and Economic Cooperation // Open Journal of Political Science. 2024. Vol. 14, № 1. P. 111–129.
17. Mattli W. The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond. Cambridge UP, 1999.
18. Miglietta J. Great Power Rivalry and the Politics of Central Asia // Dynamics of the Changing Global Security Order. 2024. P. 17.
19. Mikhaylenko E., Ospanova A., Lagutina M. The SCO and security cooperation // The Shanghai Cooperation Organization. Routledge, 2022. P. 38–52.
20. Pradhan R., Kakoty S. Security Integration in the Post-Soviet Space and Collective Security Treaty Organization: Roadmap for Future Cooperation. Springer Nature, 2024.
21. Yuan J. Forging a new security order in Eurasia: China, the SCO, and the impacts on regional governance // Chinese Political Science Review. 2023. Vol. 8, № 3. P. 422–439.
22. Zhao J., Wang X., Zhan J. Is international cooperation effective in combating terrorism? Evidence from the Shanghai Cooperation Organization // Applied Economics. 2024. P. 1–16

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена исследованию двух международных региональных антитеррористических организаций – Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества (РАТС) и Контртеррористического центра Содружества Независимых Государств (АТЦ). Автор уделяет внимание их роли в обеспечении безопасности и стабильности в Центральной Азии, а также анализирует их

сотрудничество на международной арене.

Статья предлагает глубокий и всесторонний анализ функций и механизмов работы РАТС и АТЦ. Автор рассматривает множество аспектов, включая правовые рамки, сотрудничество с международными организациями, а также примеры совместных антитеррористических учений. Это создает полное представление о текущем состоянии антитеррористического сотрудничества в регионе. Вместе с тем не достает более обстоятельного ретроспективного анализа возникновения данных структур и оформления их нормативного базиса (в целом автор не использует политico-правовые документы из соответствующих международных баз данных).

Тем не менее, сравнение механизмов и деятельности двух организаций позволяет выявить их сильные и слабые стороны, а также области, где они могут улучшить свою работу. Автор подчеркивает, что АТЦ имеет более широкую сеть сотрудничества, в то время как РАТС сосредоточена на борьбе с наркоторговлей и обменом информации.

Статья не только описывает текущее состояние, но и предлагает конкретные рекомендации по оптимизации работы обеих организаций. Это делает исследование актуальным для практиков в области безопасности и политики.

Однако статья свойствен ряд значимых недостатков, которые не позволяют опубликовать ее в текущем виде. Среди первых - отсутствие критического анализа. Несмотря на детальный обзор, статья не уделяет достаточного внимания критическому анализу недостатков работы обеих структур. Например, не рассматриваются возможные проблемы в сотрудничестве, такие как политические разногласия между странами-участниками или недостаточная координация совместных действий. Хотя автор упоминает международные организации, такие как ООН и ИНТЕРПОЛ, статья могла бы более подробно рассмотреть влияние глобальных политических изменений на антитеррористическое сотрудничество в Центральной Азии. Это добавило бы глубину и контекст к анализу. Текст иногда перегружен информацией, что затрудняет восприятие ключевых идей. Более четкая структура и выделение основных пунктов, оформление тематических подзаголовков, могли бы улучшить читаемость статьи.

Также в нарушение требований, предъявляемых к публикациям в изданиях Nota Bene, во введении статьи не содержится ключевая целевая исследовательская установка, задачи и методы исследования, то есть научный аппарат исследования не сформулирован.

"Из-за исторических и реальных причин Центральная Азия и сопредельные регионы сталкиваются с угрозой терроризма" - необходимо уточнить, о каких "реальных" причинах идет речь.

В целом, статья представляет собой важный вклад в изучение антитеррористического сотрудничества в Центральной Азии и демонстрирует значимость РАТС и АТЦ в современных условиях. Однако для повышения ее научной ценности автору следует уделить больше внимания критическому анализу и контекстуальным факторам, влияющим на эффективность этих организаций. Это позволит не только улучшить понимание их работы, но и предложить более обоснованные рекомендации для дальнейшего развития антитеррористического сотрудничества в регионе.

Статью рекомендуется также опубликовать в издании "Национальная безопасность" или "Международное право и международные организации"

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступают Региональная антитеррористическая структура ШОС и Антитеррористический центр СНГ, в статье проводится сравнение сотрудничества двух организаций на разных уровнях борьбы с терроризмом.

Методология исследования базируется на обобщении сведений о деятельности двух рассматриваемых организаций.

Актуальность работы обусловлена тем, что сравнение сотрудничества двух организаций на разных уровнях борьбы с терроризмом может способствовать улучшению работы по противодействию террористической преступности в регионе Центральной Азии.

Научная новизна рецензируемого исследования заключается в представленных результатах сравнения двух организаций, выводах об их широкой вовлеченности в международное сотрудничество и необходимости усиления сотрудничества, а также в выявлении проблем: возможность появления потенциальных конкурентных действий, неэффективное распределение ресурсов, неопределенность ответственности и недостаточную четкость определения юрисдикции.

В тексте статьи выделены следующие разделы и подразделы: Обзор РАТС и АТЦ, Сотрудничество РАТС ШОС с международными организациями, Сотрудничество АТЦ СНГ с международными организациями, Сравнительный анализ сотрудничества в борьбе с терроризмом между РАТС и АТЦ, Последствия для оптимизации антитеррористического сотрудничества РАТС, Заключение и Библиография.

В публикации отмечено, что учреждение РАТС и АТЦ направлено на противодействие угрозе терроризма, обеспечение безопасности района Центральной Азии и социальной стабильности; рассмотрено Сотрудничество РАТС ШОС и АТЦ СНГ с международными организациями; показано, что РАТС и АТЦ являются региональными международными антитеррористическими организациями, имеют разные страны-лидеры в борьбе с терроризмом, обладают разным потенциалом для развития сотрудничества в области противодействия терроризму; отмечена необходимость оптимизации сотрудничества организаций на международном, региональном и институциональном уровнях в соответствии с изменяющейся обстановкой: активно использовать роль ведущих стран, укреплять сотрудничество в борьбе с терроризмом; определить ключевые области сотрудничества в борьбе с терроризмом, учитывая интересы различных стран-участников; четко определить юрисдикцию РАТС в области сотрудничества по борьбе с терроризмом. Авторы считают, что в целом действия двух организаций по борьбе с терроризмом эффективно обеспечивают основы для поддержания мира и стабильности в регионе.

Библиографический список включает 22 источника – научные публикации, официальные документы, а также интернет-ресурсы по рассматриваемой теме, на которые в тексте приведены адресные ссылки, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам.

В качестве замечания стоит отметить, что начальная, вводная часть публикации почему-то не озаглавлена как «Введение».

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Национальная безопасность / nota bene», отражает результаты проведенной авторами работы, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Чистяков И.А. Влияние геополитических вызовов на развитие автомобильного рынка в условиях Индустрии 4.0 // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.72979 EDN: HBXKCX

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72979

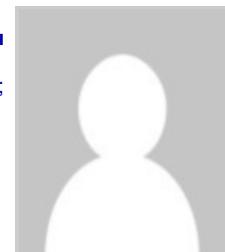
Влияние геополитических вызовов на развитие автомобильного рынка в условиях Индустрии 4.0

Чистяков Илья Александрович

аспирант кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России;
Генеральный директор ООО "Ретел"

119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2с1

✉ iliaktb@inbox.ru

[Статья из рубрики "Экономическое обеспечение национальной безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.1.72979

EDN:

HBXKCX

Дата направления статьи в редакцию:

10-01-2025

Дата публикации:

27-02-2025

Аннотация: Предметом исследования являются механизмы влияния геополитических вызовов на автомобильный рынок в условиях Индустрии 4.0. Объектом исследования выступают трансформационные процессы в глобальной и российской автомобильной промышленности под воздействием санкций, разрывов цепочек поставок и тенденций цифровизации. Особый акцент делается на процессах регионализации мировой экономики, являющейся результатом переосмысления глобализации со стороны мировых держав и осознания того факта, что современная глобальная политическая конъюнктура является чересчур нестабильной, что в свою очередь толкает страны к усилиению собственных экономик и экономических связей с новыми международными партнерами. Целью исследования является выявление ключевых факторов влияния политической нестабильности и новых технологических решений на развитие автомобильной отрасли в

условиях перехода от глобализации к регионализации. Особое внимание уделено российскому автомобильному рынку, его текущему состоянию и перспективам. Также отмечается, каким образом повышение технологической устойчивости предприятия сделает его менее восприимчивым к рискам политического характера. В работе использованы аналитические методы, включая сравнительный анализ, экономическое моделирование и обзор актуальных научных источников и статистических данных. Научная новизна заключается в интегральном анализе воздействия геополитических вызовов на автомобильный рынок через призму технологий Индустрии 4.0. Основные результаты включают выводы о необходимости развития технологий Индустрии 4.0 для укрепления национальной автомобильной отрасли и достижения технологического суверенитета, рекомендации по созданию устойчивых региональных экономических платформ для технологического обмена с дружественными странами, выводы о важности программ государственной поддержки, которые включают налоговые льготы и субсидии, для стимулирования отечественного автопрома и конкретно высокотехнологичных решений в нем, а также стратегию сотрудничества с китайскими автоконцернами с фокусом на локализацию и обмен технологиями для повышения конкурентоспособности российского автопрома. Представленные результаты помогают сформировать более устойчивую модель развития автомобильной отрасли, способную противостоять внешним вызовам.

Ключевые слова:

глобальная экономика, геополитика, автомобильная промышленность, Интернет вещей, технологическая независимость, санкции, локализация производства, цифровизация, экономическая безопасность, национальные рынки

Введение

В условиях глобальных изменений в мировой экономике и технологической среде автомобильная индустрия становится сферой экономики, наиболее чувствительной к последствиям глобальных кризисных процессов, вызванных геополитическими вызовами. Современные исследования в значительной степени сосредоточили внимание на дестабилизации устоявшихся глобальных цепочек поставок из-за мировых конфликтов (см. работы, например, Ю.А. Ильина [1], Г.Л. Бродецкого [2], А. Тойгара [3]), а также на тенденции к деглобализации (которая воспринимается некоторыми авторами, например, А.П. Портанским, как объективная реальность нежели чем рукотворный процесс, что подтверждается снижающимся интересом многих стран к участию в глобальных экономическим форумах [4, С. 8]), регионализацией и фрагментацией [5, С. 1291] международных экономических связей. Однако вопрос о том, как эти изменения влияют на автомобильную отрасль, отличающуюся высоким уровнем технологического развития и цифровизации, остаётся недостаточно изученным.

В научном дискурсе крайне актуальной является тема изучения влияния политических кризисов на автомобильную индустрию России (см., например, работы Д.М. Сторчака [6], Р.Н. Мирзаханова, К.В. Журавлевой [7], Н.В. Лобана [8]) и разных регионов мира [9], а Индустрии 4.0 и ее влияния на трансформацию автомобильной сферы также активно изучается в современной доктрине мировой экономики (см., например, работу А.С. Афолалу и др. [10]). Российские исследователи обращают внимание на необходимость повышения самостоятельности отечественной автомобильной индустрии, внедрения

цифровых технологий, таких как IoT, 3D-печать и искусственный интеллект, а также на важности создания устойчивых региональных альянсов. Зарубежные исследования, в свою очередь, сосредоточены на интеграции технологий Индустрии 4.0 в цепочки поставок, разработке автономного транспорта и электромобилей, использовании больших данных для управления производством и снижении углеродного следа в автомобильной промышленности. Однако теме влияния геополитических вызовов конкретно на достижения Индустрии 4.0 в автомобильной сфере, а также возможным путем минимизации влияния политических рисков на автомобильную индустрию посредством активного развития и внедрения новых технологий, уделяется не так много внимания.

Актуальность темы нашего исследования обусловлена тем, что влияние политических процессов на автомобильный рынок требует более глубокого анализа в контексте применения передовых технологий Индустрии 4.0, а также тем, что автомобильный рынок не только в России [11, С. 139], но и во всем мире [12] испытывает серьезные структурные изменения именно последние несколько лет на фоне глобальных политических изменений – меняются игроки, основы ведения бизнеса и сама продукция, перераспределяются глобальные рынки сбыта.

Актуальность данной темы также тесно связана с вопросами национальной безопасности Российской Федерации. Автомобильная отрасль, как важнейшая составляющая промышленного производства, оказывает значительное влияние на экономическую устойчивость и технологическую независимость государства. В условиях глобальных геополитических вызовов, таких как международные санкции, изменение торговых маршрутов и обострение конкуренции на мировых рынках, сохранение конкурентоспособности отечественного автомобильного рынка становится задачей стратегического характера.

Считаем, однако, что, несмотря на сложности, вызванные текущими геополитическими конфликтами, такие обстоятельства открывают для различных отраслей экономики новые возможности для развития. Цифровая трансформация, в свою очередь, не только создает дополнительные инструменты для адаптации к новым вызовам, но и способствует усилению устойчивости и гибкости экономических процессов. Таким образом вышеназванные факторы, а также отсутствие актуальных научных исследований в области влияния геополитических факторов на развитие Индустрии 4.0 в автомобильной сфере обусловило выбор автором темы исследования.

Гипотеза исследования заключается в том, что в условиях геополитической нестабильности и перехода от глобализации к регионализации ключом к устойчивому развитию автомобильной отрасли является внедрение и активное использование инструментов Индустрии 4.0, что минимизирует зависимость от внешних факторов и способствует развитию национальных рынков.

Целью исследования является выявление ключевых факторов, определяющих трансформацию автомобильной индустрии в условиях геополитических вызовов и внедрения технологий Индустрии 4.0.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать влияние политической нестабильности на цепочки поставок в автомобильной промышленности;
- исследовать роль цифровых технологий в повышении устойчивости автомобильного

сектора;

- оценить перспективы российской автомобильной отрасли в условиях санкционного давления;
- разработать рекомендации для достижения технологического суверенитета.

Ключевые события мировой политики и современная Россия

С 2014 года национальная экономика и безопасность России является предметом большого количества односторонних ограничительных мер, инициированных «существенными юрисдикциями» - странами ЕС, а также США, Канады, Швейцарии [\[13, С. 2434\]](#) и многими другими. Введение нескольких десятков тысяч санкций в отношении отдельных российских лиц, в том числе в отношении КамАЗа [\[14, С. 377\]](#), АвтоВАЗа, «Соллерса» и «Москвича», не могли не сказаться на общей картине автомобильного рынка в России (*URL :* <https://www.kommersant.ru/doc/6212752>, (дата обращения: 04.01.2025)). Влияние санкций требует поиска способов снижения риска, а также новых поставщиков и партнеров за рубежом.

Недавние глобальные события, а именно военные конфликты с прямым или косвенным участием США, существенно трансформировали структуру мировой экономики, усилив взаимосвязь между политическими и рыночными процессами до беспрецедентного уровня. Одним из важнейших факторов последнего десятилетия стало стратегическое экономическое соперничество между крупнейшими экономиками мира — США и их партнерами, с одной стороны, и развивающимися странами с другой. Это противоборство в современном научном дискурсе нередко интерпретируется как противостояние «западных стран» и «глобального Юга». Концептуальные подходы к понятию «глобальный Юг» и его обоснование можно найти в работах таких авторов, как П.П. Яковлев [\[15\]](#) и К. Микатекисо [\[16\]](#), в своих работах авторы подчеркивают, что в структуре мировой экономики можно объективно проследить формирование новых, нетрадиционных деловых и хозяйственных центров, которые всё меньше и меньше зависят от экономики США.

Пандемия COVID-19, разразившаяся в 2020 году и являвшаяся одним из крупнейших политико-экономических потрясений всего человечества, не только привела к глобальному экономическому спаду, но и, напротив, ускорила процессы цифровизации, стимулировав переход на дистанционные форматы ведения хозяйственной и трудовой деятельности. Это, в свою очередь, сделало крайне актуальными технологии обработки больших объемов данных и онлайн-мониторинга производственных процессов. В целом следует согласиться с мнением Д.А. Иващенко, который отметил, пандемия COVID-19, и ее социально-политические последствия была одним из ключевых факторов повсеместной цифровизации в развитых странах и крупных экономиках [\[17, С. 259\]](#), и в целом к подобным выводам приходят исследователи ОЭСР в своем докладе «The growth outlook of the ICT Sector» [\[18, С. 16\]](#) (см. таблицу), так как ими было справедливо отмечено, что в первый год пандемии (2020 год) цифровая экономика демонстрировала рост, на фоне снижения роста общей экономики.

Таблица 1 - Изменение темпов роста экономики с 2018 по 2023 года

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Изменение роста общей	+2,9%	+ 2,1%	-4%	+6%	+4,1%	+2,5%

экономики						
Изменение роста цифровой экономики	+7,1%	+7,3%	+7%	+7,4%	+7,5%	+8%

Источник: составлено автором по материалам сайта: https://www.oecd.org/en/publications/2024/05/oecd-digital-economy-outlook-2024-volume-1_d30a04c9.html

Санкционное давление на Россию в контексте событий на Украине усугубило структурные изменения в мировых торговых потоках и цепочках поставок, затронув как евроазиатский регион, так и глобальную экономику в целом. Диспропорция в мировых цепочках поставок повлияла на структурные изменения в мировом автомобильном рынке. Согласно прогнозам, представленным в отчёте Группы Всемирного Банка «Перспективы экономического развития» на 2024–2025 годы, темпы роста мировой экономики, как и отдельных стран, будут существенно ниже по сравнению с аналогичным периодом 2010-х годов (*U R L : https://thedocs.worldbank.org/en/doc/f43fb9163f5e4704740c30b614a9ad59-0050012024/related/GEP-June-2024-Chapter-1-Highlights.pdf* (дата обращения: 04.01.2025)), а по прогнозом экспертного агентства «Автостат» продажи новых автомобилей упадут на 10% (по самым пессимистичным прогнозам – на 20%) по результатам 2025 года, что также вызвано структурными изменениями в мировой экономике (*U R L : https://www.rbc.ru/business/09/12/2024/6756a3fd9a794754133e2900* (дата обращения: 04.01.2025)).

В современных условиях государства всё чаще делают акцент на развитие национальных рынков и углубление взаимодействия с ближайшими партнёрами, которые могут быть связаны не только территориальной близостью, но и схожими политическими интересами, одним из которых является формирование технологического противовеса наиболее развитым странам. Ярким примером такого взаимодействия служит платформа БРИКС, чья значимость резко возросла в период 2022–2024 годов. Участники объединения активно сотрудничают в самых разных областях — от экономики и политики до культуры, включая совместные проекты в автомобильной промышленности.

Анализ Казанской декларации стран-участниц БРИКС 2024 года позволяет прийти к выводу о том, что участники политического объединения нацелены на экономическое сотрудничество друг с другом, для чего предусматривается ряд особых проектов в промышленной сфере (*U R L : https://brics-expert.info/documents/dokumenty-esvubriks/kazanskaya-deklaratsiya-briks-23-oktyabrya-2024-goda/* (дата обращения: 04.01.2025)):

1) Особые экономические зоны (ОЭЗ): Создание Форума по сотрудничеству в области ОЭЗ стран БРИКС (п. 74 декларации). Этот механизм способствует развитию высокотехнологичных отраслей, включая информационные технологии, разработку и коммерциализацию новых технологий. Он нацелен на стимулирование инвестиций в приоритетные области экономического развития.

2) Поддержка малого и среднего предпринимательства (МСП): Укрепление производственно-сбытовых цепочек и создание новых кооперационных связей для МСП с применением высоких технологий и инноваций (п. 75 декларации). Это позволяет интегрировать малые предприятия в процессы Индустрии 4.0 через цифровизацию и повышение производительности.

3) Партнёрство по Новой промышленной революции (ПартНИР): Создание Центра промышленных компетенций стран БРИКС в сотрудничестве с ЮНИДО и проведение мероприятий, таких как Форум ПартНИР, Конкурс промышленных инноваций и Выставка по Новой промышленной революции (п. 76 декларации). Эти действия способствуют развитию навыков и партнёрств в области цифровой трансформации, интеллектуального производства и робототехники.

4) Развитие цифровой инфраструктуры и искусственного интеллекта: Сотрудничество в области цифровой экономики, включая развитие технологий 5G, искусственного интеллекта и спутниковых систем (п. 77 декларации). Эти меры направлены на укрепление цифровой связи, поддержку инклюзивности и преодоление цифрового разрыва.

Современный вектор развития экономической политики РФ строится на усилении и углублении партнерства со странами СНГ, ШОС и БРИКС (пп. 2 п. 21 раздела «III» «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года») (*URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>* (дата обращения: 04.01.2025)) , а современная концепция внешней политики РФ поощряет инициативы, направленные на региональное и межрегиональное сотрудничество в рамках этих объединений (*URL : <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>* (дата обращения: 04.01.2025)). Все эти изменения есть результат недавних политических событий, наглядно продемонстрировавших несостоятельность мировой экономики, построенной, или, можно даже сказать, «глобализированной» вокруг единого центра – экономики США.

Влияние мировой политики на мировую экономику и глобальный автомобильный сектор

Связь между геополитикой и экономическими процессами исследовали многочисленные как отечественные, так и зарубежные авторы. Так, Б.И. Шевченко [19] выявил основные свойства современной парадигмы влияния мировой политики на экономику в условиях глобализации, выделяя шесть таковых:

- 1) Системообразующее значение экономики, которая становится ключевым фактором международных отношений;
- 2) Возникновение новых механизмов взаимодействия, включая транснациональные корпорации и международные экономические организации;
- 3) Интернационализация финансового капитала, ускоряющая глобальные инвестиционные потоки;
- 4) Роль энергетического фактора, определяющего доступ к ресурсам как ключевую составляющую международной политики;
- 5) Усиление глобализации (интеграции), формирующей новый порядок взаимодействий Центра и Периферии;
- 6) Интеграция политики и экономики, где каждая из сфер влияет на другую, становясь инструментом достижения национальных и глобальных целей.

Регионализация же, как процесс, отличающийся от глобализации, по нашему мнению, всё равно обладает всеми теми же свойствами, за одним ключевым отличием – вектор регионализации направлен на автономизацию и повышение уровня самодостаточности

отдельных регионов. Не зря в доктрине мировой экономики процессы регионализации и глобализации в том числе воспринимаются не как антагонистические, а как взаимодополняющие процессы [20].

В любом случае, ни одна из сфер экономики, включая автомобильную индустрию, не защищена от рисков, связанных с политическими катаклизмами в международных отношениях, поскольку глобальные цепочки поставок взаимосвязаны и сконцентрированы вокруг крупнейших экономик мира. Влияние мировой политики на автомобильную промышленность является важной составляющей изучения в рамках доктрины мировой экономики. А.В. Пасько [21, С. 60] в своих исследованиях особенностей глобализации автомобильной промышленности приходит к выводу, что при организации производства за рубежом автомобильные концерны должны учитывать в первую очередь «глобальные факторы». Среди них автор выделяет международные политические конфликты, внутренняя нестабильность стран производства и социальные особенности регионов.

Считаем справедливым утверждение, что факторы политического характера имеют приоритетное значение при создании предприятий за рубежом, что для автомобильной индустрии последние десятилетия является (а в отношении России - являлось) актуальным трендом, позволяющим минимизировать в первую очередь логистические издержки [22, С. 2], а также, помимо прочего, избрать более благоприятную налоговую юрисдикцию. Приоритет учета внутренне- и внешнеполитической конъюнктуры при выборе зарубежной юрисдикции, по нашему мнению, обусловлен тем, что политическая стабильность страны напрямую влияет на долгосрочные перспективы успешности инвестиций, включая такие аспекты, как защита собственности, соблюдение правовых норм и устойчивость цепочек поставок.

Кроме того, при анализе инвестиционного климата любой страны на первый план всегда выходит политическая конъюнктура. Она сопряжена с наиболее значительными рисками, такими как вероятность изменения законодательства, инициация военного конфликта, введение санкций или иных ограничительных мер (например, ограничения на экспорт и импорт), что существенно влияет на деятельность транснациональных компаний. В этом контексте учет политических факторов становится основополагающим элементом при принятии стратегических решений в автомобильной индустрии.

Предприниматели и эксперты Дж. Селл, Р. Дэвис и С. Лове в своих исследованиях подчёркивают, как решения в области мировой политики оказывают непосредственное влияние на автомобильный сектор (*URL: https://flint-global.com/blog/the-auto-sector-in-2024-the-political-choices-that-lie-ahead/* (дата обращения: 04.01.2025)). Один из ярких примеров касается США, где правовые требования, связанные с цепочками поставок, и санкционные ограничения становятся существенными барьерами для выхода на рынок. Недавний случай с Volkswagen, подсвеченный авторами, демонстрирует эту проблему: тысячи автомобилей компании были конфискованы после того, как она сама сообщила, что один из компонентов мог быть произведён предприятием, находящимся в SDN-листе OFAC.

Рассматривая влияние санкций конкретно на российский автомобильный сектор в контексте развития высоких технологий и влияния Индустрии 4.0, можно прийти к выводу, что отечественное производство претерпевает негативные изменения. Российский автопром столкнулся с выведением бизнеса крупными автоконцернами с территории России, что, в свою очередь, является причиной ограничения

потребительского спроса, сужения рынка, нарушения технологического обмена с компаниями иностранных государств, падения объемов экспорта и импорта, разрушения сложившихся цепочек формирования добавленной стоимости. Наиболее ярким примером негативного влияния ухода иностранных компаний с российского рынка является продажа акций КамАЗа и выход из бизнеса немецкой компании Daimler Trucks, что, с нашей точки зрения, разрывает любой, в том числе потенциальный, технологический обмен между отечественными и европейскими производителями грузовиков. В целом данная ситуация является демонстрацией того факта, что ни одно из возможных решений Индустрии 4.0 в автопроме не локализовано в настоящий момент целиком и полностью на территории России, и эта проблема всё еще является предметом дискуссий и поиска решений.

Санкции ЕС, включая ограничения, введённые Регламентом Совета ЕС № 833/2014 и его поправками, запретили экспорт в Россию определённых товаров и технологий, таких как автомобили с двигателями объёмом более 1,9 литра, электромобили, гибриды и ключевые автокомпоненты. Это создало серьёзные препятствия для производства и обслуживания автомобилей в стране. Уход крупных автопроизводителей, таких как BMW, Volkswagen и других, лишил российский рынок доступа к передовым технологиям и оборудованию. С их уходом высвободилась ниша, которую быстро заняли китайские производители, усилив свои позиции, однако их интерес сфокусирован на экспорте товаров в Россию, но не на создании полноценных предприятий, и как косвенное следствие – обмене технологиями.

Кроме того, ряд российских автопроизводителей и их руководителей оказался под санкциями, что ограничило доступ к инвестициям и международному сотрудничеству ввиду репутационных рисков и оверкомплаенса. Эти меры существенно повлияли на структуру российского автомобильного сектора, ускорив его трансформацию и перераспределение рыночных долей в пользу лиц и предприятий, не находящихся под действием односторонних ограничительных мер.

Санкции представляют серьёзную угрозу национальной безопасности России, поскольку затрудняют доступ к технологиям, инвестициям и критически важным компонентам. На автомобильной отрасли это сказалось особенно сильно, так как ограничения на поставки оборудования и автокомпонентов нарушили цепочки поставок и замедлили производство. Запрет на экспорт автомобилей и ключевых деталей, введённый в рамках европейских санкций, усилил давление на отрасль. Проблема существования «сложностей в поставках значимых комплектующих и материалов» отмечается в том числе и в статье 2 раздела “I” “Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года”, причем сама стратегия воспринимает санкционное давление на российскую автоиндустрию как один из важнейших проблемных вопросов сферы.

В условиях санкционных вызовов отечественные автоконцерны ведут работу по замещению импортируемых автокомпонентов, подбирая новых поставщиков, налаживая сотрудничество с азиатскими партнёрами, реализуя проекты по импортозамещению. Так, АО «АВТОВАЗ» и ООО «УАЗ» обратились к китайским компаниям Trinova и APG для обеспечения поставок системы ABS. Кроме того, ПАО «Соллерс» наладило производство китайских фургонов JAC под собственной маркой, а АО «Автотор» перепрофилирует свои конвейеры для запуска новых моделей. АО «МАЗ „Москвич“» возобновляет выпуск автомобилей под брендом «Москвич», при этом используя платформы китайских автопроизводителей, таких как JAC, FAW и BYD^[23, С. 36]. Однако финансирование

проектов становится всё более затруднительным с начала 2024 года, когда почти все крупные китайские банки приостановили прием платежей из России ввиду политического давления США.

Эти события подчёркивают, что сам факт возможности принятия политических решений, таких как санкции, создают значительные риски для автомобильных производителей, особенно в условиях растущей взаимозависимости международных цепочек поставок. Для компаний становится жизненно важным идентифицировать и понимать политические, торговые и регуляторные риски, связанные как с производством, так и с использованием иностранных компонентов.

Суммируя, современные геополитические вызовы существенно влияют на автомобильную индустрию. Среди ключевых вызовов и рисков можно выделить:

- Нарушение цепочек поставок из-за санкций и конфликтов, разрыв устоявшихся партнерств.
- Увеличение роли локального производства и разработок, полностью центрированных на территории одного государства.
- Активное использование и повышение роли технологий Индустрии 4.0 для адаптации к новым условиям.
- Высокие риски кибербезопасности, особенно в странах с недостаточно развитой цифровой инфраструктурой, что может привести к утечкам данных и сбоям в производственных процессах.
- Политическая и экономическая неопределенность, затрудняющая долгосрочное планирование и инвестиции в автомобильную отрасль, особенно в условиях санкционного давления и нестабильности международных отношений.

Индустрия 4.0 и автомобильный рынок: мировой и отечественный опыт

Внедрение инструментария Индустрии 4.0 в мировой автомобильный рынок является объективной реальностью применимо к любому автоконцерну: трансформируются не только способы производства, но и сам продукт и потребительский опыт.

Ключевым элементом этой трансформации является применение технологий 3D-печати, которые обеспечивают снижение отходов, более эффективное использование материалов и снижение экологического вреда. Прогнозируется, что объём рынка автомобильной 3D-печати вырастет на 24,6% к 2026 году, достигнув \$3,9 млрд, при общем объёме рынка порядка \$30 млрд (*URL: https://www.acumenresearchandconsulting.com/3d-printing-market* (дата обращения: 04.01.2025)). Кроме того, кейс китайской компании Hefei продемонстрировал возможность производства автомобилей целиком с использованием 3D-принтеров, о чём свидетельствуют тестовые заезды 50 «напечатанных» автомобилей в Шанхае в 2022 году (*URL: https://www.xevcars.it/en/news/xev-yoyo-at-the-100-edition-of-brussels-motor-show* (дата обращения: 04.01.2025)).

Цифровизация охватывает не только производство, но и управление качеством. Например, BMW Group внедрила алгоритмы для анализа данных с более чем 3 200 сборочных систем, что обеспечивает точную обратную связь о качестве соединений и позволяет сократить дефекты в производстве (*URL: https://knaufautomotive.com/ru/revolyutsiya-v-3d-tehnologiyakh-v-avtomobilnoy-promyshlennosti/* (дата обращения: 04.01.2025)). В России КамАЗ с 2019 года активно реализует стратегии цифровизации, включая внедрение MES-систем, цифровых платформ управления производственными процессами, дополненной реальности и аддитивных

технологий, что положительно сказалось на производственной эффективности (*URL: https://kamaz.ru/investors-and-shareholders/information-disclosure/annual-report/* (дата обращения: 04.01.2025)).

Также цифровизация изменила подход к продажам и взаимодействию с потребителями. Онлайн-продажи автомобилей становятся всё более популярными, о чём свидетельствует успешная программа онлайн-продаж LADA, запущенная АвтоВАЗом в 2023 году, которая увеличила конверсию в покупку в четыре раза (*URL: https://www.autostat.ru/news/56018/* (дата обращения: 04.01.2025)).

Российское правительство осознаёт стратегическую важность цифровизации автомобильной отрасли. В разделе V «Глобальные технологические тенденции в автомобильной промышленности» Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года отмечается необходимость внедрения технологий электрификации, водородных и газомоторных двигателей, а также развития систем автономного вождения (*URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405963861/* (дата обращения: 04.01.2025)). Стратегия предусматривает меры поддержки, включая субсидии, налоговые льготы и создание зарядной инфраструктуры, что является основой для модернизации отечественной автомобильной индустрии. Развитие альтернативных источников энергии и технологий автономности также станет ключом к глобальной конкурентоспособности российского автопрома.

Следовательно, Индустрия 4.0 оказывает значительное влияние на трансформацию автомобильной отрасли по всему миру, но степень ее внедрения и развития значительно варьируется в зависимости от страны. Россия, Китай и Индия, как ключевые игроки в современной глобальной экономике и страны, нацеленные на поддержание технологической конкуренции и усиление своих автомобильных рынков, демонстрируют разные подходы к цифровизации автомобильной сферы. Для России на современном этапе всё еще характерна ограниченность ресурсов и зависимость от импорта, что замедляет процесс внедрения новых технологий [24, С. 75]. Китай, напротив, активно инвестирует в развитие цифровой инфраструктуры и локализацию полного цикла производства, что укрепляет его позицию одного из мировых лидеров в автомобильной промышленности, не только по количеству производимых автомобилей, но и по уровню внедрения новейших технологий. Индия, как страна на периферии БРИКС и евроазиатского партнерства, находится на промежуточной стадии, делая акцент на государственной поддержке и развитии местных поставщиков, но сталкивается с ограниченностью финансовых ресурсов и высокими рисками в сфере кибербезопасности. Эти различия обуславливают неоднородность в уровне интеграции технологий Индустрии 4.0 и темпах цифровой трансформации, что требует сопоставления ключевых параметров развития отрасли в данных странах (см. таблицу 2).

Таблица 2 - Сравнительный анализ внедрения Индустрии 4.0

Параметр	Россия	Китай	Индия
Уровень цифровизации	Средний (локальные проекты, активное участие КамАЗа)	Высокий (государственная поддержка, ведущая роль Huawei)	Средний (государственные программы Make in India)
Инвестиции в R&D	Ограничены	Значительные	Умеренные
Уровень	Низкий (зависимость	Высокий (развитие полного цикла	Средний (акцент на развитие

локализации Параметр	от импорта) Россия	производства) Китай	поставщиков) Индия
Риски кибербезопасности	Высокие (низкая подготовка)	Средние (активные меры защиты)	Высокие (зависимость от сторонних решений)

Источник: составлено автором по материалам исследования [7],[8],[24].

Ключевой проблемой внедрения технологий Индустрии 4.0 в автомобильной отрасли, таким образом, является неравномерность развития цифровизации и локализации производства между странами, особенно в контексте существующих рисков кибербезопасности, что создает разрыв в технологических возможностях и снижает эффективность глобального взаимодействия. Решением данной проблемы может стать активизация взаимовыгодного обмена технологиями в рамках интеграционных объединений, таких как БРИКС и ШОС и в рамках двустороннего сотрудничества. Политическая и экономическая кооперация между Россией, Китаем и Индией, основанная на действующих принципах стратегического партнерства, позволяет укрепить технологическую базу, ускорить трансформацию автомобильной отрасли в глобальном масштабе и обеспечить более равномерное развитие автомобильной индустрии в условиях глобальной нестабильности. Кооперация автопроизводителей в рамках БРИКС имеет высокий потенциал и уже находится в фазе активных обсуждений (URL : <https://tvbrics.com/news/avtomobilestroenie-v-stranakh-brics/> (дата обращения: 19.01.2025)).

Политико-экономическая конкуренция и цифровизация как инструмент снижения риска

Индустрия 4.0, базирующаяся на цифровизации, искусственном интеллекте и технологиях интернета вещей, демонстрирует как замедление, так и рост в условиях мировых конфликтов. С одной стороны, технологическая конкуренция усиливает напряжённость между странами, но с другой — она становится платформой для международного сотрудничества. Например, совместные проекты в области автономного транспорта и электромобилей способствуют формированию новых принципов взаимодействия между регионами, что видно на примере проектов по технологической кооперации БРИКС, предложенных на форуме в Казани в 2024 году.

США продолжают оставаться одним из ключевых игроков в мировой автомобильной индустрии, оказывая значительное влияние на глобальную экономику благодаря своему масштабному рынку и высоким темпам технологических инноваций. Несмотря на множество экономических и политических вызовов, американская экономика демонстрирует устойчивый рост, что подтверждается совокупной стоимостью ценных бумаг на фондовых рынках, которая к концу 2024 года достигла рекордных \$64 трлн, превысив общую мировую стоимость на \$2 трлн (см. рисунок). Этот показатель подчеркивает важность автомобильной отрасли как одной из стратегических и инновационно активных сфер экономики США.

Рисунок 1 - Капитализация рынка ценных бумаг США и мира.

Источник: <https://scottgrannis.blogspot.com/>

Однако на мировой арене укрепляются новые игроки, которые создают конкуренцию традиционным лидерам. Китай, как упомянуто выше, существенно укрепил свои позиции в автомобильной индустрии. С 2022 года экспорт китайской автомобильной продукции в Россию увеличился в 5–6 раз, а китайские марки автомобилей стали наиболее популярными не только в России, вытеснив европейских, американских и японских производителей, но и во всем мире (URL: <https://www.rbc.ru/business/09/01/2024/659d75fe9a79474013077a45> (дата обращения: 04.01.2025)). Эти изменения по большей части обусловлены геополитическими событиями, которые способствуют расширению влияния Китая в евроазиатском регионе и глобальной экономике. 32.3%, то есть большинство, новых автомобилей в 2024 году было произведено именно в Китае (URL: <https://www.profinance.ru/news/2024/12/28/semv-kazhdyyj-tretij-avtomobil-v-mire-proizvoditsya-v-kitae.html> (дата обращения: 04.01.2025)).

Технологическая конкуренция стимулирует развитие отрасли. Так, в США на конец 2024 года зарегистрировано 15 млн электромобилей, а в Китае – 12 млн. В то же время оба государства активно инвестируют в исследования и разработки (R&D), создавая благоприятные условия для инноваций. Например, объём инвестиций Китая в автомобильные стартапы составил \$25 млрд, а США – \$30 млрд за последний год. Таким образом, политическое противостояние стимулирует технологический прогресс.

В условиях фактической диспропорции и конкуренции в мировой экономике важным механизмом поддержания балансов и минимизации рисков в автомобильной индустрии выступает инструментарий Индустрии 4.0. Цифровизация выступает важным инструментом снижения политических рисков, оказывая влияние на различные аспекты международной экономической деятельности. Одним из ключевых направлений её применения является обеспечение устойчивости цепочек поставок. Технологии, такие как искусственный интеллект, 3D-печать, интернет вещей и блокчейн, позволяют оптимизировать логистические процессы, обеспечивая прозрачность всех этапов поставок. Это не только минимизирует воздействие политической нестабильности, но и предоставляет компаниям возможность оперативно реагировать на перебои, вызванные санкциями или геополитическими конфликтами.

Кроме того, цифровизация способствует укреплению гибкости управления, позволяя компаниям минимизировать зависимость от локальных условий. Внедрение облачных технологий и платформ для дистанционного управления обеспечивает возможность продолжения работы предприятий даже в условиях политических ограничений. Автоматизация и снижение потребности в местном персонале уменьшают уязвимость компаний перед изменениями в правовых или социальных системах стран присутствия. В

свою очередь, внедрение технологий анализа больших объемов данных неминуемо будут способствовать стабилизации глобальных цепочек поставки, а значит сделает отрасль менее восприимчивой к внешним факторам [\[25, С. 1195\]](#).

Использование технологий анализа больших данных и систем искусственного интеллекта открывает возможности для более точного прогнозирования политической ситуации в каком-либо отдельно взятом регионе при принятии решения о локализации производства. Такие системы позволяют моделировать потенциальные сценарии развития событий, выявлять признаки нарастающих конфликтов и разрабатывать стратегии их предотвращения. Таким образом, автомобильные компании могут лучше подготовиться к изменениям и минимизировать возможные потери.

Цифровизация также позволяет укрепить локальное производство, что снижает зависимость от внешних поставок. Современные гибкие производственные системы и технологии, такие как 3D-печать, предоставляют возможность оперативной адаптации производства к изменениям в политической или экономической среде в случае прекращения поставок необходимых деталей и инструментов. С нашей точки зрения это способствует диверсификации рисков и повышению устойчивости бизнеса даже на фоне потенциальных межгосударственных конфликтов.

Кибербезопасность является ещё одним важным аспектом цифровизации в контексте политических рисков. Современные системы защиты информации помогают компаниям противостоять кибератакам, которые могут быть связаны с политической нестабильностью или направлены на саботаж со стороны недружественных государств.

Цифровые технологии также играют ключевую роль в управлении финансовыми рисками. Автоматизация финансовой отчетности и управление активами позволяют компаниям быстрее перераспределять ресурсы в условиях кризиса, что способствует сохранению устойчивости даже в неблагоприятных политических условиях. Кроме того, цифровизация открывает новые возможности для диверсификации рынков. Использование онлайн-платформ и цифровых маркетинговых каналов позволяет компаниям уменьшить зависимость от традиционных рынков, подвергающихся воздействию политических ограничений, и эффективно расширять присутствие на новых территориях.

Таким образом, цифровизация представляет собой мощный инструмент, который не только помогает компаниям адаптироваться к изменениям в современной рыночной экономике, но и политической среде, позволяя минимизировать риски, связанные с глобальными и локальными политическими факторами. Её применение способствует повышению устойчивости, гибкости и эффективности бизнеса в условиях нарастающей геополитической нестабильности, в связи с чем применение инструментария Индустрии 4.0 в условиях автоконцерна является не просто чем-то желательным, но скорее обязательным, если компания стремится удержаться в современном меняющемся мире. В этой связи российским властям необходимо обратить большее внимание на субсидирование новых, независимых от импорта из недружественных государств технологий, которые помогут стабилизировать автопром.

Выводы

На основе проведенного анализа приходим к следующим выводам:

Во-первых, для минимизации влияния мировых политических катаклизмов и отдельных санкций на высокотехнологичное развитие национальной автомобилестроительной

отрасли, государствам необходимо сосредоточить усилия на развитии технологий Индустрии 4.0 в автомобильной сфере на своих внутренних рынках. Современный мир, находящийся в переходе от глобализации к регионализации, неизбежно сталкивается с политической нестабильностью, которая усложняет функционирование глобальных цепочек поставок и повышает риски для международного сотрудничества. В таких условиях повышение технологичности производства становится не просто важной задачей, но стратегической необходимостью. Инвестиции в автоматизацию производства, искусственный интеллект, интернет вещей и 3D-печать позволяют сократить зависимость от иностранных поставщиков автокомпонентов и оборудования, обеспечив устойчивость цепочек поставок. Это не только усилит конкурентоспособность российского автопрома, но и станет важным шагом к достижению национального технологического суверенитета.

Во-вторых, необходимо формировать устойчивые региональные экономические связи и платформы для технологического обмена с дружественными странами. Региональные альянсы могут стать основой для совместных исследовательских проектов, обмена технологиями и локализации производства автокомпонентов. Это позволит укрепить экономическую устойчивость, диверсифицировать экспорт и импорт, а также более эффективно использовать внутренние ресурсы. При этом кооперация автопроизводителей в рамках БРИКС уже активно обсуждается, и успешная реализация подобных проектов может стать значимым вкладом в развитие не только российского, но и глобального автомобильного рынка.

В-третьих, важным направлением является разработка программ государственной поддержки отечественных производителей и разработчиков. Налоговые льготы, гранты на исследования и разработки, а также субсидии для автопроизводителей, в особенности на старт-апы, потенциально повышающие технологичность российского автопрома и снижающие зависимость от иностранных поставок, создадут стимулы для активного участия российских компаний в инновационных проектах, особенно в условиях ухода зарубежных игроков. Также важно внедрить программы обучения и переподготовки кадров, чтобы обеспечить отрасль квалифицированными специалистами, способными работать с современными технологиями. Особое внимание стоит уделить повышению уровня кибербезопасности, учитывая высокие риски, присущие российской и индийской автомобильным отраслям в сравнении с китайским опытом активной защиты цифровой инфраструктуры.

В-четвертых, важно грамотно и последовательно выстраивать сотрудничество с китайскими автоконцернами, доминирование которых не только в России, но и во всем мире, является объективным фактором. Важно сместить фокус с объемов продаж и выручки на обмен технологиями с целью повышения конкурентоспособности российского автомобильного сектора как такового. Приоритетным направлением в этой связи видится локализация производства китайских автомобилей в РФ. Стоит также учитывать успешный опыт Китая в развитии полного цикла производства, что может стать ориентиром для России в стремлении к технологическому суверенитету и минимизации зависимости от импорта. Стоит также держать в фокусе возможности и перспективы сотрудничества стран-участниц политического объединения БРИКС. Углубление диалога между государствами в рамках данного формата способно обеспечить развитие совместных проектов в сфере автомобильной индустрии, включая создание интеграционных платформ для обмена технологиями, разработки совместных стандартов цифровизации и формирования региональных цепочек поставок. Такая кооперация может стать основой для взаимовыгодного технологического обмена и повысить устойчивость автомобильной отрасли к глобальным экономическим и политическим

вызовам.

В-пятых, для минимизации политических и экономических рисков в автомобильной отрасли целесообразно применять комплексный подход, включающий несколько ключевых направлений. 1) Развивать диверсификацию цепочек поставок, создавая альтернативные логистические маршруты, стратегические запасы компонентов и региональные хабы для оперативного перераспределения ресурсов. 2) Инвестировать в кибербезопасность, включая внедрение многоуровневых систем защиты данных, использование технологий блокчейн и регулярные аудиты ИТ-инфраструктуры. 3) Укреплять локальное производство за счёт гибких производственных систем и технологий, таких как 3D-печать, что позволит снизить зависимость от внешних поставок. 4) Активизировать создание региональных альянсов, особенно в рамках БРИКС и ШОС, чтобы обеспечить обмен технологиями, локализацию производства автокомпонентов и минимизировать влияние санкционного давления. 5) Оказывать государственную поддержку инновациям, включая субсидирование стартапов, налоговые льготы и программы импортозамещения, чтобы стимулировать развитие независимых технологических решений. 6) Использовать аналитические инструменты на базе искусственного интеллекта для эффективного прогнозирования политических рисков, мониторинга глобальной обстановки и разработки превентивных мер реагирования.

Таким образом, представляется, что проведенное исследование дополняет существующий научный дискурс, акцентируя внимание на роли интеграционного сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС как инструмента преодоления технологического разрыва в автомобильной отрасли, а также выделяя значимость кибербезопасности в условиях неравномерного внедрения технологий Индустрии 4.0 в разных странах, что ранее не получало достаточного освещения в научных работах.

Библиография

1. Ильина Ю. А. Устойчивость глобальных цепей поставок в условиях нестабильной внешней среды // Актуальные вопросы экономических наук. 2016. №52. С. 75-79.
2. Бродецкий Г. Л., Герами В. Д., Гусев Д. А., Колик А. В. Трансформация цепей поставок в ситуации глобального кризиса. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 2. С. 14-23.
3. Toygar A., Umut Y. Examining the Effects of the Russia Ukraine Conflict on Global Supply Chains // Handbook of Research on War Policies, Strategies, and Cyber Wars, 1st edition. IGI Global. 2023.
4. Портанский А.П. Опасность фрагментации глобальной экономики нарастает // Вестник международных организаций. 2024. № 2. С. 7-20.
5. Campos R. G., Estefania-Flores J., Furceri D., Timini J. Geopolitical fragmentation and trade // Journal of Comparative Economics. 2023. Vol 51, № 4. P. 1289-1315.
6. Сторчак Д. М. Влияние политico-экономических факторов на автомобильную индустрию в 2022 году // Интерактивная наука. 2022. №4 (69). С. 57-58.
7. Мирзаханов Р. Н., Журавлева К. В. Развитие автотранспортной промышленности в условиях санкций // Вестник науки. 2022. №6 (51). С. 106-115.
8. Лобан Н. В. Методы преодоления кризисных явлений в компаниях автомобильной индустрии // Инновации и инвестиции. 2021. №12. С. 219-224.
9. Black A., Roy P., El-Haddad A., Yilmaz K. The Political Economy of Automotive Industry Development Policy in Middle Income Countries: A Comparative Analysis of Egypt, India, South Africa and Turkey // ESID Working Paper. 2023. №143. P. 1-35.
10. Monye S., Afolalu A., Lawal L., Oluwatoyin O., Adeyemi A., Ughapu E., Adegbenjo A. Impact of Industry (4.0) in Automobile Industry // E3S Web of Conferences. 2023. № 430.

Р. 1-21.

11. Семенова Ю. Е., Родиченко Т. Д. Автомобильный рынок в настоящее время. Положение и тенденции // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. №3. С. 134-140.
12. Carmo M.J., Mario S.C., Donadone J.C. The new geographical configuration of production in the global automotive sector // Conference: Reunión Iberoamericana de Socioeconomía. RISE/SASE. Heredia, Costa Rica. 2019
13. Царегородцева С. Р., Тихонова О. Ю., Котова Т. В., Евдокимова А. С. Санкции как угроза национальной экономической безопасности Российской Федерации // Креативная экономика. Т. 18. №. 9. С. 2433-2444
14. Андрианова, Н. В. Как выжить КАМАЗу в условиях санкций? // Молодой ученый. 2015. № 12. С. 376-379.
15. Яковлев П. П. Глобальный юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. №2. С. 6-27.
16. Микатекисо К. Глобальный Юг и Ближний Восток // Россия в глобальной политике. 2024. №1. С. 93-96.
17. Иващенко Д. А. Влияние пандемии COVID-19 на цифровизацию экономики ЕС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. №12-1. С. 257-261.
18. OECD Embracing the Technology Frontier // OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1). OECD Publishing, Paris. 2024.
19. Шевченко Б. И. Парадигмы взаимосвязи мировой политики и мировой экономики в современном мире // Экономический журнал. 2016. №42. С. 103-116.
20. Шишков Ю. В. Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодополнение? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8 С. 3-20.
21. Пасько А. В. Особенности влияния глобализации на развитие мировой автомобильной промышленности // Вестник ГУУ. 2014. №15. С. 59-62.
22. Kand rashina E.A., Ashmarina S.I., Aleshkova D.V., Vorotnikova M.V. The Level of Production Localization of Automotive Industry Enterprises in Russia // SHS Web of Conferences. 2020. № 73. Р. 1-6.
23. Журова Л. И. Влияние экономических санкций на развитие автомобильной промышленности России // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. № 1. С. 32-48.
24. Попова И. Н., Сергеева Т. Л. Импортозамещение в современной России: проблемы и перспективы // Beneficium. 2022. №2 (43). С. 73-84.
25. Jiejing G. Big Data Analysis for Supply Chain Management in Vehicle Industry // BCP Business & Management. 2022. №34. Р. 1192-1197.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию влияния геополитических вызовов на развитие автомобильного рынка в современных условиях массового внедрения информационных технологий, автоматизации бизнес-процессов и распространении искусственного интеллекта. Методология исследования базируется на анализе статистических данных о темпах роста экономики в мире, капитализации рынка ценных бумаг США и мира, обобщении сведений о развитии автомобильного рынка в последние

годы в разных странах мира, включая российский рынок автомобильной техники. Актуальность работы авторы справедливо связывают с тем, что автомобильный рынок не только в России, но и во всем мире подвержен серьезным структурным изменениям: на фоне глобальных политических перемен меняются игроки, основы ведения бизнеса и сама продукция, перераспределяются рынки сбыта, внедряются передовые технологии. Научная новизна результатов рецензируемого исследования заключается в выводах о необходимости сосредоточения усилий на развитии технологий Индустрии 4.0 в автомобильной сфере на внутренних рынках; формирования устойчивых региональных экономических связей и платформ для технологического обмена с дружественными странами; разработки программ государственной поддержки отечественных производителей; локализации производства китайских автомобилей, ориентированных на удовлетворение российского спроса, на территории нашей страны. В публикации структурно выделены следующие разделы: Введение, Ключевые события мировой политики и современная Россия, Влияние мировой политики на мировую экономику и глобальный автомобильный сектор, Индустрия 4.0 и автомобильный рынок: мировой и отечественный опыт, Политико-экономическая конкуренция и цифровизация как инструмент снижения риска, Выводы и Библиография. Авторы считают, что автомобильная отрасль отличается высоким уровнем технологического развития и цифровизации, а современные обстоятельства открывают новые возможности для ее развития, цифровая трансформация создаёт дополнительные инструменты для адаптации к новым вызовам, способствует повышению устойчивости и усилиению гибкости экономических процессов. В статье отмечена связь рассматриваемых вопросов с национальной безопасностью Российской Федерации: автомобильная отрасль, как важнейшая составляющая промышленного производства, оказывает значительное влияние на экономическую устойчивость и технологическую независимость государства, а в условиях глобальных геополитических вызовов, международных санкций, изменения торговых маршрутов и обострения противостояний на мировых рынках сохранение конкурентоспособности отечественного автомобильного рынка становится задачей стратегического характера. Приведены интересные сведения о том, что в США на конец 2024 года зарегистрировано 15 млн электромобилей, а в Китае – 12 млн. В публикации систематизированы современные геополитические вызовы, оказывающие существенное влияние на автомобильную индустрию: нарушение цепочек поставок, разрыв устоявшихся партнерств; увеличение роли локального производства и разработок, полностью центрированных на территории одного государства; активное использование и повышение роли технологий Индустрии 4.0 для адаптации к новым условиям. По результатам исследования сформулированы выводы, отраженные в четырех пунктах. Библиографический список включает 20 источников – научные публикации отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой теме, на русском и английском языках. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из резервов улучшения статьи следует отметить следующие. Во-первых, во введении представляется уместным сформулировать цель и задачи исследования, а также проверяемую рабочую гипотезу. Во-вторых, названия таблиц приведены почему-то не перед ними, как это предусмотрено стандартами и правилами оформления, а после таблиц. В-третьих, в библиографическом описании источников под номерами 8 и 9 допущена техническая погрешность в оформлении номера журнала и страниц, на которых размещена статья.

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы приращения научного знания, соответствует тематике журнала «Национальная безопасность / nota bene», может вызвать интерес у читателей,

однако перед опубликованием необходимо доработать материал в соответствии с высказанными пожеланиями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Статья должна быть посвящена оценке влияния геополитических вызовов на развитие автомобильного рынка в условиях Индустрии 4.0. Содержание не противоречит заявленной теме.

Методология исследования базируется на анализе и синтезе данных. Ценно, что автор для наглядного представления полученных результатов использует графический инструментарий.

Актуальность исследования вопросов, связанных с развитием автомобильного рынка, не вызывает сомнения. Данная отрасль является одной из приоритетных в части стимулирования социально-экономического развития нашего государства. Более того, решение существующих проблем в данном направлении с учётом достижений научно-технического прогресса и в условиях Индустрии 4.0 будет способствовать не только позитивному вкладу в устойчивый экономический рост, но также успешности реализации программ импортозамещения и технологической модернизации производств в Российской Федерации.

Научная новизна в представленном на рецензирование материале содержится. В частности, интерес представляет авторский подход к интерпретации результатов оценки капитализации рынка ценных бумаг США и мира. Однако следует обратить внимание на важность аргументации приводимых тезисов или при использовании результатов исследований других авторов в качестве фундамента для организации собственных обоснований формирования соответствующих ссылок. Например, почему автор решил, что США сохраняют своё превосходство в автомобильной индустрии?

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения является научным. Структура статьи автором выстроена, она позволяет содержательно раскрыть заявленную тему. Ознакомление с содержанием показало оригинальность авторского подхода к исследованию предметной области. Целесообразно максимально конкретно и, по возможности, наглядно представить существующие проблемы развития автомобильного рынка в условиях Индустрии 4.0 и возможные пути их решения. Какие новые риски формирует Индустрия 4.0 для автомобильного рынка?

Библиография. Библиографический список, подготовленный автором, включает 20 наименований. Ценно, что в нём содержится как отечественные, так и зарубежные публикации. Более того, позитивно обращает на себя внимание наличие в библиографическом списке изданий, опубликованных в 2024 году. Это свидетельствует о наличии внимания автора к актуальным тенденциям отечественной и зарубежной научной мысли по выбранному предмету исследования.

Апелляция к оппонентам. Ценно, что автор в тексте делает ссылки на публикации других

исследователей. Считаем целесообразным также сравнить полученные результаты с теми, что уже содержатся в научной литературе в России и за рубежом. Важно конкретно показать прирост научного знания в сравнении с уже имеющимся. Это значительно расширит спрос на статью со стороны потенциальной читательской аудитории.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом вышеизложенного статья требует небольшой доработки, после качественного проведения которой удастся устранить имеющиеся погрешности и обеспечить высокую востребованность данного материала у потенциальной читательской аудитории.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Изучение состояния отраслей экономики на этапе становления Индустрии 4.0 весьма важная задача не только с точки зрения теории, но и практики управления. Подчеркнем значение данной темы для государственной политики, выработка которой требует точного понимания внутренних отраслевых процессов, проблем отраслей на фоне различных внешних воздействий. В связи с этим, представленная публикация обладает актуальностью, обращает на себя внимание.

Предмет исследования подчеркнут автором при формулировке темы, задач исследования.

Методология исследования выстроена автором с опорой на теоретические источники, данные и информацию о развитии автомобильного рынка в условиях глобальной цифровой трансформации.

Статья структурирована согласно требованиям, структура при этом соответствует содержательному замыслу статьи. Смысловым блокам даны подзаголовки. Стиль статьи научный, изложение материала сочетается с анализом статистики, что способствует более глубокому и наглядному раскрытию темы.

Статья отличается теоретической научной новизной и практической значимостью, поскольку в ней в контексте концепции Индустрии 4.0 изучены проблемы конкретной отрасли и показан аспект геополитических рисков. Работа при этом имеет теоретико-методологическую основу, поскольку отражает сложившиеся в печатной литературе точки зрения.

Можно отметить изложенные автором направления основы сотрудничества России и стран СНГ, ШОС и БРИКС. Автор отслеживает взаимосвязь между развитием отрасли в зарубежных странах и актуальной мировой политикой, раскрывает суть тенденции к регионализации в политике сотрудничества стран. Достаточно актуальны выводы автора о последствиях для российского рынка и автомобильной отрасли санкций западных стран, следует подчеркнуть ценность выводов о возможной кооперации России с отдельными дружественными странами в целях технологического развития изучаемой отрасли.

Возможно, исследование выиграло бы, если бы автор обратился к материалам Министерства промышленности и торговли в части мер по поддержке отраслей в современных условиях, стратегии развития автомобильной промышленности для оценки полноты и актуальности запланированных мер со стороны государства. Тем не менее, позиция автора ясна и изложена на основе аргументов.

Автор приводит достаточное количество источников, в числе которых есть источники на

иностранным языке. Это подтверждает широкий охват автором существующих точек зрения и опыта исследования. Среди источников достаточно много очень современных, относящихся к трехлетнему периоду от даты представления статьи.

Апелляция к оппонентам приведена в начале статьи, приведены источники цитирования. Раскрытие данной темы не представлялось бы возможным в полной мере, если бы рассмотрение позиций других авторов отсутствовало бы, поскольку в теме исследования достаточно весомая часть составляет теоретическую новизну и значимость.

Автору следует обратить внимание на то, что при выгрузке его статьи абзацы, в которых перечислены выявленные риски после фразы «Среди ключевых вызовов и рисков можно выделить:», приведены другим шрифтом (в т.ч., другой размер шрифта). Это необходимо отследить при загрузке статьи в систему издательства.

В качестве общего вывода по статье отметим, что она является завершенной, соответствует требованиям издательства и постановке научной задачи. Она, безусловно, вызовет интерес читательской аудитории тем более, что по данной тематике, сочетающей ракурс геополитических угроз и развития индустрий в условиях цифровых новшеств, не так много публикаций. Статья может быть рекомендована к публикации.

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Тиханычев О.В. История развития «гибридных» действий от войн «под чужим флагом» до «умной силы» // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 1. С.77-102. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.39475 EDN: ABBZMJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39475

История развития «гибридных» действий от войн «под чужим флагом» до «умной силы»

Тиханычев Олег Васильевич

ORCID: 0000-0003-4759-2931

кандидат технических наук

заместитель начальника отдела управления перспективных разработок, ГК "Техносерв"

111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 13

[✉ to.technoserv@gmail.com](mailto:to.technoserv@gmail.com)

[Статья из рубрики "Глобализация и национальная безопасность"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.1.39475

EDN:

ABBZMJ

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2022

Дата публикации:

03-03-2025

Аннотация: Объектом исследования является «гибридное противоборство», предмет исследования – принципы его организации применительно к новым условиям реализации: глобализации и информатизации современного мира. В статье проанализированы основные составляющие «гибридных» действий и, на основе анализа исторического опыта сделан вывод о том, что данные подходы имеют глубокие исторические корни. Речь, при этом, идёт не о «классическом» использовании наёмников, даже в форме частных военных компаний, не о proxy-конфликтах, а именно о «гибридных» действиях, когда скрывается заказчик и цель привлечения вооруженных формирований, а, главное, военные действия сопровождаются экономическим противоборством и информационно-психологическими операциями. Несмотря на

длительную историю развития, в теории «гибридных войн» имеется достаточно много нерешенных вопросов: по их структуре, относительно границ применения составных компонентов «гибридных войн», по методам противодействия, что делает проведение анализа их содержания и особенностей своевременным и актуальным. С использованием результатов исторического анализа данного процесса можно утверждать, что соотношение силовых и не силовых компонентов в структуре «гибридных войн» менялось на разных исторических периодах и театрах военных действий, развивая эту форму противоборства от классической proxy-войны к разносторонним и высокоорганизованным «гибридным» действиям. Прототипы подобных действий, реализуемые в форме proxy-конфликтов, как показал исторический анализ, можно найти уже в войнах XV–XVII веков, но по-настоящему они стали вестись именно в последние годы, с объединением принципов proxy-войны на нижнем уровне и «оффшорного балансирования» на глобальном. На основе анализа исторического опыта ведения войн и вооруженных конфликтов сделан вывод о том, что современные «гибридные» действия являются прямым развитием давно известных тактических proxy-конфликтов, и их развития на стратегическом уровне «оффшорного балансирования», а угроза «гибридного» противоборства актуальна в настоящее время и в обозримой перспективе, но противодействовать ей существующими методами вооруженного противоборства неэффективно. Автором сделан вывод о необходимости обеспечить готовность нашей страны к парированию подобных угроз, описаны возможные аспекты организации противодействия

Ключевые слова:

гибридная война, наемничество, прокси-война, гибкая сила, умная сила, частные военные компании, информационное противоборство, экономические войны, санкции и блокады, история гибридных войн

Введение

Как показывает история войн и военного искусства, для достижения цели противоборства, в том числе реализуемого в форме вооруженных конфликтов различной интенсивности, может быть использовано множество различных стратегий, эффективность которых зависит от условий ведения конфликта. По мере развития военного искусства, разнообразие применяемых форм и способов увеличивалось, обеспечивая общую цель любого конфликта – достижение максимального результата с наименьшими потерями. К одной из наиболее эффективных стратегий для достижения данной цели относится «непрямое» противоборство (*indirect action*), впервые описанное английским военным теоретиком Бэзил Лиддел Гартом (*Basil Henry Liddell Hart*), который в работе «Стратегия непрямых действий» (*Strategy: The Indirect*) сформулировал и тезис, что цель войны, вполне соответствующая принципам организации «гибридных» действий – добиться лучшего, хотя бы только с вашей точки зрения, состояния мира после войны [1].

Исторически, к одной из форм «непрямых» действий можно отнести так называемую proxy-войну, обеспечивающую ведение военных действий опосредованно, чужими руками. Но, в отличие от proxy-действий, ставшая её дальнейшим развитием так называемая «гибридная война», до сих пор не признана в официальных оборонных концепциях большинства современных государств, хотя её, как показывает исторический анализ, неоднократно применяли и применяют для решения задач как вооруженного

противоборства, так и глобального цивилизационного противостояния [2].

Считается, что само определение «гибридная война» (*Hybrid Warfare, HW*) введено в 2005 году Джеймсом Мэттисом (*James N. Mattis*) и Френком Хоффманом (*Frank Hoffman*), как обозначение этого давно используемого, но до того времени не поименованного явления [3]. В настоящее время специалистами используется несколько вариантов определения «гибридного» противоборства. Содержание этих определений относительно структуры действий (*modus operandi*) можно свести к общему посылу в том, что «гибридная» или, по как иногда говорят, «интегральная» (*integral war*) война – это непрямые действия со скрытым использованием военной силы, сопровождающимся активным информационным и экономическим давлением на противника, обеспечивающими синергетический эффект воздействия [4-8]. По цели (*metam*), основные определения «гибридных» действий сходятся в следующем – ослабить противника, не понеся ущерба, который был бы неизбежен в ходе открытого противостояния [9,10,11].

Кроме указанных определений, «гибридные» войны обозначаются как «ассиметричные» (*asymmetrical warfare*) или «комбинированные» войны (*compound war*), что, впрочем, спорно, но не меняет сущности данного вида противоборства [2,4]. В рамках исследования «гибридных» войн, также иногда упоминаются так называемые «нелигитимные» войны (*illegal war*). Отметим, что это не тождественные понятия: хоть «гибридные» войны, в большинстве своём, являются не легитимными, то есть ведущимися без объявления войны и с отступлением от международных законов её ведения, а «нелигитимные» войны часто не являются «гибридными» и ведутся в явной форме.

Анализ сущности определений «гибридной войны», самого содержания «гибридных» действий подтверждает, что они являются естественным продолжением proxy-войн, которые велись и раньше, буквально со времён появления более или менее массового вооруженного противоборства. Просто с развитием технологий, масштабности военных действий и появления теории «тотальной войны» (нем. *Total Krieg*), эти proxy-действия были дополнены информационными и экономическими составляющими, приобретающими всё большую значимость по мере информатизации общества и глобализации экономики.

Более того, учитывая возросшее влияние информационных и экономических действий, некоторые специалисты склонны исключать из определения «гибридного» противоборства вооруженную составляющую [12]. Впрочем, как показывает обзор современных конфликтов, наличие последней, хотя и в разной степени интенсивности и вовлечённости участников, пока является необходимым условием достижения победы в любой форме противоборства.

Ещё одним важным фактором является то, что применение в отдельности каждой из этих составляющих, как правило, не является «гибридной» войной, для перехода их в военные действия требуется, в подавляющем большинстве случаев, наличие совокупности составляющих, осуществляемых с достаточным уровнем активности.

Впрочем, несмотря на длительную историю развития, в теории «гибридных войн» имеется достаточно много нерешенных вопросов: по их структуре, относительно границ применения составных компонентов «гибридных войн», по методам противодействия, что делает проведение анализа их содержания и особенностей своевременным и актуальным. Решение обозначенной проблемы предлагается обеспечить за счёт

критического анализа истории развития основных компонентов сначала proxy-войн и методов «гибридного балансирования», а потом и составляющих «гибридных войн»: силовой, информационной, экономической и политико-дипломатической. Последнюю, объединив с правовыми (юридическими) мерами воздействия, можно определить, как «организационная» составляющая противоборства.

С использованием результатов исторического анализа данного процесса можно утверждать, что на длительном историческом периоде, основной (а сначала и единственной) составляющей «гибридных» действий являлось скрытое привлечение вооруженных группировок и организаций для решения задач межгосударственного противоборства, как правило, в форме proxy-войн [13]. В то же время, как показывает опыт, соотношение силовых и не силовых компонентов в структуре «гибридных войн» менялось на разных исторических периодах и театрах военных действий, развивая эту форму противоборства от классической proxy-войны к разносторонним и высокоорганизованным «гибридным» действиям. В статье предлагается, на основе анализа этого процесса, оценить современное состояние и перспективы развития «гибридного противоборства», структурировать существующие проблемы и обозначить возможные пути их решения.

1. Структура «гибридных войн» и взгляды на её содержание в разные исторические периоды

Многие специалисты считают, что основой и историческим началом появления proxy, а потом и «гибридных» войн можно считать наёмничество. И действительно, упоминание о привлечении наёмников к войнам между греческими государствами-полисами приводится ещё в «Анабасисе» (греч. Ἀνάβασις) Ксенофonta.

И в дальнейшем, в период с XV по XVII век, значимую роль в разрешении европейских конфликтов играли отряды наёмников – немецких и швейцарских ландскнехтов (нем. *Landsknecht*), ирландских «диких гусей» (англ. *Wild Geese*). Использование наёмничества в эту эпоху связано, в первую очередь, с экономическими причинами: во-первых, обращение с холодным оружием требовало определённых навыков, которым нужно было долго обучаться, во-вторых, содержать постоянную боеготовую армию было слишком дорого для небольших государств, из которых в тот период преимущественно состояла Европа. Для решения задач вооруженной защиты или нападения дешевле было нанять стороннюю силу на определённый срок.

Но, в аспекте анализа содержания «гибридных войн», стоит отметить, что наёмничество того времени было ещё даже не прообразом proxy-войн, а вполне легальным способом разрешения конфликтов. И только с началом становления системы межгосударственных отношений, действия наёмных воинских формирований пришлось каким-либо образом регулировать или скрывать, по крайней мере, в «цивилизованной» Европе.

Впрочем, можно отметить, что близкие к современным proxy-составляющие конфликтов проявлялись и в достаточно отдалённое на историческом периоде время. Специалисты в области военной истории относят к ранним «гибридным» действия по подкупу рабов-илотов во время Пелопонесской войны 431-404 годов до н.э., римско-германские войны 12 года до н.э. - 12 года н.э., сопровождающиеся подкупом врагов и союзников, а также активными дипломатическими действиями, ряд других конфликтов той эпохи.

Кроме того, пусть и с некоторыми допущениями, proxy-действиями можно считать привлечение пиратов, нападавших на испанские суда, осуществляющие перевозки в Америку и за плату принятых в подчинение Британией. Известный пример действий таких

пиратов – периодические рейды кораблей Фрэнсиса Дрейка (*Francis Drake*) против испанского флота и побережья в период 1572–1596 годов, действия берберских пиратов в интересах Османской империи в XVI–XIX веках. Впрочем, на достаточно долгом историческом периоде такие действия являлись типичными и даже общепринятыми для proxy-действий на море. И применялись повсеместно, в том числе, в нашей стране. Достаточно вспомнить действия каторов на Балтике в период правления Ивана IV или отряда греческих пиратов Ламброка Кацониса (греч. Λάμπρος Κατσώνης) на Черном море в 1787–1792 годах.

Впрочем, всё это были отдельные слабосвязанные действия, имевшие общую цель при отсутствии координации. По мнению военных историков, первым вооруженным конфликтом, содержащим в себе признаки современных «гибридных» действий, явилась «Тридцатилетняя война» (*Guerre de Trente Ans*), проходившая в период 1618–1648 годов. Данная война, кроме того, что являлась последним крупным конфликтом с использованием наёмников, включала активное использование, пусть и на примитивном уровне, информационных и даже экономических методов противоборства.

В новейшей истории наиболее ранним из классических примеров proxy-войны с элементами «гибридных» действий, близких к современному пониманию этого явления, может служить гражданская война в Испании (исп. *Guerra Civil Española*), проходившая с июля 1936 по апрель 1939 года. Конфликт вёлся с привлечения сторонних вооруженных формирований и добровольцев, при внешнем соблюдении соглашения о «невмешательстве», подписанного большинством европейских держав. В отличие от ранее реализуемых proxy-войн, боевые действия сопровождались интенсивным информационным противоборством между мировыми социальными системами и масштабным набором экономических мер.

Начиная с того периода, любая война нового времени, в принципе, в той или иной степени является «proxy». Принятие этой гипотезы, позволяет сделать ряд значимых выводов. Например, «гибридным» можно считать начальный этап Второй Мировой войны. Приняв такое допущение, вполне обоснованное, дату её начала, в рамках восстановления исторической справедливости, вполне логично отсчитывать не с установленного сейчас 1 сентября 1939 года, а с 30 сентября 1938-го, когда, подписанием Мюнхенского соглашения, Великобритания и Франция, совместно с Польшей, приняли организационные меры «гибридного» воздействия, направив Германию на войну с СССР. Польша, при этом, не только дипломатическими мерами препятствовала проходу советских войск для помощи Чехословакии, но и сама поучаствовала в её разделе. В дальнейшем, рамках «гибридных» действий странам коллективного Запада пришлось, для формирования общей границы СССР и Германии, пожертвовать сначала целостностью Чехословакии, а потом существованием Польши, государства, которое от статуса участника так называемого «санитарного кордона» (фр. *cordon sanitaire*), созданного против СССР, на тот момент перешло в статус, в современной терминологии относящийся к категории «стран-брандеров». А можно, в развитие указанного вывода, отойти от «европоцентрического» взгляда на историю и начать отсчёт Второй мировой, начальный этап которой имел явно выраженный «гибридный» характер, с «инцидента на мосту Лугуцяо» (кит. 卢沟桥) 7 июля 1937 года или даже с Мукденского инцидента 18 сентября 1931 года (кит. 九·一八事变), учитывая характер начальной стадии агрессии Японии против Китая с proxy-участием нескольких государств с каждой стороны. Правда, такой подход заставит пересмотреть взгляды на историю того времени, но он сделает её логичнее, включив, например, в структуру Второй Мировой войны боевые действия в Испании.

После Второй Мировой войны, масштаб proxy-войн как силового выражения «гибридных» действий не уменьшился, а силовая компонента по-прежнему составляла существенную роль в их структуре. Наёмничество было запрещено законами ведения войны [14], но и сейчас можно отметить факты использования наёмников, уже преимущественно в форме частных военных компаний (ЧВК), всё более активно используемых в современных «гибридных» конфликтах. Фактически, можно говорить о новом этапе наёмничества, легализованном в современных реалиях «гибридных» действий, коммерциализации права на насилие.

Напомним, что ЧВК на начальном этапе их использования представляли собой небольшие группы наёмников с лёгким вооружением, действующие на свой страх и риск. Существенные изменения в масштабах и правовых аспектах применения ЧВК произошли с появлением в 1989 году в ЮАР компании *Executive Outcomes*, потом её более эффективной преемницы, компании *Sterling Corporate Services*. ЧВК доказали свою эффективность и преимущество над «обычными» группами наёмников при решении задач в proxy-конфликтах, большую гибкость и универсальность применения. Существенную роль в этом сыграл целый ряд факторов:

- персонал ЧВК оказался более опытным в военном отношении, более подготовлен к работе с высокотехнологичным оружием, современными средствами разведки и управления, чем повстанческие или партизанские отряды. А учитывая резкий рост доли высокотехнологичного и высокоточного оружия в современных конфликтах [15], переход от просто высокоточных к боеприпасам, которые можно классифицировать как «избирательные» или «прецзионные», попадающие не просто в объект, а в конкретный его элемент с возможностью выбора траектории захода на цель, подготовленность и техническая грамотность персонала часто становится решающим фактором успеха боевых действий;
- ЧВК более организованы, мотивированы и управляемы, чем «обычные» наёмники;
- применяемые в настоящее время методы информационно-правового обеспечения действий ЧВК обеспечивают снижение сложившегося ранее негативного отношения к «гибридным» действиям, а также повышают правовую защищённость самих сотрудников ЧВК;
- финансирование ЧВК может осуществляться частными компаниями, снижая вероятность скрытия их действий в интересах того или иного государства;
- относительно ЧВК, в том числе с учётом предыдущего фактора, современное общество обладает более низкой чувствительностью к потерям, они не обычные военнослужащие, а «работники войны», их потери не так активно освещаются в прессе, на них не так активно реагируют обычные граждане.

В результате, в конце прошлого века количество ЧВК и масштабы их действий начали непрерывно расти, они стали одной из существенных составляющих всех типов конфликтов, включая «гибридные». Уже в операции «Буря в пустыне» (*Desert Storm*) ВС США начали активно привлекать ЧВК для решения боевых и специальных задач, по данным открытых источников, привлекалось несколько десятков тысяч сотрудников частных компаний. В последующих операциях ВС США в Ираке (*Shock and Awe, Iraqi Freedom*), Ливии (*Unified Protector*), Сирии (*Enduring Freedom*) и Афганистане (*Resolute Support Mission*), количество привлекаемых Департаментом безопасности США сотрудников уже превысило численность военнослужащих в группировках и составило

52% от всех сил. Более того, отмечаются факты привлечения ЧВК к решению несиловых задач, таких как информационное противоборство. Примером может служить привлечение компании *SOS International* к выполнению задач в рамках военно-информационного обеспечения боевых действий (*Military Information Support Information, MISO*) или частной компании *GDIT* (*General Dynamics IT*) для информационных атак на российский и китайские вакцины от ковид. Аналогичные тенденции наблюдаются и в армиях других, ведущих в военном отношении государств.

Исторический опыт показывает, что боевая ценность и статус частных военных формирований может меняться в широком диапазоне: от карательных батальонов с полицейскими функциями, характерных для незаконных формирований южноамериканских наркобаронов и латиноамериканских «эскадронов смерти» (исп. *los escuadrones de la muerte*), до полнофункциональных и самодостаточных крупных ЧВК, способных эффективно вести самостоятельные штурмовые действия с применением всех родов войск и видов вооружений. Впрочем, и те, и другие, как показали события 2014-2023 годов на Украине и 2023 года в России, довольно опасный инструмент, который государство должно держать под постоянным и эффективным контролем, не позволяя ему стать не только военной, но и политической силой.

В этом отношении весьма показателен опыт коммерциализации «гибридных» действий с привлечением повстанцев и ЧВК, отмечаемый в ходе гражданских войн 1990 – 2000-х годов на африканском континенте: в Либерии, Сьерра-Леоне и в Кот-д'Ивуаре. По итогу конфликтов в этих странах, иррегулярные группировки смогли обеспечить не только эффективную вооруженную борьбу, но и целенаправленные экономические и политические действия, приводившие, в результате, к смене власти. Пусть эта смена была временной, важна сама тенденция коммерциализации и расширения действий ЧВК из военной сферы в политическую.

В любом случае, процесс привлечения к ведению «гибридных» действий различных ЧВК активно продолжается и расширяется, меняя тем самым структуру, облик и распределение задач «гибридных» сил.

В то же время, несмотря на всю эффективность, использование ЧВК является не единственным примером трансформации силовых действий «гибридного» характера в наше время. Другим вариантом, например, является поддержка антиправительственных вооруженных формирований внутри страны-противника, многие из которых действуют методами, противоречащими международным законам ведения войны, а то и просто террористическими. Примером может служить создание США для противодействия сначала СССР, а потом просоветскому правительству Афганистана движение Талибан (пушту طالبان — студенты, учащиеся медресе). Другой пример: создание и поддержка Западом сначала ливийской, а потом так называемой «сирийской умеренной оппозиции» (араб. المعارضه السوريه), с той или иной степенью успешности противодействующих законно избранным правительствам данных стран, их вооруженным силам, используя террористические методы борьбы. Соответственно, использование подобных методов «гибридной» войны порождает ещё одну проблему – как противодействовать таким действиям, не переходя границ законности и не нарушая гуманитарных принципов ведения войны. С подобной проблемой столкнулась армия Израиля при проведении операции «Железные мечи» (ивр. ברזל עוצמה, الحديثة).

2. Трансформация «гибридных войн» новейшего времени

Обобщая данные исторического анализа, можно сделать вывод, что большинство

конфликтов второй половины XX – начала XXI веков, обладает признаками «гибридности». Даже беглый анализ некоторых из них подтверждает указанный тезис:

- война в Индокитае 1945-1954 годов;
- война в Корее 1950-1953 года;
- война во Вьетнаме 1965-1975 годов;
- война за независимость в Эритрее 1961-1991 годов;
- война в Анголе 1975-2002 года;
- вооруженные конфликты в Афганистане 1979-1989 и 2001-2014 годов;
- война в Ливии 2011 года;
- ряд локальных конфликтов на территории бывших СССР и Югославии в период 1991-2021 годов;
- вооруженный конфликт в Сирии, начавшийся в 2011 году;
- неудачная попытка организовать «гибридные» действия Франции против Нигера силами наёмников и ECOWAS и другие конфликты разной степени интенсивности и успешности;
- экономические, информационные и дипломатические действия США против Ирана, осуществляемые в рамках «гибридной» войны с 1979 года, активизировавшиеся в 2023 году после начала силовых действий на территории союзного Ирану Йемена в рамках операции «Страж процветания» (*Operation Prosperity Guardian*);
- противоборство Ирана и Израиля, осуществляющееся как на территории третьих стран, так и проецированием силы с применением сторонних вооруженных формирований и религиозно-политических организаций, практически переросшее в «горячую» фазу в 2024 году;
- экономические и информационные действия в рамках «гибридной» кампании против Венесуэлы, сопровождающиеся локальными силовыми акциями (операция «Гедеон») и перешедшие в попытку «цветной» революции в 2024 году;
- масштабные «гибридные» действия, ведущиеся коалицией стран НАТО против России, ведущиеся с начала XXI века, включавшие информационные и экономические действия, попытки разной степени успешности организовать «цветные» революции на постсоветском пространстве и переходившие в фазу активного противоборства на территории Южной Осетии в 2008 году и на территории Украины и новых российских регионов в 2022 году.

По совокупности признаков, определёнными качествами «гибридного» конфликта, хоть и в мягком варианте, растянутом во времени, обладала «холодная война» (*Cold War*) 1948-1991 годов. С учётом этого, многие специалисты объединяют ведущиеся сейчас «гибридные» войны в единый процесс – так называемую «вторую холодную войну» (*Cold War 2.0*).

Опыт всех перечисленных конфликтов напоминает, что в структуре современных «гибридных войн», кроме силовой, существуют и играют существенную роль несиловые составляющие, иногда называемые «некинетическими формами воздействия» и

используемые, как до перехода противоборства в «горячую» фазу, так и после перехода, если его не удалось предотвратить: информационная, экономическая и организационная [16]. Ещё раз напомним, что, как показывает анализ исторической ретроспектины, соотношение между компонентами постепенно меняется в пользу несиловых, которые, впрочем, являются не менее опасными и разрушительными, как показал распад Советского союза и Югославии. Пока известно немного примеров достижения победы в «гибридных» войнах без использования явного силового противоборства, но они есть. Примером может служить уже упомянутый распад СССР.

Первые значимые проявления несиловых составляющих на исторической ретроспективе, как отмечено ранее, представляет история «Тридцатилетней войны», которая, наряду с многими другими изменениями в ведении боевых действий, показала значительное повышение интенсивности информационной составляющей противоборства и существенное расширение влияния военных действий на население и его экономический уклад. Хотя и на более раннем периоде, информационные действия в межгосударственном противоборстве использовались довольно активно. Наиболее известным примером этого считается деятельность ордена иезуитов (лат. *Societas Jesus*), основанного Римско-католической церковью ещё в 1534 году.

Несмотря на то, что ещё Платон утверждал «идеи правят миром» (греч. Οἱ ἀδεῖς κιβερούν τον κόσμο), с точки зрения технологий войны, информационная составляющая стала значимой частью «гибридных» действий с появлением и распространением печатного дела [17,18].

По мере развития коммуникационных технологий, разнообразие и объём информационных действий, реализуемых, в первую очередь, в форме явной и скрытой пропаганды, росли. Активной информационной составляющей отличалось ведение Наполеоновских войск, достаточно вспомнить попытки агитации казачества с целью убеждения, что казаки не принадлежат к русскому этносу и другие попытки использовать национальную карту в войне против России. Но наиболее яркие примеры этому можно найти в период подготовки и ведения Первой мировой войны: массовая публикация пропагандистских статей во французских и английских периодических изданиях, действия Комитета общественной информации (комитет Крила, *Crael Committee*) в США.

В дальнейшем, в годы Первой мировой войны, появившаяся фотография позволила публиковать в средствах массовой информации изображения с мест боёв. И если сначала этот процесс сдерживался принципами морали, не рекомендующими публиковать, например, фото убитых, то со временем необходимость повышения эффективности пропаганды взяла верх над нравственностью. В 1915 году англичане впервые использовали для пропаганды фото убитых солдат противника, их примеру последовали немцы, а впоследствии – другие участники конфликта. В годы Второй мировой войны к информационным средствам воздействия добавилось кино, как документальное, так и художественное. Война во Вьетнаме стала первым конфликтом эпохи телевидения, «шагнув с экранов почти в каждый дом» (a *living-room war*). В настоящее время, с появлением Интернета, видео с места боёв стало обычным явлением, вооруженная составляющая «гибридных» действий, стала вестись практически в прямом эфире и активно использоваться в информационной составляющей «гибридных» действий.

С появлением Интернета сформировался ещё один значимый фактор, влияющий на информационную составляющую – «гибридные» конфликты последних лет показали, что государственная монополия на информацию постепенно заканчивается и всё большее

влияние на информационное противоборство начинают оказывать интернет-сообщества (такие, как информационный проект *InfoDefense* или хакерская группа *Beregini*) и даже отдельные медийные лица, так называемые «лидеры общественного мнения» («ЛОМы»). Эту особенность необходимо учитывать при оценке информационной составляющей современных «гибридных» конфликтов.

В условиях современного «цифрового» мира информационное противоборство не просто выделяется в отдельную форму действий, оно подразделяется на составляющие: по объектам воздействия – информационно-техническое противоборство, действующее на технические и программные коммуникационно-управляющие системы и информационно-психологическое, направленное на сознание человека, как индивидуальное, так и общественное. По глубине воздействия, его иногда разделяют на немедленное и когнитивное, направленное на формирование долгосрочных воздействий. Есть и ряд других признаков, показывающих возрастающую сложность данного компонента «гибридных» войн – например, специалисты выделяют в них частные направления информационного противоборства, определяемые уровнем действий и объектами воздействия: психологические операции, война в медиапространстве, информационные операции, кибер-операции (или техносферная война). Для решения задач в рамках указанных форм действий создаются специализированные подразделения информационно-психологического противоборства [19], кибер-командования, такие, как американское *USCYBERCOM*. При этом в странах НАТО психологическая борьба и информационные операции считаются разными формами противоборства с различными целями и регламентируются разными документами. Ведение психологических операций регламентируется Полевым уставом *FM 33-1*, а информационное противоборство регулируется документами более высокого уровня *AJP-3.10 (NATO Standard: Allied Joint Doctrine for Information Operations)* и *JDN 2/19 (Joint Doctrine Note 2/19. Defense Strategic Communication: an Approach to Formulating and Executing Strategy)*. Впрочем, с учётом влияния информатизации, психологические операции с 2010 года расширены до статуса информационных операций военной поддержки (*Military Information Support Operations, MISO*), а информационные операции разделены на военно-гражданские (*Civil-Military Operations*), операции в киберпространстве (*Cyberspace operations*), международные операции (*Multinational Information Operations*), оборонительную операцию по защите информационной инфраструктуры (*Information Assurance*) и другие. Выделение информационного противоборства в отдельную форму действий и его детализация подчёркивает возрастание важности этой компоненты, в том числе – в рамках «гибридных» действий.

Этот факт дополнительно подтверждается расширением сил и средств ведения информационного противоборства. Кроме штатных подразделений, возможностей которых не всегда хватает для решения растущего спектра задач информационно-психологических операций, применяется большое количество организаций, используемых скрытно, на коммерческой основе, как для ведения кибер-разведки, так и для выполнения других функций в рамках «гибридных» действий. По оценкам журнала *Newsweek*, только в США численность привлекаемых на такой основе специалистов на 2021 год составляет порядка 60 тысяч человек.

Впрочем, указанные факты меняют структуру привлекаемых к «гибридным» действиям сил, но не меняют сущности информационных действий в «гибридной войне». Отличия от ранее используемых методов заключаются, преимущественно, в применяемых технологиях, обеспечивающих использование современных методов социальной инженерии, повышению динамичности и масштаба воздействия, охвата целевой

аудитории [\[20\]](#).

Ещё один аспект современного информационного противоборства, точнее, как отмечено ранее, его информационно-технической составляющей, заключается в активном применении кибер-оружия. В условиях тотальной информатизации общества, его применением обеспечивается достаточно высокая эффективность воздействия на критические информационные и энергетические системы различных уровней, как военного, так и гражданского назначения. Учитывая критичную зависимость от информационных технологий всех сфер управления и жизнеобеспечения современных государств, программно-аппаратные средства кибер-воздействия потенциально обладают разрушительными возможностями относительно вывода из строя инфраструктуры и экономики, близкими по последствиям к ядерному оружию. И, при этом, их применение не регулируется практически никакими международными актами, а доступность весьма высока: как для самостоятельной разработки, так и покупки или получения от третьих стран. Таким образом, кибер-оружие, средства программно-аппаратного воздействия на критические элементы инфраструктуры, становятся неким «оружием массового поражения для бедных», что делает эту составляющую «гибридных» войн весьма значимой и опасной.

С наступлением постиндустриальной эпохи, развитием «цифрового» общества, информационное противоборство дополнилось применением деструктивных социально-политических технологий [\[21\]](#). Их разнообразие позволяет выстроить внутреннюю классификацию подобных действий: от простой финансовой и информационной поддержки оппозиционных течений и создания внутри государства-противника «пятой колонны», до операций по распространению влияния, обеспечивающих, в перспективе, так называемую «мягкую оккупацию» (*soft occupation*) страны и переход её под внешнее управление [\[22,23\]](#). Одним из первых случаев применения подобных технологий на практике считается государственный переворот 1953 года в Иране (операция «Аякс» - *TP-AJAX*). В мягкой форме, например, в виде льготного обучения иностранных студентов, подобные методы использовали и используют все ведущие страны: США, Великобритания, СССР. Это может быть как обучение в ведущих ВУЗах страны, так и создание специальных заведений, таких, как швейцарская «Школа молодых глобальных лидеров» (*Young Global Leaders*). По опыту последнего времени, достаточно эффективной является программа обучения (*Strategic Leadership in Global Societal Security Programme, SLP*), адаптируемая и внедряемая в рамках когнитивной (ментальной) составляющей потенциальных «гибридных» войн в обучающие программы различных государств. В СССР для подобных целей был в 1960 году специально создан Университет дружбы народов (ныне РУДН).

В более интенсивной форме таких действий и сейчас активно развиваются организации, реализующие подобные технологии, такие, как американские «Национальный фонд в поддержку демократии» (англ. *National Endowment for Democracy, NED*), «Агентство международного развития» (англ. *United States Agency for International development, USAID*) и им подобные.

Обратной стороной «мягкой оккупации» можно считать оказание давления, а то и прямое устранение политиков и активистов в странах, с которыми ведётся «гибридное» противоборство. Причём вне зависимости уровня участия этих стран в «гибридных» действиях. Наиболее свежий пример – покушение на премьер-министра Словакии Роберта Фицо в мае 2024 года.

К квинтэссенции использования деструктивных социальных технологий можно отнести методы организации так называемых «цветных революций» (англ. *color revolution, flower revolution*), достаточное количество примеров которых можно привести за последние несколько десятилетий.

Очень плотно с информационной составляющей связано использование политico-дипломатических (организационных) методов обеспечения «гибридных» действий. Собственно, дипломатические действия всегда являлись составной частью межгосударственного противоборства в любой его фазе, обеспечивая поиск союзников, блокировку союзов противника и другие функции. В настоящее время, эти действия стали более активными и скоординированными с другими составляющими «гибридной войны». Одним из первых примеров нового подхода к ведению подобных действий в рамках «гибридного» противоборства можно считать создание в США Межведомственной рабочей группы в период операции «Буря в пустыне» 1991 года. Данная группа, включающая представителей вооруженных сил и МИД, обеспечивала оперативную координацию действий и информирование в нужном ключе союзников и Совбеза ООН.

Таким образом, информационная и организационная составляющие «гибридных» действий в современных конфликтах становятся всё более влияющими на их ход и исход. В этой связи можно перефразировать известное высказывание Клаузевица (нем. *Der Krieg ist eine bloße Fortsetzung der Politik mit anderen Mitteln*): уже не война становится продолжением политики другими средствами, а политика становится продолжением войны.

Специалистами выделяется ещё один важный аспект «гибридных» войн – их экономическая составляющая. В исторической ретроспективе её использование началось с переходом от обособленных национальных экономик к мировой системе хозяйствования, связанной с международной торговлей, а по мере глобализации экономики – и с межгосударственным разделением труда. На начальном этапе развития «гибридных» действий, экономическая война осуществлялась, преимущественно, в форме запретов на поставку или вывоз определенных товаров.

К ранним формам экономической составляющей «гибридного» противоборства можно отнести различные формы блокад, примеры которых в истории имеются в большом количестве. Впрочем, силовые блокады, это всё же ближе к военным методам противоборства. А вот другие, экономические неконкурентные меры борьбы, связанные с заградительными и протекционными мерами, возникли практически с появлением рыночной экономики. Примерами могут служить официальные выплаты Голландской Вест-Индской компанией в XVII веке дивидендов из выручки от добычи с захваченных иберийских кораблей, или так называемые Навигационные акты (*The Navigation Acts*) от 1651 года, Закон о шляпах (*Hat Act*) 1732 года, ограничивающий производство и экспорт шляп вне метрополии из-за конкуренции с английскими производителями, или британский Закон о железе (*Iron Act*), принятый в 1750 году с аналогичной целью в отношении сталелитейной промышленности в колониях. А суть Навигационных актов заключалась в том, что товары в Англию должны были доставляться исключительно английскими судами, что обеспечивало стимуляцию развития британского судостроения. Навигационные акты были отменены только в 1849 году, когда Британия стала мировым лидером морских перевозок. И перечисленное – лишь небольшая часть примеров: можно вспомнить регулирование английских тарифов на импорт с 1820 по 1876 год для противодействия Франции, или Имперские преференции: систему тарифов, применявшуюся с 1932 по 1947 год и обеспечивающую привилегированное положение Британии в торговле с колониями, другие акты экономического противоборства.

С развитием промышленности и международной торговли, глобализацией мировой экономики, формы экономического противоборства существенно расширились, начали применяться новые меры воздействия: товарные, сырьевые, технологические, финансовые [24]. Экономическое противоборство чаще всего реализуется в невоенной форме, в виде санкций, и продолжает оставаться активным инструментом «гибридного» противоборства. В период с 1971 года до конца XX века можно отметить применение около ста двадцати случаев санкций, в первую очередь в рамках экономической войны коллективного запада против СССР. В XXI веке указанный инструмент используется не менее интенсивно: от заградительных таможенных пошлин, до американских законов «О контроле над экспортом» и «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (*Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, CAATSA*) 2017 года [25]. Санкционные механизмы активно используются США и их союзниками до сих пор (рисунок 1), несмотря на меняющиеся геополитические условия. На рисунке 1 указано состояние на конец 2023 года, с того времени количество санкций только росло.

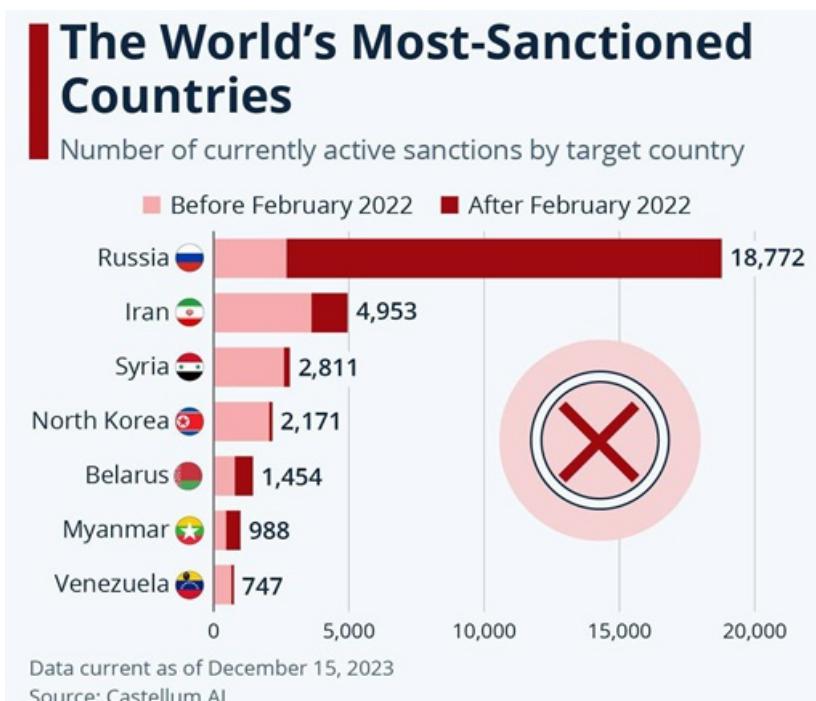

Рис. 1. Объем санкций, возлагаемых на разные страны по состоянию на конец 2023 года (с сайта www.statista.com)

Примером экономических «гибридных» действий в финансовой сфере могут служить блокировки зарубежных счетов Ирака в 2012 году, Венесуэлы в 2019, счетов банков и валютных запасов России в 2022 году, блокировка доступа иранских банков к системе *SWIFT* в 2018 году и российских в 2022 году.

В качестве одной из составляющих экономического противоборства, на которое воздействуют санкциями, можно выделить технологическое. Период снижения международной напряженности в конце XX, начале XXI веков породил иллюзию всеобщей безопасности и запустил процессы глубокого международного разделения труда. Это, с одной стороны, существенно повысило эффективность производства, с другой – породило опасность возникновения экономического коллапса в случае «гибридного» воздействия. Последнее не замедлило проявиться в ходе обострения мировых противоречий в 2014-2023 годах. Усиление запретов по программе *CAATSA* и правил экспортного контроля (*EAR*), введение запретов на поставку и так называемый

«условный экспорт» (*deemed export*) технологий и готовой высокотехнологичной продукции из США и стран Евросоюза в Россию и Китай, породили достаточно большой пул проблем во всех областях экономики для всех противоборствующих сторон. Всем участниками процесса пришлось принимать срочные меры: введение «параллельного импорта», программ импортозамещения, поиск новых рынков сбыта, «откат» производства к более старым технологиям и т.п. Учитывая, что введение запретов куда как более быстрый процесс, чем их преодоление, технологическая составляющая экономической формы «гибридного» противоборства породила множество проблем и вопросов.

С точки зрения международной безопасности, одной из крупнейших проблем применения экономического противоборства в рамках «гибридных» действий различной интенсивности, является субъективность определения границы, на которой заканчивается конкуренция, добросовестная она или нет, и начинается экономическая война в целях нанесения ущерба государству-противнику или экономический терроризм, примером которого являются диверсии на трубопроводах «Северный поток» в 2022 году, попадающие под действие конвенции ООН «Международная концепция о борьбе с бомбовым терроризмом» № 52/164 от 16 декабря 1997 года (*International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings*). Возникающая в результате неопределенность объективно может привести к переходу экономических «гибридных» действий на основе *casus belli* в классическую «горячую» фазу войны, как это уже было после введения нефтяных санкций США против Японии в июне-ноябре 1941 года.

Нельзя ещё раз не отметить ещё одну составляющую экономического противоборства, находящуюся на грани гуманитарно-допустимого – ресурсную.

Военная история позволяет отметить, что подобные действия когда-то относились к вполне легитимным формам вооруженного противоборства: блокады крепостей, запрещающие поставку продовольствия, перекрытие воды. Как и другие формы вооруженного противоборства, блокады до эпохи глобализации применялись в основном, в ходе «классических» военных действий. С момента становления и укрупнения государств, формирования разнообразных межгосударственных отношений, блокада стала одной из форм «гибридного» противоборства. А «классическая» осада, в отличие от экономической блокады, стала применяться намного реже. Хотя, при ведении войны «на уничтожение» (нем. *Totalen Krieg*), и в наше время совершались подобные нарушения общепринятых гуманитарных правил, достаточно вспомнить осаду Ленинграда или водную блокаду Одессы в годы Великой Отечественной войны.

В рамках «гибридного» противоборства подобные осадам городов ресурсные ограничения вновь находят применение, теперь в непрямой форме. Более того, с ростом технических возможностей и разнообразия экономических связей в современном мире, формы ресурсного противоборства меняются, реализуясь в виде транспортной, энергетической и даже как в доисторические времена – продовольственной и водной блокады. Типичные примеры последнего вида действий – попытка отвести воды реки Иордан от Израиля, послужившая одной из причин начала «шестидневной войны» 1967 года, морская блокада Палестины в 2010 году, или полная блокада Сектора Газа, осуществлённая тем же Израилем при проведении операции «Железные мечи». Ещё один современный пример – энергетическая и водная блокада Крыма, продолжавшаяся с 2014 по 2022 год, завершить которую удалось только силовым путём.

Всё это, разумеется, не просто меры экономического противоборства или санкций, это антигуманные действия, осуществляемые в непрямой форме, вкупе с другими

гибридными мерами. И напрямую противоречащие требованиям «Конвенции (IV) о защите гражданского населения во время войны» 1949 года. Как, впрочем, и большинство подобных мер, принимаемых ранее с целью воздействия на мирное население: неприцельные бомбардировки Дрездена и Кенигсберга, ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Как и современные экономические санкции, они были рассчитаны на изменение отношения населения противника к власти, создания условий её свержения. Впрочем, как показывает исторический анализ – эти меры бессмысленные, приводящие лишь к углублению страданий мирного населения, а в части отношений с собственной властью, часто имеющие обратный задуманный эффект.

Завершая обзор, можно отметить, что в настоящее время новые возможности в сфере «гибридного» противоборства могут открываться с развитием технологий, в том числе – с созданием новых видов оружия. Так, в настоящее время не подтверждено наличие у какой-либо стороны климатического или, например, тектонического оружия, хотя имеется определённая корреляция, находящаяся выше статистической погрешности, между землетрясениями нескольких последних десятилетий и конфликтами, происходящими в разных регионах. Неким аналогом климатического оружия, с определённой долей допущения, можно считать перехват Израилем дождевых облаков над своей территорией и принудительная инициация осадков, что вызывало неоднократные протесты арабских стран и Ирана, до которых дожди не доходили.

Иногда упоминаемая в связи с разработкой климатического оружия американская программа HAARP (*High Frequency Active Auroral Research Program*), судя по всему, является лишь экспериментом, без подтверждённых практических результатов воздействия на климат, да и сама разработка такого оружия запрещена «Конвенцией о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» ООН от 1976 года. Но, при наличии подобного оружия, которое принято определять как геофизическое, оно могло бы стать идеальным «гибридным» средством экономического и когнитивного противоборства, разрушающим системы жизнеобеспечения и промышленные объекты, ухудшающим условия жизни населения, без раскрытия явного источника воздействия [26]. И ещё из области «теории заговора»: эффективным средством ведения «гибридных» действий может быть и биологическое оружие, тайное применение модифицированных версий которого, нацеленного на поражение заранее заданных генотипов людей, открывает широкие перспективы таких войн, действуя в современных условиях не только на население, но и на экономику противника. Впрочем, явных доказательств наличия и применения указанных средств в современной истории нет.

Таким образом, исторический анализ «гибридных» действий, в том числе, принадлежащих к новейшей истории, позволяет сформулировать ряд выводов:

- теория и практика ведения «гибридных войн», как средства разрешения конфликтов, не военное «ноу-хау», а давно используемая форма решения геополитических проблем, объединяющая признаки классических proxy-войн, комплексного «гибридного» противоборства и «оффшорного балансирования» (англ. *Offshore balancing*), которая в изменившихся условиях современного мира используется достаточно активно и, вероятно, будет с всё возрастающей интенсивностью использоваться впредь. Современные концепции вооруженного противоборства США и НАТО, такие как «Дистанционные боевые действия» (англ. *Remote Warfare*), «Бой в многодоменном пространстве» (англ. *Multidomain battle*), рекомендации Консультативного совета по международной безопасности (англ. *International Security Advisory Board - ISAB*

Федерального консультативного комитета США по действиям в «серых зонах» (англ. *Gray zone* - *GZ*), наглядно подтверждают предыдущий тезис;

- отдельные, в первую очередь несиловые, составляющие «гибридных» действий могут использоваться обособленно, не приводя к явной конфронтации, в «гибридную» войну ситуация переходит только при комплексном их применении;

- в то же время, содержание «гибридных войн» в современных условиях смещается в сторону применения невоенных методов противоборства, при этом как разрушительные последствия, так и опасность последних, переход при их использовании от «гибридного» конфликта в «горячую» фазу, в условиях глобализации современного мира возрастает.

С учётом последнего фактора – опасности перерастания «гибридной» войны в «горячую», а также с учётом постоянного повышения всеобщей информационной осведомленности, любые гибридные действия в настоящее время превращаются в балансировку на грани «фола». История, начиная с эпохи Наполеоновских войн и до нашего времени, показывает, что неосмотрительные действия с высокой вероятностью приводят к разжиганию конфликта и переходу его в «горячую» фазу со всеми вытекающими последствиями.

3. О перспективах развития «гибридного» противоборства

Проведённый исторический анализ не просто позволяет сделать вывод о том, что история не чисто теоретическая наука, исследующая прошлое, а эффективный инструмент, обеспечивающий получение и оценку практических рекомендаций: он позволяет выявить некоторые закономерности в части развития теории «гибридных войн» и выработать рекомендации по парированию «гибридных» угроз.

Главный вывод из исторического анализа – учитывая неоднократно отмеченную опасность перерастания «гибридной» войны в «горячую», необходимо прогнозировать последствия предпринимаемых действий. Наиболее объективным инструментом для такого прогноза специалистами считается математическое моделирование. Анализ исторического опыта позволяет, как вариант, сформировать обобщённую модель оценки интенсивности «гибридной» войны. Структура модели может определяться перечнем составляющих «гибридного» противоборства и привлекаемых сил.

Структуру такой модели можно считать условно постоянной:

- вооруженная составляющая;
- информационные действия;
- экономическое противоборство;
- организационные меры.

В качестве математического аппарата для моделирования всех составляющих противоборства может быть использована интерполяция функций на основе ранее полученной статистики. Очевидно, что такая модель корректно работает только на непрерывных функциях, неточно реагируя на их разрывы, которые могут случаться, например, в ситуации революционных изменений. Впрочем, ни один существующий матаппарат, за исключением аппарата теории устойчивости, не обеспечивает работу с функциями, имеющими разрывы. Но искать точки бифуркации на системах, описанных с грубой детализацией, характерной для описания глобальных систем и процессов – дело неблагодарное. Поэтому приходится довольствоваться возможным, а именно аппаратом

на основе временных рядов.

Отображение результатов моделирования может быть реализовано в форме «тепловой» матрицы (рисунок 2). Интенсивность каждой составляющей определяется привлекаемыми силами и совершаемыми ими действиями. А общая интенсивность «гибридных» действий определяется совокупной «температурой» матрицы действий, формируемой с учётом весовых коэффициентов каждой составляющей.

Вооруженная составляющая			
Поддержка вооруженной оппозиции внутри страны-противника	Военно-техническая помощь, предоставление разведданных	Привлечение наёмников и коммерческих ЧВК	Задействование своих войск и сил
Информационная составляющая			
Когнитивные действия по формированию положительного своего облика	Когнитивные действия по формированию отрицательного облика потенциального противника	Целенаправленные информационные действия в СМИ и социальных сетях	Проведение информационных и психологических операций
Экономическая составляющая			
Принятие внутренних экономических и технологических ограничений	Блокирование доступа к технологиям, введение внешних санкций	Блокирование доступа к счетам, мировым сервисам и технологиям	Блокада
Организационная составляющая			
Создание политических союзов	Дипломатические меры воздействия: протесты, заявления	Юридические действия по формированию судебных решений в рамках обеспечения противоборства	Создание вооруженных союзов и коалиций, блокирование союзников

Рис. 2. Модель «гибридных» действий, вариант представления выходной информации в виде матрицы составляющих (вариант)

«Температура» каждой из составляющих может формироваться как по внешним признакам, получаемым на основе анализа текущей обстановки (см. рис. 1), так и по состоянию противоборствующей стороны, определяемому исходя из нормативов зарубежных армий. Например, в части информационного противоборства, эти нормативы определяются уровнями информационной войны и составом привлекаемых сил (включая необходимость задействования Госдепартамента или МИД), указанных в документе «Открытые психологические операции, проводимые Вооруженными силами в мирное время и в особой обстановке незадолго до объявления войны» (*Department of Defense Directive S-3321.1, Overt Psychological Operations Conducted by the Military Services in Peacetime and in Contingencies Short of Declared War*).

Использование подобной, либо любой другой модели с соответствующим набором исходных данных для неё позволит проводить оценку текущей интенсивности «гибридных» действий и, главное, прогнозировать тенденцию их развития.

Кроме формирования предложений по описанию модели, исторический анализ позволяет сформулировать ряд закономерностей, характерных для данной формы противоборства.

Во-первых, учитывая развитие этой формы противоборства, нелогично признавать «гибридную войну» принципиально новым способом разрешения политических конфликтов. Хотя название это появилось относительно недавно, сам принцип ведения «гибридных» действий используется довольно давно, сначала в форме proxy-войн, ибо практически в любом вооруженном конфликте кроме двух заинтересованных сторон в том или ином виде присутствует как минимум, третья. В дальнейшем, с развитием информационной и экономической составляющих, для решения геополитических проблем стали применяться методы относительно несилового «оффшорного балансирования», в том числе, реализуемые технологиями создания «дуг нестабильности» (англ. *Arc of Instability*), а позже, с объединением, развитием и усилением всех составляющих этих концепций, такие действия стали называть «гибридными».

Современным развитием «гибридных» действий можно считать так называемую «умную силу» (англ. *Smart Power*) – концепцию, комбинирующую в себе все формы «гибридных» действий и, по сути, являющуюся высшей формой их развития, обеспечивающей максимальную реализацию принципов минимизации усилий, прилагаемых для достижения цели. Данному виду действий пока нет официального определения, хотя большинство специалистов, такие как Joseph S. Nye, Chester A. Crocker, Fen Osler Hampson, Pamela R. Aall и другие, в целом описывают «умную силу» как комплексное и длительное применение всех составляющих «гибридных» действий, обеспечивающее достижение поставленной цели, но с уровнем воздействия, не допускающего перехода в фазу прямого вооруженного конфликта.

Во-вторых, так как «гибридная война» является логичным развитием proxy-войн, как реакция на информатизацию общества и глобализацию экономики, логично предположить, что этот исторический процесс не остановится, «гибридное» противоборство будет развиваться и активно использоваться. Это предположение подтверждают попытки создания очередной «дуги нестабильности» вокруг России, осуществляемой США в последние полтора десятилетия: от применяемых ранее процессов создания относительно безопасной «тлеющей» зоны нестабильности, виден переход к раскачке ситуации для создания «государств-брандеров», способных «раскачать» ситуацию у соседей. Вероятно, развитие и трансформация форм «гибридного» противоборства продолжится, например, с учётом возможностей, порождаемых «цифровизацией» экономики. Каким образом и какую роль сыграют изменения, предположить сложно. Но прогнозировать и готовиться к новым угрозам необходимо, для чего нужно вести дальнейшие исследования данного процесса, совершенствовать тактику противодействия «гибридным» действиям [\[27\]](#).

В-третьих, на исторической ретроспективе мало менялся принцип, но существенно изменились применение и структура участников в «гибридных» конфликтах «гибридных сил», произошло их своеобразное «расслоение». Слабо подготовленные в военном отношении, но приспособленные к району ведения боевых действий формирования по-прежнему формируются на основе «туземных» армий или набираются из местных ополченцев. А подготовленная к ведению современной войны компонента, роль которой постоянно возрастает: технически оснащённые и обученные силы специальных операций

и всё более активно привлекаемые ЧВК, авиация, в том числе беспилотная, космическая разведка – предоставляются скрытыми участниками конфликта и, чаще всего, базируются вне театра военных, действуя в «серых зонах».

В рамках этой же тенденции, для руководства «гибридными» действиями создаются специализированные органы управления, временные, но на профессиональной основе и с высокотехнологичным оснащением, такие, как многодоменные оперативные группы (англ. *Multi-Domain Task Force - MDTF*, создаваемые в рамках концепции *Civil Military Cooperation (CIMIC)* и в соответствии с наставлением ВС США по взаимодействию *Joint Publication (JP)*, военно-гражданские администрации в местах ведения конфликтов.

Эти факты в очередной раз подтверждают, что в странах НАТО воспринимают повышение активности использования «гибридных» действий и сил не как случайный процесс, а как тенденцию, которая может изменить подходы к геополитическому противоборству в будущем, кадры и технические средства управления для которой нужно готовить заблаговременно.

В-четвёртых, важным фактором является то, современные «гибридные» действия, особенно их несиловые составляющие, расширяются в пространственной области, вовлекая не только участников конфликта, но и сторонние государства, не позволяя практически никому остаться непричастным. Особенно это заметно в информационной и экономической составляющих. Привлечение может осуществляться путём убеждения и принуждения (в терминологии руководящих документов НАТО: *persuasive communications or coercive force*), например, введением так называемых «вторичных санкций». Привлечение к информационному противоборству может также осуществляться введением в заблуждение с использованием источников информации с неявной принадлежностью. Последнее наглядно проявлялось в ходе «гибридных» действий против России, а также при реализации информационной составляющей боевых действий в Секторе Газа в 2023 году. Указанные факторы требуют учёта как в развитии теории «гибридного» противоборства, так и непосредственно в практике управления им.

В современном мире, в условиях тотальной информатизации и «гиперподключения», когда у каждого человека имеется постоянный доступ к мобильным устройствам приема, формирования и передачи информации, возможности по ведению информационных действий возросли кратно. Сложившаяся ситуация требует не только совершенствования методов информационного противоборства, но и развития мер противодействия: как ограничения подачи информации противнику и соблюдения мер «цифровой гигиены», так и выработку своеобразного «информационного иммунитета» у населения, защищающего и позволяющего критически воспринимать фейковую информацию. Эта задача нетривиальная, но без её решения победа в современных «гибридных» действиях невозможна.

В-пятых, «гибридные» войны, как и «классические», редко начинаются внезапно. Из-за структуры и особенностей отдельных составляющих, они чувствительны к ранней подготовке и очень инерционны в части ведения – большинство составляющих «гибридных» действий являются долговременными, часто срабатывают в отдалённой перспективе. Этот фактор влияет двояко: с одной стороны, необходимо предпринимать ряд мер противодействия «гибридному» противоборству заранее, с другой – на длительном периоде планирования тяжело обеспечивать приемлемую величину доверительной вероятности эффективности реализации применяемых мер.

Примером необходимости заблаговременной подготовки, может служить экономическая

составляющая войны против Ливии, Сирии, России, когда блокирование государственных и частных финансовых активов готовилось заранее, а сделано было, когда противостоять этим действиям было уже поздно. При таком раскладе, если подвергающаяся «гибридному» воздействию сторона будет выжидать с ответной реакцией до наступления последствий, действия реактивно, она однозначно опаздывает с ответом. Соответственно, и противодействовать таким воздействиям нужно начинать заранее, обеспечив переход от использующихся сейчас реактивных методов управления противоборством к проактивным, основанным на прогнозировании и долгосрочном планировании. Не менее наглядным подтверждением данного тезиса являются и так называемая «ментальная война» [\[11\]](#) и технологическое противоборство, осуществляемые в рамках организационной и экономической составляющей «гибридных» действий соответственно. Анализ показывает, что даже в эпоху глобализации и взаимовыгодного международного распределения труда, может возникнуть ситуация быстрого прекращения использования технологий и поставок высокотехнологичной продукции, порождающая комплексные проблемы, обладающие кумулятивным эффектом.

С учётом перечисленных факторов, для обеспечения высокой вероятности реализации принимаемых мер, необходимо как повышать точность планирования действий, так и расширять спектр принимаемых мер, обеспечивающих гарантированную реализацию хотя бы части из них.

Относительно последнего примера – для любой крупной экономики, желательно прогнозировать и быть готовым к критической ситуации: развивать собственные технологии, пусть и менее эффективные, чем покупные, диверсифицировать поставки, обеспечивая их из заведомо некоррелируемых источников, предпринимать другие меры. Разумеется, эти меры требуют затрат и снижают текущую прибыль, но безопасность никогда не была дешёвой.

В-шестых, кроме длительности реализации действующих факторов «гибридной» войны, она отмечается существенной асимметричностью применяемых мер, что определяется сложной структурой данной формы противоборства. Соответственно, фактор асимметричности, наряду с инерционностью действий, необходимо детально учитывать при планировании действий. В этой асимметрии наиболее опасными представляются несиловые методы противоборства, в том числе потому, что меры борьбы с ними ещё недостаточно отработаны. Впрочем, это можно сделать, например, ориентируясь на методики их организации. Для информационных, например, на положения методик по организации «цветных революций» [\[20\]](#).

Принятие правильных решений способствует победе, цена ошибки очень высока и может быть исправлена только за счёт больших затрат. Наглядный пример, подтверждающий данный тезис, привёл в одном из своих интервью академик РАН С.Ю.Глазьев: Россия с 1991 по 2014 год вложила в экономику Украины около 30 миллиардов долларов, пытаясь наладить взаимодействие, а США в сопоставимый период потратили порядка 5,4 миллиардов для информационного воздействия на население страны и подготовку её будущих управленцев антироссийской направленности. Результат известен. Чтобы подобная ситуация не повторялась, необходим набор определённых инструментов: планирующих методик, средств прогнозирования и математического моделирования и других, создание которых должно являться предметом научного исследования [\[28\]](#).

Седьмое, несмотря на все новации, в «гибридной» войне, как и в «классических»

боевых действиях, победа решается на поле боя. Но, учитывая, что силовая составляющая, это тактика, а не стратегия конфликта, нельзя не вспомнить высказывание Клаузевица: «Стратегические просчеты невозможны компенсировать тактическими успехами»: победа, по-прежнему, достигается на поле боя, но обеспечивается она действиями в тылу, как своим, так и противника. То есть, данный тезис в современных условиях приобретает новое звучание. Учитывая это, для достижения победы, крайне важным является целенаправленное и скоординированное использование несиловых составляющих «гибридного» противоборства [29, 30]. Именно эффективное управление является залогом успешных действий в любой сфере деятельности [31], и управление военными действиями не является исключением. Этот фактор необходимо учитывать при подготовке и ведении «гибридных» действий. И, в этой связи, возрастание уровня «гибридности» в современных конфликтах, высокая вероятность сохранения этой тенденции в будущем, требует изменений в военной науке и образовании. Как с точки зрения разработок методов и моделей комплексного исследования компонентов «гибридных» действий, так и обучения особенностям их ведения будущих командиров и начальников. Ведущие военные державы в полной мере озабочились этим вопросом, примером чему может служить создание при Министерстве обороны США Центра изучения иррегулярных военных действий (*Irregular Warfare Center, IWC DOD*), организация Европейского центра противодействия «гибридным» угрозам (*European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, Hybrid CoE*) и других им подобных.

В нашей стране, в рамках этого процесса Минобрнауки включило в учебный процесс некоторых ВУЗов (Севастопольский университет, РГСУ, МИРЭА) дополнительные курсы по подготовке специалистов по «гибридным» войнам. В 2022 году в программу факультета политологии МГУ вошел магистерский курс «Информационные и гибридные войны». Впрочем, при всей своевременности указанных мер, перечисленные курсы направлены, преимущественно, на изучение информационной составляющей «гибридных» действий для подготовки политологов, журналистов или специалистов по кибер-безопасности, а не на системное изучение этого явления в целом и приданье процессу подготовки системного характера. Кроме того, это достаточно небольшие по объёму обучающие курсы, что не идёт ни в какое сравнение с объёмом преподавания особенностей «гибридного» противоборства в ведущих зарубежных странах. Для сравнения, по данным агентства «Р-Техно», по состоянию на 2023 год в США реализуются 36 программ по подготовке специалистов по «гибридным» конфликтам, в Китае 28, в Индии 14, в странах Евросоюза суммарно 9, а в Великобритании – 3.

И последнее, применение «гибридных» методов приводит к существенной трансформации структуры противоборства за счёт расширения использования условно несиловых методов, что приводит к расширению перечня явных и скрытых участников конфликта, вовлечению в конфликт негосударственных структур и межгосударственных корпораций, изменению объектов воздействия, размыванию границ и этапов развития конфликта. Особенно опасно то, что одновременно с усилением в структуре «гибридных» войн информационной и экономической составляющих, происходит рост участия в них негосударственных организаций, своеобразный «аутсорсинг насилия».

Эти факторы приводят к тому, что к невозможно оценивать «гибридные» конфликты на основе существующего международного законодательства. И если для proxy-участия в конфликтах существуют международные нормативные акты, пусть и не всегда применяемые, например, «Парижский договор об исключении войны в качестве оружия национальной политики» (пакт Бриана-Келлога 1928 года, *Kellogg-Briand Pact*) и

Будапештская резолюция к этому пакту от 1934 года, для остальных составляющих «гибридных» действий подобных документов пока не существует. В то же время, как показывает исторический опыт, большинство «гибридных» конфликтов, если их не предотвратить, рано или поздно переходят в активную фазу и становятся классическими войнами. Более того, несиловые методы «гибридных» действий, как показывает исторический опыт, периодически применяются целенаправленно для активации вялотекущего конфликта и привлечения новых участников, намеренного перевода его в силовую фазу.

Для предотвращения подобных ситуаций, имеется необходимость уточнения законодательства о военных конфликтах в части предотвращения «гибридных» действий на ранних стадиях. В первую очередь, это должно быть обеспечено даже не столько в военной сфере, сколько в части трансграничных и экстерриториальных форм несиловых «гибридных» действий: информационного и экономического противоборства, организационных методов действий. Для таких форм необходимо или законодательно отказываться от принципа экстерриториальности некоторых институтов, либо узаконить экстерриториальность ответа на них. В рамках регулирования таких действий, требуется чётко определить границы перехода от экономической конкуренции, через «недружественные действия» экономического и юридического характера, к экономической войне, как составной части «гибридной войны». Аналогичные границы должны быть установлены в информационном пространстве. И хотя большинство государств понимает важность этого процесса и принимает определённые меры информационной защиты, такие как российский Федеральный закон от 14 июля 2022 г. №255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» или белорусский Закон «Об изменении Закона Республики Беларусь "О средствах массовой информации"» 2023 года, эти меры представляются неполными. Если считать «гибридные» действия войной, то и реагировать необходимо на них как на вооруженное нападение: жестко, не оглядываясь на принципы мирного времени.

В рамках решения указанных проблем, необходима юридическая регламентация деятельности в техногенном сегменте кибер-сферы, в процессах экономического взаимодействия, организация ряда других мер: как в части разработки регламентирующих документов, позволяющих вывести участников противоборства из «серых зон», так и создания международных органов контроля и регулирования кибер-сферы и процессов экономической конкуренции, подобных созданным сейчас в сфере применения ядерной энергии (МАГАТЭ, *International Atomic Energy Agency - IAEA* или запрещения химического оружия (ОЗХО, *Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons - OPCW*). Важность законодательного регулирования несиловых составляющих «гибридных» действий показывает отношение основных бенефициаров этой формы противоборства к мерам противодействия внешним информационным воздействиям и действиям внутренней оппозиции, чаще всего тоже координируемой извне. Одним из первых примеров законодательного противодействия в современной истории можно считать немецкий «Закон против вероломных нападок на государство и партию и защите партийной униформы» 1934 года (нем. *Gesetz gegen heimtückische Angriffe auf Staat und Partei und zum Schutz der Parteiuuniformen*). Современные апологеты таких действий продолжают разрабатывать подобные акты, например, законы об иноагентах, активно применяемые у них (закон США *Foreign Agents Registration Act, FARAA* и недопускаемых к принятию в других странах).

Более того, в рамках совершенствования международного законодательства, может потребоваться уточнение самого понятия «агgression», определяемого Резолюцией

Генеральной ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года № 3314 как «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций». Это, впрочем, относится и к другим международным законодательным актам, регулирующим поведение в кибер-пространстве, международное экономическое взаимодействие и конкуренцию, поставки вооружений и множество других нерешенных проблем, которые могут служить потенциальными источниками активизации конфликтов.

Заключение

Как показал исторический анализ, «гибридные» действия прошли долгую историю развития: от простых «операций под чужим флагом» (*false flag operation*) и proxy-войн на тактическом уровне, до методов «оффшорного балансирования» на глобальном, их компоненты развивались от разобщённо используемых методов пропаганды и блокадных действий в рамках экономической войны, от использования «мягкой силы» (*soft power*) до перехода к «умной силе», в рамках которой объединяются все формы «гибридного» противоборства. Несмотря на длительный период использования, современное международное сообщество оказалось не вполне готово к их ведению: особенности «гибридных войн», возросшая частота использования данной технологии противоборства, исторически высокая вероятность перехода «гибридного» конфликта в «классическую» войну, требуют адекватной реакции на геополитические процессы, например, уточнения международных и внутренних концептуальных и планирующих документов, регулирующих области, в которых могут быть реализованы «гибридные» действия.

Но, главное, исторический анализ показывает, что «гибридная» война - системный процесс и выиграть, или хотя бы не проиграть в ней, можно только действуя системно.

Библиография

1. Liddel Hart B.H. Strategy The Indirect Approach. New-York: Pentagon Press, 1954. 560 р.
2. Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. 1996. 353 р.
3. James N. Mattis, Frank Hoffman, Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. Proceedings Magazine. 2005, Vol. 132/11/1,233 URL:
<http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf> (13.09.2022).
4. Kandrik M. Rethinking Russian Hybrid Warfare // IWC Perspectives. 2023. May. pp. 1-4. URL: https://irregularwarfarecenter.org/wp-content/uploads/2023-05-17-Perspectives_No_7_Rethinking-Russian-Hybrid-Warfare.pdf (12.08.2023).
5. Williamson Murray, Peter R. Mansoor. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. – Cambridge University Press, 2012.
6. Манойло А.В. Цветные революции в контексте гибридных войн // Право и политика. 2015. № 10. С. 1400-1405.
7. Fox A. C., Rossow A. J. Making Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo-Ukrainian War (англ.) // The Land Warfare Papers. 2017. Март (№ 112).
8. Roger N. McDermott. Russia's Electronic Warfare Capabilities to 2025: Challenging NATO in the Electromagnetic Spectrum. International Centre for Defence and Security. Tallin. 2017 – 48 с.
9. Boda M. Hybrid War: Theory and Ethics. Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. 2024, 1(23): 5-17. DOI: 510.32565/aarms.2024.1.
10. Caliskan Murat. Hybrid warfare through the lens of strategic theory. Defense & Security

- Analysis 2019. Vol.35, pp. 40-58.
11. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19-33.
 12. Богатырёв В.В. Проблемы международно-правового регулирования современных гибридных войн // Вестник владимирского юридического института. 2021. № 2 (59). С. 34-38.
 13. Першин Ю.Ю. Гибридная война: неуловимые армии и невидимые руки // Вопросы безопасности. 2020. № 2. С. 48-71. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.2.32680 URL: https://e-notabene.ru/nb/article_32680.html
 14. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1989 года. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (21.01.2021).
 15. Литвиненко В., Долматов В. Высокоточные артиллерийские средства огневого поражения // Армейский сборник. 2023. № 7. С. 26-33.
 16. Тиханычев О.В. «Гибридные» войны: история, современное состояние, основы противодействия // Национальная безопасность / nota bene. 2019. № 1. С. 39-48. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.1.28100 URL: https://e-notabene.ru/nbmag/article_28100.html
 17. Симонов А. Информационная война Запада против Ивана Грозного // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/102277-informacionnaya-voyna-zapada-protiv-ivana-groznogo.html> (19.10.2016).
 18. Мальцев Д. «Черные мифы» о русских царях // Русская народная линия URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/05/31/chernye_mify_o_russkih_caryah (31.05.2012).
 19. Выпасняк В.И., Тиханычев О.В., Гахов В.Р. Кибер-угрозы автоматизированным системам управления // Вестник Академии военных наук. 2013. № 1 (42). С. 103-109.
 20. Joint Pub 3-13 «Information Operations», DOD US, December 1998. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (11.11.2009).
 21. Sharp Gene. The Politics of Nonviolent Action. Boston, MA: Porter Sargent. 1973. 72 p.
 22. Harsin Jayson. "Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies". Communication, Culture & Critique. 2015. 8(2), 327-333.
 23. Parmar Inderjeet. "US Presidential Election 2012: Post-Truth Politics." Political Insight 3#2 (2012): 4-7.
 24. Денежное обращение России: Исторические очерки. Каталог. Материалы архивных фондов: в 3-х томах / Банк России; [ред. совет: Г.И. Лунтовский, А.Н.Сахаров, А.В.Юров]. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010.
 25. Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970-1980-е годы / Ю.П. Бокарев; ИРИ РАН. М.: Наука, 2007. – 381 с.
 26. Ginestet Andres. Climate-security nexus: System Theory of Violence and Complexity Architecture. COBAWU Institute, Wuppertal, Germany, February 15th-November 2019. 8 p.
 27. Бартош А.А. Модель гибридной войны // Военная мысль. 2019. № 5. С. 6-23.
 28. Глазьев назвал стратегическую ошибку России: США ушли из-под носа. Сайт «Царьград» URL: https://tsargrad.tv/news/glazev-nazval-strategicheskiju-oshibku-rossii-ssha-uveli-iz-pod-nosa_690034 (22.12.2022).
 29. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1130> (31.08.2023).
 30. Бартош А.А. Модели эскалации современных военных конфликтов // Военная мысль. 2024. № 1. С. 21-36.
 31. Тиханычев О.В., Тиханычева Е.О. Информатизация как путь от искусства управлять к науке управления // The Scientific Heritage, 2020. № 1 (46). С. 58-63.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В конце XIX в. многие философы, писатели предполагали, что двадцатый век обойдется без войн и катаклизмов. Действительность оказалась иной: в прошедшем столетии произошли две мировые войны, массовые гонки вооружений, создание сверхсовременного оружия и т.д. К сожалению, опыт говорит о том, что без армии не возможно обеспечить безопасность государства. В этой связи вызывает важность изучение различных угроз национальной безопасности, среди которых важное место занимают гибридные войны.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются гибридные войны. Автор ставит своими задачами рассмотреть исторический опыт "гибридных действий", оценить современное состояние и перспективы развития «гибридного противоборства», структурировать существующие проблемы и обозначить возможные пути их решения.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать историю развития «гибридных» действий от войн «под чужим флагом» до «умной силы».

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем на интернет-ресурсы и нормативно-правовые акты. Из используемых исследований отметим труды такого военного теоретика как Б. Лиддел-Гарт, а также исследования А.В. Манойло, Ю.Ю. Перкинс, А.М. Ильницкого, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения феномена гибридных войн. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как феномен гибридных войн, в целом, так и отдельные составляющие, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что гибридная война "до сих пор не признана в официальных оборонных концепциях большинства современных государств, хотя её, как показывает исторический анализ, неоднократно применяли и применяют для решения задач как вооруженного противоборства, так и глобального цивилизационного противостояния". Автор обращает внимание на то, что "гибридные" действия прошли долгую историю развития: от простых «операций под чужим флагом» (false flag operation) и proxy-войн на тактическом уровне, до методов «оффшорного

балансирования» на глобальном". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, "несмотря на длительный период использования, современное международное сообщество оказалось не вполне готово к их ведению: особенности «гибридных войн"... требуют адекватной реакции на геополитические процессы, например, уточнения международных и внутренних концептуальных и планирующих документов, регулирующих области, в которых могут быть реализованы «гибридные» действия".

Главным выводом статьи является то, что

«гибридная» война - системный процесс и выиграть, или хотя бы не проиграть в ней, можно только действуя системно".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 2 рисунками, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках разработки военно-политических стратегий.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Национальная безопасность / nota bene".

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Гонта С.Н., Иванов Н.А., Малкова Ю.А. Кустарные методы противодействия FPV-дронам камикадзе (по опыту Специальной Военной Операции) // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 1. С.103-117. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.70805 EDN: ABQBW D URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70805

Кустарные методы противодействия FPV-дронам камикадзе (по опыту Специальной Военной Операции)

Гонта Семен Николаевич

студент; кафедра теории права и государства, истории и философии; Сочинский государственный университет

354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

✉rudolf.diesel.bmw@gmail.com

Иванов Николай Александрович

преподаватель, кафедра Физической культуры и спорта, Сочинский государственный университет

354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

✉ivanovnik45@yandex.ru

Малкова Юлия Александровна

кандидат исторических наук

доцент; кафедра теории права и государства, истории и философии; Сочинский государственный университет

354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

✉malkov01@rambler.ru

[Статья из рубрики "Противостояние и обороноспособность"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.1.70805

EDN:

ABQBW D

Дата направления статьи в редакцию:

20-05-2024

Дата публикации:

03-03-2025

Аннотация: Данная статья посвящена анализу кустарных методов противодействия FPV-дронов камикадзе. Актуальность работы обусловлена тем, что опыт специальной военной операции (СВО) на Украине показал не только все возрастающую важность легких квадрокоптеров на поле боя, но также и важность наличия действенных методов защиты от них. Объектом исследования выступают методы противодействия FPV-дронам камикадзе. Предметом исследования выступает использование кустарных методов противодействия FPV-дронам камикадзе в военных конфликтах последнего времени. Авторами в данной работе были проанализированы не только сами кустарные методы противодействия FPV-дронам камикадзе, но и процесс их эволюции, с учетом опыта реальных военных конфликтов (в первую очередь Специальной Военной Операции на Украине). Методология данного исследования базируется на общенаучных методах (абстрактно-логический, метод контент анализа), а также на специальных исторических методах исследования (нарративный и историко-генетический). Научная новизна данной работы заключается в подробном изучении кустарных методов противодействия FPV-дронам камикадзе, а также анализе их эволюции, используя опыт Специальной Военной Операции (обеих сторон) и опыт современных боевых действий в Секторе Газа между Израилем и группировкой ХАМАС. Особым вкладом авторов в изучение темы является подробное описание и анализ наиболее эффективных методов противодействия дронам камикадзе, зарекомендовавших себя в условиях современных боевых действий. Также работа содержит большой корпус фотоматериалов с иллюстрацией принципов работы различных кустарных методов противодействия FPV-дронам камикадзе. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о значительной роли кустарных методов противодействия FPV-дронам камикадзе в условиях современных боевых действий, а также о быстром заимствовании опыта их применения по всему миру. И пока штатные технические средства защиты от дронов камикадзе еще не так развиты или не широко распространены в войсках, кустарные методы остаются важной частью защиты военной техники.

Ключевые слова:

квадрокоптеры, дроны, БПЛА, военные дроны, антидроновые козырьки, антидроновые сети, защита бронетехники, дроны камикадзе, FPV дроны, современные военные конфликты

Введение

Современные военные конфликты по всему миру показывают, что не стоит недооценивать несистемные самодельные (кустарные) виды вооружения, которые используются различными силами по всему миру. Начиная от целых регионов (Хайберский проход в Пакистане), где производится т.н. кустарное (атипичное) огнестрельное стрелковое оружие и до первого опыта использования, переделанных из гражданских, ударных дронов террористами на ближнем востоке можно заметить, что там где присутствует дефицит технических или финансовых средств всегда появляется самодельное вооружение, которое по своей эффективности может не уступать обычным видам вооружения.

В данной статье предлагается рассмотреть вопрос кустарных методов защиты от ставших

уже привычных нам видов самодельных барражирующих боеприпасов – FPV-дронов камикадзе. Как уже было сказано выше, первые попытки применения гражданских квадрокоптеров (дронов) были предприняты террористами ИГИЛ* (*террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации) на ближнем востоке, однако именно сегодня мы можем наблюдать настоящий расцвет сферы применения гражданских квадрокоптеров в военных действиях, который начался после начала Специальной Военной Операции (СВО) в 2022 году.

Исходя из этого, актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время становится очевидным все возрастающее влияние FPV-дронов камикадзе и наличия защиты от них в армии на обороносспособность войск непосредственно на поле боя. Поэтому интересным видится рассмотреть способы защиты от FPV-дронов, которые уже применяются в военных конфликтах и прежде всего на полях СВО.

Цель исследования – рассмотреть и проанализировать кустарные методы противодействия FPV-дронам камикадзе в современных военных конфликтах.

Данная статья представляет собой попытку авторов проанализировать опыт и процесс эволюции кустарных методов противодействия FPV-дронам камикадзе, который произошел за последние несколько лет проведения СВО.

Материалы и методы исследования

Материалами для данного исследования послужили многочисленные фотографии и видео, поступающие от военных журналистов, блогеров, официальных представителей министерств обороны, СМИ и т.д., которые были проанализированы авторами. Все используемые в данной статье изображения являются фотоцитатами, а под каждой иллюстрацией приведена ссылка на первоисточник (если удалось достоверно установить таковую).

Методология работы определяется непосредственно темой исследования и включает в себя общенаучные методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, метод контент-анализа. Также, авторами в работе используются и другие методы, а именно: историко-генетический и нарративный методы исследования.

Библиографическая база данной работы состоит из актуальных исследований отечественных и зарубежных авторов, которые связаны с темой беспилотников, квадрокоптеров и их применения в военной сфере.

Обсуждение

В современной отечественной научной среде только начинают появляться публикации посвященные теме различных БПЛА и FPV-дронов. Среди таковых выделим работы некоторых авторов: статьи И. А. Соловатова [\[1\]](#) и С. Н. Гонта [\[2\]](#), работу коллектива авторов Рязанского Гвардейского ВДКУ [\[3\]](#), статьи А. А. Матараса, И. Ю. Гуляева [\[4\]](#) и К. Е. Лескова, И. Ю. Шарапова [\[5\]](#).

Из зарубежных исследований выделим работы авторов: статью Анны Корнет и Томаша Бальцезака [\[6\]](#), работу бразильского военного Гилберто Фризона [\[7\]](#), статью ученых Корнельского университета Сары Крепс и Поля Лущенко [\[8\]](#), статью журналиста Джейсона Шермана [\[9\]](#), а также исследование международной группы авторов [\[10\]](#).

Результаты исследования

Данная статья представляет собой логическое продолжение исследования темы применения гражданских квадрокоптеров и FPV-дронов в военной сфере, которое было начато в статье автора С. Н. Гонта [2], где на примере военных конфликтов последнего времени прослеживается роль гражданских квадрокоптеров (дронов) в военной сфере. Однако, в этом исследовании анализируется именно боевое применение дронов, подробно не освещая тему противодействия таким средствам поражения.

Исходя из этого, в настоящей статье предлагается рассмотреть противоположную сторону сферы применения квадрокоптеров в боевых действиях, а именно методы противодействия таким дронам. Здесь стоит отметить, что в настоящее время активно разрабатываются и тестируются различные виды технического противодействия рассматриваемым дронам (прежде всего сфера РЭБ), однако пока такие системы либо несовершены в борьбе с FPV-дронами камикадзе, либо носят ограниченный характер и массово не встречаются на поле боя.

Поэтому в данной статье были выбраны для рассмотрения именно кустарные способы противодействия дронам, поскольку они, на сегодняшний день, являются наиболее распространенными и доступными, для военнослужащих обеих сторон, средствами противодействия дронам камикадзе.

Антидроновые защитные сети.

Первым рассмотрим наиболее легкий и наименее надежный способ защиты от FPV-дронов камикадзе – различные виды сетей.

Маскировочные сети давно используются практически во всех армиях мира, однако с началом СВО и широким применением дронов камикадзе стало понятно, что такие сети также могут быть в какой-то степени «ловушками» для дронов. Приведем здесь лишь несколько примеров такой защиты.

Еще на первых этапах проведения СВО госпогранслужба Украины сообщала о случае, когда российский FPV-дрон камикадзе при ударе по позициям солдат ВСУ запутался в маскировочной сети, установленной в расположении и не сдетонировал (Рисунок 1).

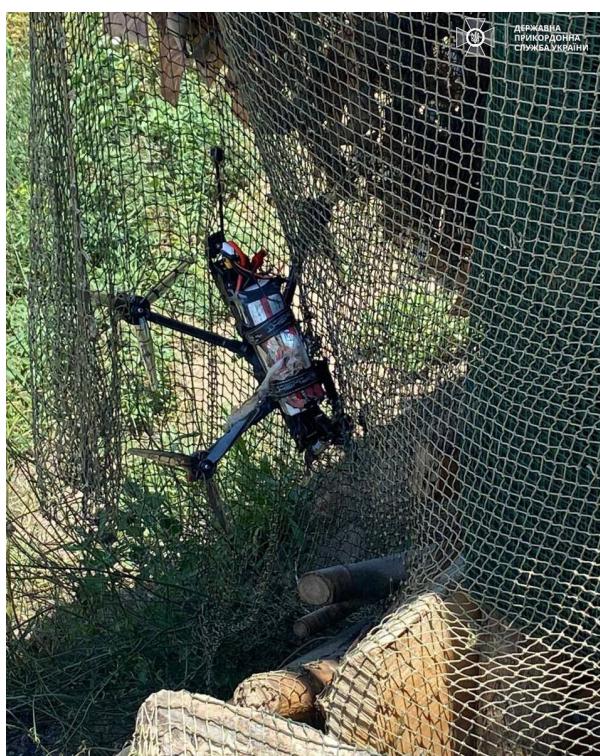

Рисунок 1. Российский FPV-дрон, застрявший в маскировочной сети.

Источник: Государственная Пограничная Служба Украины.

Здесь стоит отметить, что обычно, подобные дроны камикадзе в качестве боевой части несут кумулятивные гранаты ПГ-7ВР от советского РПГ-7 (т.н. «выстрел» РПГ), также могут дополнительно оснащаться пластидом. Исходя из этого, взрыв такого дрона происходит после непосредственного физического контакта с целью. Поэтому, если такой дрон по каким-либо причинам не соприкасается с объектом – детонации боевой части не происходит.

Еще один пример такой защиты, уже от российской стороны, из 2024 года, когда на позицию расчета российской гаубицы Д-30 прилетел украинский FPV-дрон камикадзе и также застрял в маскировочной сети (Рисунок 2).

Рисунок 2. Украинский FPV-дрон, застрявший в маскировочной сети.

Источник: YouTube-канал телеканала Забайкалье [\[11\]](#).

Как отмечается непосредственно военнослужащим в интервью, этот дрон удалось обезвредить путем контролируемого подрыва, расстреляв его из автомата. Позднее, когда стало понятно, что такая форма защиты от дронов камикадзе тоже возможна, военнослужащие на местах пошли дальше и стали развивать применение таких сетей.

Так, в 2022 году, западные и российские журналисты сообщали, что солдаты ВСУ начали использовать более утяжеленные, уже металлические сетки для защиты своих позиций с артиллерийскими установками, натягивая их над американскими гаубицами M777 (Рисунок 3).

Рисунок 3. Монтирование украинскими военными металлических защитных сетей над гаубицами M777.

Источник: ANNA NEWS [\[12\]](#).

Отметим, что такие металлические сетки могут быть довольно эффективными против легких FPV-дронов камикадзе, однако их эффективность резко снижается против более тяжелых вариантов барражирующих боеприпасов, таких, как российские Ланцеты и др.

Также, в 2023 году стало известно о том, что российские военные используют кустарные сетчатые каркасы для укрепления своих окопов и защиты их от поражения FPV-дронами камикадзе [\[13\]](#), аэрофотосъемка этих окопов была распространена в сети интернет.

Однако, в настоящее время отсутствует какая-либо информация об эффективности таких способов защиты от FPV-дронов камикадзе. Но отмечается, что основная цель таких защитных каркасов, в первую очередь, затруднение аэоразведки противника с помощью квадрокоптеров.

Таким образом, в конце данного раздела можно заключить, что рассмотренные защитные сети являются самой «первой линией обороны» от FPV-дронов камикадзе и носят, во многом, цель затруднить для противника разведку с воздуха. А функция защиты таких сетей от непосредственной детонации дронов камикадзе носит случайный характер, что и показывают вышеописанные примеры.

Антидроновые металлические защитные козырьки (т.н. «Мангалы»).

Следующий метод противодействия FPV-дронам камикадзе является, пожалуй, самым массовым и эффективным, который встречается как в российской армии так и в украинской. Спустя некоторое время после начала СВО, когда стало понятно, что гражданские квадрокоптеры и FPV-дроны камикадзе представляют значительную опасность для бронетехники на поле боя, непосредственно солдатами был найден простой, дешевый и, как потом оказалось, эффективный выход.

На все виды бронетехники стали навариваться самодельные силовые конструкции с козырьками, который предотвращают последствия сброса снарядов с квадрокоптеров или уменьшают ущерб от попадания в технику FPV-дронов камикадзе.

Такая кустарная защита показала вполне успешную защиту техники от легких от FPV-дронов камикадзе и дронов-сбрасывателей и поэтому вскоре стала массово применяться обеими сторонами. Номенклатура техники, которая снабжается такой защитой включает в себя практически всю колесную и гусеничную технику, которая участвует в боевых действиях (Рисунок 4).

Рисунок 4. Российский танк с заводским козырьком и дополнительной кустарной защитой из сетки рабицы.

Источник: Министерство обороны РФ.

Эти «технические новшества» были быстро подхвачены непосредственными производителями бронетехники. В качестве примера приведем российский «Уралвагонзавод», который в конце 2023 года стал оснащать свои танки уже заводскими козырьками от FPV-дронов камикадзе [\[14\]](#).

Здесь также стоит отметить, что помимо заводской защиты, военнослужащие активно дорабатывают антидроновую защиту уже по своему усмотрению, что видно по рисунку 4, где помимо штатного козырька установлена дополнительная планка защиты сзади. В этой связи уделим внимание материалам из которых делается такая кустарная антидроновая защита.

В качестве еще одного примера приведем здесь кадры госпогранслужбы Украины, распространенные в 2024 году. На них был показан процесс доработки канадского легкого бронеавтомобиля «Roshel», который активно используется различными подразделениями Украины с начала СВО.

«Голые» автомобили, прибывшие из Канады, уже на месте, непосредственно в самом подразделении, дорабатываются путем приваривания к наиболее уязвимым местам защитных антидроновых козырьков из сетки рабицы и планок арматуры (Рисунок 5).

Рисунок 5. Канадский бронеавтомобиль «Roshel» ГПСУ с кустарной антидроновой защитой из сетки рабицы.

Источник: Государственная Пограничная Служба Украины.

Отметим, опыт таких доработок не остался незамеченным в мире. После того, как 7 октября 2023 году боевики группировки ХАМАС вторглись в Израиль, на ближнем востоке произошел новый виток арабо-израильского конфликта. После октябрьских событий Израиль объявил военную операцию «железные мечи» против ХАМАСа в секторе газа. Практически сразу после начала активных боевых действий стало понятно, что израильские танки «Merkava» оказались практически беззащитны против атак боевиков ХАМАСа с использованием квадрокоптеров-сбрасывателей [\[2, с. 84-85\]](#).

Очевидно, что в своей военной подготовке боевики ХАМАСа использовали именно опыт СВО, где на тот момент уже давно применялись такие средства. Однако, армия Израиля очень быстро исправила свою ошибку и спустя некоторое время, в сети появились кадры работы подразделений ЦАХАЛА, где было видно, что танки «Merkava» также стали оснащаться кустарными антидроновыми козырьками (Рисунок 6).

Рисунок 6. Израильский танк «Merkava» с первоначальным вариантом антидронового козырька, начало операции в Рафахе.

Источник: Армия Обороны Израиля.

Позднее, стала появляться информация и кадры о новых вариантах андроновой защиты израильских танков [15]. Так, в конце января 2024 года в сети появились кадры с танками «Merkava», на которых можно увидеть улучшенные варианты антидроновых козырьков, установленных уже в заводских условиях (Рисунок 7).

Рисунок 7. Израильский танк «Merkava» с улучшенным антидроновым козырьком, 21 января 2024 года.

Источник: The Warzone [15].

Таким образом, Израиль стал одной из первых в мире страной, быстро заимствовавшей опыт Специальной Военной Операции. Однако, такой опыт постепенно стали использовать и другие страны. Так, в конце марта 2024 года стало известно о том, что и армия Китайской Народной Республики стала оснащать свою колесную бронетехнику антидроновыми козырьками (Рисунок 8).

Рисунок 8. Китайский БТР ZBD-09 на соревнованиях с наваренным антидроновым козырьком.

Источник: Defence Blog [\[16\]](#).

Кадры с вышеприведенным китайским БТРом были сделаны на военных соревнованиях с участием сухопутных сил войск народно-освободительной армии Китая (НОАК).

Отметим здесь еще одну страну, перенявшую опыт боевых действий СВО – Индию. На танках которой еще в октябре 2023 года были также замечены антидроновые козырьки, защищающие слабое место башни танка (Рисунок 9).

Рисунок 9. Индийский танк Т-90 с антидроновым козырьком.

Источник: StratNews Global.

Данная антидроновая защита была замечена на танках западного командования, которое отвечает за индийско-пакистанскую границу. Этот шаг выглядит вполне логичным, поскольку в настоящее время большинство вышеупомянутых террористических и иных группировок (ХАМАС, Хуситы [\[17\]](#) и др.) применяют легкие гражданские дроны, а, как известно, в индийско-пакистанских отношениях существуют определенные противоречия, не считая прямой угрозы от различных исламистских террористических организаций, базирующихся в Пакистане.

Таким образом, в конце данного раздела можно заключить, что рассмотренные выше

кустарные антидроновые козырьки стали обязательным и необходимым элементом защиты любой военной техники на поле боя. А опыт такой антидроновой защиты, полученный в ходе СВО, активно анализируется и начинает успешно применяться в армиях различных стран.

Антидроновые металлические и иные тяжелые защитные конструкции (т.н. «Штурмовые сараи» или «Танки-черепахи»).

Данный метод защиты от FPV-дронов камикадзе является логическим продолжением и совершенствованием предыдущих форм. Так, в конце апреля 2024 года ряд украинских СМИ начал сообщать о том, что в зоне СВО российские военные стали применять необычные виды укрепления своей бронетехники.

Позднее, уже российское минобороны и телеканал «Звезда» показали работу одной из таких машин на южно-донецком направлении [\[18\]](#). Здесь интересно рассмотреть именно антидроновую защиту данной гаубицы, которая представляет собой не только, ставший уже «классическим», антидроновый козырек, но и дополнительную тяжелую защиту в виде бревен из сруба, которые были установлены внутри защитного козырька по всему периметру башни (Рисунок 10).

Рисунок 10. Российская самоходная гаубица Мста-С «Косандра».

Источник: ТРК «Звезда»[\[19\]](#).

Как отмечается в интервью ТРК «Звезда» командира данного самоходного орудия: «металлическая решетчатая крыша на САУ «Мста-С», уберегает гаубицу от сбросов боеприпасов с квадрокоптеров типа «Баба-Яга», сетка в лобовой части защищает от залета FPV-дронов противника, а бревенчатый сруб вокруг башни, также защищает от мультикоптеров и артиллерийских осколков при контрбатарейных дуэлях» [\[18\]](#).

Здесь стоит отметить, что украинские ударные квадрокоптеры «Баба-Яга», которые ВСУ активно используют, представляют собой серьезную угрозу для бронетехники, поскольку может нести на себе до 4 кумулятивных гранат для сбрасывания, а его управление осуществляется через спутниковую сеть «Starlink».

Далее рассмотрим еще один кустарный метод защиты бронетехники от FPV-дронов камикадзе. Так, в апреле 2024 года также стало известно о том, что российские войска стали использовать в зоне СВО танки Т-72 с наваренной сверху листовой антидроновой защитой. По всей видимости, такие утяжеленные антидроновые конструкции были изначально антидроновыми козырьками на которые, впоследствии, наварили

металлические листы для большей защиты от дронов камикадзе.

Позднее, в сети появились кадры с еще более усовершенствованной конструкцией танка-черепахи [\[20\]](#), защита которого помимо металлических листов была сверху обшита дополнительными металлическими решетками (Рисунок 11).

Рисунок 11. Российский танк со сверхтяжелой антидроновой кустарной наваренной защитой.

Источник: Военное обозрение [\[20\]](#).

Такие усиленные танки украинские и западные СМИ сразу окрестили «штурмовыми салями», поскольку они были замечены в наступательных действий российских войск. Отметим, что такая антидроновая защита обладает кратко большей эффективностью по сравнению с обычными защитными козырьками, это же подтвердилось и последующими видеозаписями, где видно, что данный «дикобраз» (как его окрестили российские СМИ) выдержал попадание около 40 дронов камикадзе без какого-либо ущерба для себя.

В конце данного раздела можно заключить, что в настоящее время происходит эволюция защитных антидроновых козырьков в более мощные силовые конструкции, которые пока применяются лишь на самых горячих участках зоны СВО, при проведении штурмовых действий.

Заключение

В настоящее время становится очевидным, что с началом применения в боевых действиях квадрокоптеров и FPV-дронов камикадзе контекст самих военных конфликтов изменился. Массовое использование этих дешевых и, вместе с тем, эффективных способов поражения бронетехники создает неравную ситуацию, при которой дешевый дрон ценой в 300-400 долларов может эффективно уничтожать и выводить из строя дорогостоящую бронетехнику ценой в миллионы долларов. Поэтому такая ситуация потребовала незамедлительного решения проблемы FPV-дронов камикадзе на поле боя. И пока штатные технические средства противодействия дронам (лазерное оружие, системы РЭБ и др.) в настоящее время еще только тестируются или не так распространены в войсках, решение проблемы пришло снизу, а именно от военнослужащих на местах, которые своими силами стали разрабатывать и применять различные виды антидроновой защиты.

В данной статье мы рассмотрели основные методы кустарной защиты от FPV-дронов камикадзе, среди которых, конечно же, выделяются самодельные силовые конструкции и антидроновые сетчатые козырьки. Заметим, что если в самом начале СВО многие

западные журналисты и военные обозреватели откровенно высмеивали вооруженные силы РФ за использование кустарно наваренных антидроновых «грилей» и «мангалов», то в настоящее время абсолютно всем стала очевидна их достаточная эффективность в защите от FPV-дронов. А опыт такой защиты стал распространяться и в других странах мира, что видно из анализа примеров Израиля, Китая и Индии в данной работе.

Библиография

1. Соловатов И. А. Опыт боевого применения беспилотных аппаратов в конфликтах последнего времени по данным электронных СМИ // Военный сборник. – 2021. – № 9(2). – С. 121-134. – DOI: 10.13187/vs.2021.2.121. – EDN: ISQZKS.
2. Гонта С.Н. «Гражданские» квадрокоптеры (дроны) и их роль в современных военных конфликтах // Национальная безопасность / nota bene. 2023. № 6. С. 78-90. DOI: 10.7256/2454-0668.2023.6.69317 EDN: DRIWGL URL: https://e-notabene.ru/nbmag/article_69317.html
3. Шудря В. А., Маслов С. В., Сатин Б. В. Особенности противодействия в вооруженных конфликтах коммерческим и изготовленным кустарным способом беспилотным летательным аппаратам // Научный резерв. – 2020. – № 3(11). – С. 18-25. – EDN: OUUEMB.
4. Матарас А. А., Гуляев И. Ю. Анализ применения FPV дронов в ходе боевых действий 2014–2023 гг // Актуальные вопросы повышение эффективной огневой подготовки в силовых структурах: теория и практика (III Макаровские чтения): Всероссийский сборник научно-практических материалов, Пермь, 23 мая 2023 года / Под общей редакцией О. А. Емельянова. Том Выпуск 3. – Пермь: ФГКВОУ ВО «Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2023. – С. 135-141. – EDN: XCNJAX.
5. Лесков К. Е., Шарапов И. Ю. Применение беспилотных летательных аппаратов в ходе проведения специальной военной операции // Трансформация современной войны: Материалы III Всероссийской научной конференции, Омск, 16 февраля 2024 года. – Омск: Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, 2024. – С. 210-213. – EDN: UDFSKZ.
6. Konert A., Balcerzak T. Military autonomous drones (UAVs) – from fantasy to reality. Legal and Ethical implications // Transportation Research Procedia. – 2021. – Vol. 59. – P. 292-299. – DOI: 10.1016/j.trpro.2021.11.121.
7. Frizon G. Modern Military Drones [Электронный ресурс] // ResearchGate [сайт]. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/365144498_Modern_Military_Drones (дата обращения: 11.05.2024).
8. Kreps S., Lushenko P. Drones in modern war: evolutionary, revolutionary, or both? // Defense & Security Analysis. – 2023. – Vol. 39(2). – P. 271-274. – DOI: 10.1080/14751798.2023.2178599.
9. Sherman J. Drone-on-Drone Combat in Ukraine Marks a New Era of Aerial Warfare [Электронный ресурс] // Scientific American [сайт]. – 2023. – URL: <https://www.scientificamerican.com/article/drone-on-drone-combat-in-ukraine-marks-a-new-era-of-aerial-warfare/> (дата обращения: 11.05.2024).
10. Mohsan S. A. H., Othman N. Q. H., Li Y., Alsharif M. H., Khan M. A. Unmanned aerial vehicles (UAVs): practical aspects, applications, open challenges, security issues, and future trends // Intelligent service robotic. – 2023. – Vol. 16(1). – P. 109-137. – DOI: 10.1007/s11370-022-00452-4.
11. Дрон-камикадзе запутался в маскировочных сетях забайкальских волонтеров [Электронный ресурс] // YouTube Телеканал "Забайкалье" [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=G98p5uDIZBs&t=59s> (дата обращения: 09.05.2024).
12. Долбыш А. ВСУ начали применять металлические сетки против «дронов-камикадзе»

- [Электронный ресурс] // Информационное агентство ANNA NEWS [сайт]. – 2022. – URL: <https://anna-news.info/vsu-nachali-primenyat-metallicheskie-setki-protiv-dronov-kamikadze/> (дата обращения: 09.05.2024).
13. Российские войска начали оборудовать позиции специальной защитой от FPV-дронов [Электронный ресурс] // Военное обозрение [сайт]. – 2023. – URL: <https://web.archive.org/web/20240520132927/https://topwar.ru/231980-rossijskie-vojska-nachali-oborudovat-pozicii-specialnoj-zaschitoj-fpv-dronov.html> (дата обращения: 09.05.2024).
14. Рыбин А. УВЗ стал оснащать танки штатными козырьками от дронов-камикадзе [Электронный ресурс] // Российская газета [сайт]. – 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/10/11/uvz-stal-osnashchat-tanki-shtatnymi-kozyrkami-ot-dronov-kamikadze.html> (дата обращения: 12.05.2024).
15. Trevithick J. Israeli Merkava Tanks Get Improved Anti-Drone, Magnet Bomb Defenses [Электронный ресурс] // The Warzone [сайт]. – 2024. – URL: <https://www.twz.com/israeli-merkava-tanks-get-improved-anti-drone-magnet-bomb-defenses> (дата обращения: 10.05.2024).
16. Malyasov D. Chinese combat vehicles get 'cope cage' armor [Электронный ресурс] // Defence Blog [сайт]. – 2024. – URL: <https://defence-blog.com/chinese-combat-vehicles-get-cope-cage-armor/> (дата обращения: 12.05.2024).
17. Гонта С.Н., Иванов Н.А. Йеменские Хуситы («Ансар Аллах»): влияние Иранской прокси-силы на безопасность в регионе (в свете кризиса в Красном море) // Национальная безопасность / nota bene. 2024. № 1. С.1-20. DOI: 10.7256/2454-0668.2024.1.69629 EDN: MPIFNN URL: https://e-notabene.ru/nbmag/article_69629.html
18. Нахимов С. Самоходная «Изба Косандра»: САУ Мста-С с бревнами на башне, замечена на Южно-Донецком направлении фронта в зоне СВО [Электронный ресурс] // AMALNEWS [сайт]. – 2024. – URL: <https://amalantra.ru/samokhodnaya-izba-kosandra-mstas/> (дата обращения: 13.05.2024).
19. Лапик И. Бойцы из Бурятии укрепили башню самоходки «Мста» деревянным срубом [Электронный ресурс] // ТРК «Звезда» [сайт]. – 2024. – URL: <https://tvzvezda.ru/news/20244291628-4mprp.html> (дата обращения: 25.05.2024).
20. Показаны кадры участвующего в спецоперации российского танка – «дикобраза» с дополнительной защитой от дронов и мин [Электронный ресурс] // Военное обозрение [сайт]. – 2024. – URL: <https://topwar.ru/242001-pokazany-kadry-uchastvujuscheho-v-specoperacii-rossijskogo-tanka-dikobraza-s-dopolnitelnoj-zaschitoj-ot-dronov-i-min.html> (дата обращения: 13.05.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи. Методология исследования. В работе применены общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также метод контент-анализа, который достаточно широко используется в подобных исследованиях. Кроме того, были использованы историко-генетический и нарративный методы исследования. Актуальность В современных военных конфликтах противоборствующие стороны стали широко применять самодельные барражирующие боеприпасы – FPV-дроны камикадзе. Эти небольшие летательные аппараты наносят серьезный урон пехоте и технике и актуальной проблемой стал вопрос их защиты от дронов. Как показывает боевой опыт

кустарные (самодельные) средства защиты (маскировочные сети, металлические каркасы, металлические навесы, козырьки и т.д. и т.п.). Автор статьи отмечает, что актуальность исследования определяется тем, что «в настоящее время становится очевидным все возрастающее влияние FPV-дронов камикадзе и наличия защиты от них в армии на обороноспособность войск непосредственно на поле боя».

Научная новизна работы определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна заключается также в том, что данная статья фактически является первой работой, в которой изучен опыт защиты российской военной силы и техники от FPV-дронов комикадзе кустарными методами за время проведения СВО.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом можно отнести к научному, понятному не только для специалистов, но и широкого круга читателей. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования и состоит из следующих разделов: Введение; Материалы и методы исследования; Обсуждение; Результаты исследования; Антидроновые защитные сети; Антидроновые металлические защитные козырьки (т.н. «Мангалы»); Антидроновые металлические и иные тяжелые защитные конструкции (т.н. «Штурмовые сараи» или «Танки-черепахи»); Заключение. Во введении автор показывает особенности современных военных действий и отмечает широкое применение в боевых действиях FPV – дронов камикадзе, показывает актуальность изучаемой темы, отмечает цель и задачи исследования. Автор раскрывает методология и методы исследования и разъясняет почему им используемые методы выбраны. В следующем разделе представлены работы, в которых изучаемая в статье тема затрагивалась, перечислены работы отдельных российских авторов и коллектива исследователей, которые опубликовали работы, посвященные теме различных БПЛА и FPV-дронов. Также отмечены работы зарубежных ученых, военных специалистов и журналистов. В разделе «Результаты исследования», автор отмечает, что статья написана как бы в продолжение статьи А. Гонта о применении дронов в военных операциях и посвящена кустарным способам защиты от дронов кустарными методами, которые наиболее доступны противоборствующим сторонам. В остальных разделах статьи показаны кустарные методы защиты от дронов и названия разделов раскрывают о каких средствах защиты и методах защиты автор пишет. Эти разделы снабжены рисунками, которые дают читателю достаточно глубоко понять действие средств защиты. В заключении статьи автор приходит к объективным выводам и отмечает, что кустарные средства защиты показывают свою достаточно высокую эффективность и опыт России против дронов «стал распространяться и в других странах мира».

Библиография статьи состоит из разнообразных источников (статьи в научных журналах, сборниках статей, материалах конференций, теле и видеоматериалов и т.п.) на русском и английском языках. Следует отметить, что все работы, представленные в статье подготовлены в 2020-2024 гг. Библиография показывает, что автор статьи знаком с тематикой исследований по теме и грамотно использовал литературу и источники.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над статьей информации.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и вызовет интерес специалистов и широкого круга читателей.

Англоязычные метаданные

Features of the foreign experience of strategic management of the development of national pension systems

Kovalev Vladislav Alekseevich

student; Department of Public Finance; Financial University under the Government of the Russian Federation

49/2 Leningradsky ave., Moscow, 125167, Russia

✉ kovalevdocs@mail.ru

Abstract. The object of the study is pension systems of foreign countries. The subject of the study is the strategic management of pension system development. The paper considers the main characteristics and provisions of the long-term plans of foreign governments for managing the development of national pension systems, interconnected with the long-term goals of the development of the state and containing a set of reasonable tasks, tools, methods and financial resources to achieve this goal. The author has conducted a comparative analysis of strategic planning documents for the prerequisites for their adoption and the planning period, the formulation of indicators of implementation and the main directions of development, the details of development activities and the complexity of the planned changes. The factors influencing and influencing the management of foreign pension systems in the long term are noted. The study examines the question of how much more changes in pension systems are caused by socio-economic shocks and impulses than by government plans. The work uses coefficient, factorial, comparative, vertical and horizontal analysis of pension provision indicators and the implementation of strategic planning documents in foreign countries, and highlights the main components of long-term plans. Conclusions are drawn about the partial preservation of situational management of the development of pension systems and the presence of difficulties in strategic management, complemented by the correlation of waves of increasing and decreasing the number of pension reforms with business cycles. The deterioration of the demographic burden is presented as the main prerequisite for reforms, and the inclusion in the tasks of plans in all countries to introduce or improve the funded component of pension provision and the development of a multicomponent pension system determines the construction of a multi-level and diversified pension system as the main general trend of strategic management. The development planning horizon is from 5 to 14 years. Among the main indicators of their implementation are the replacement rate, the real growth in the size of pensions, indicators of poverty and inequality. In turn, indicators of the balance of the pension system and the absence of an increase in the retirement age are provided only in Moldova and Ireland, respectively.

Keywords: insurance pensions, social pensions, replacement rate, pension plans, pension reforms, strategic management, pension system, pension insurance, pension provision, social security

References (transliterated)

1. Balynin I.V. Osobennosti postroeniya pensionnykh sistem stran byvshego SSSR // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. – 2017. – № 2 (39). – S. 195-199.
2. Disney R. Are contributions to public pension programmes a tax on employment? //

- Economic Policy. – 2004. – Т. 19. – № 39. – С. 268-311.
3. Westerhout E. et al. Should we revive PAYG? On the optimal pension system in view of current economic trends // European Economic Review. – 2022. – Т. 148. – С. 104227.
 4. Caballero R.J., Farhi E., Gourinchas P.O. The safe assets shortage conundrum // Journal of economic perspectives. – 2017. – Т. 31. – № 3. – С. 29-46.
 5. Bonenkamp J. et al. Ageing-driven pension reforms // Journal of Population Economics. – 2017. – Т. 30. – С. 953-976.
 6. Gurvich E.T. Dolgosrochnye trendy pensionnoi politiki v mire // Finansovyj zhurnal. – 2019. – № 6. – С. 9-26.
 7. Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd.org/els/public-pensions/oecd-pensions-at-a-glance-19991363.htm>. (дата обращения: 10.12.2024).
 8. Shvandar K.V., Anisimova A.A. Podkhody k reformirovaniyu pensionnykh sistem v mire i rekomendatsii dlya Rossii // Finansovyj zhurnal. – 2021. – № 1. – С. 125-135.
 9. Transformatsiya pensionnykh sistem v usloviyakh vostochnoevropeiskoi modeli sotsial'nogo gosudarstva: komparativnyi analiz. Nauchnyi daidzhest. № 11. (16). 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/11/30/1714528476/Human_Capital_NCMU_Digest_16_Pension_Systems_Transformations_2022.pdf (дата обращения: 02.12.2024).
 10. Zhukova T.V. Volnovaya priroda pensionnykh reform. Pervaya volna. 1994–2008 gg. // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. – 2019. – № 6. – С. 130-151.
 11. Beetsma R.M. W.J., Romp W.E., van Maurik R. What drives pension reform measures in the OECD? Evidence based on a new comprehensive dataset and theory. – 2017.
 12. Whitehouse E. Pension indicators: reliable statistics to improve pension policymaking. – The World Bank. – 2012. – № 70347. – С. 1-12.
 13. Holzmann R. Global pension systems and their reform: Worldwide drivers, trends and challenges // International Social Security Review. – 2013. – Т. 66. – № 2. – С. 1-29.
 14. France's controversial pension reform, in detail. Le Monde. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.lemonde.fr/en/politics/article/2023/01/10/pension-reform-france-to-raise-minimum-retirement-age-to-64-by-2030_6011092_5.html
 15. Sinyavskaya O.V., Yakushev E.L., Chervyakova A.A. Rossiiskaya pensionnaya sistema v kontekste dolgosrochnykh vyzovov i natsional'nykh tselei razvitiya. NIU VShE. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/data/2024/02/29/2082823230/ros_pens_sistema.pdf
 16. Holzmann R., Hinz R. P., Dorfman M. Pension systems and reform conceptual framework // World Bank Discussion Paper. – 2008. – Т. 824. – 31 с.
 17. Guidelines relating to private pensions. OECD. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd.org/finance/private-pensions/oecdguidelinesrelatingtoprivatepensions.htm>
 18. Kramer M. C.F., Li M.Y. Reform of the Canada pension plan: Analytical considerations // International Monetary Fund. – 1997.
 19. Thailand Social Protection Diagnostic Review. Review of the pension system in Thailand. International Labour Organization 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/documents/publication/wcms_836733.pdf

20. Bloom D.E., McKinnon R. The design and implementation of public pension systems in developing countries: Issues and options // IZA Policy Paper. – 2013. – №. 59.
21. A Roadmap for Pension Reform 2018-2023. Government of Ireland. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://assets.gov.ie/10968/9740541c18cc4eaf92554ff158800c6f.pdf>
22. Commission presents White Paper on pensions. – [Elektronnyi resurs]. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/de/MEMO_12_108
23. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the Period Up To 2030. – [Elektronnyi resurs]. – URL: https://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/NDS-2030_edited_14.3.doc
24. Moldova 2020. National Development Strategy: 7 solutions for economic growth and poverty reduction. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mol145266.pdf>
25. Vision-2050. Introduction to Mongolia's long-term development policy document. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://vision2050.gov.mn/file/AlsiinkharaaEnglish1020.pdf>
26. Marketa P. Understanding EU action on pensions. 2023. – [Elektronnyi resurs]. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/753953/EPRS_BRI\(2023\)753953_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/753953/EPRS_BRI(2023)753953_EN.pdf)
27. Konventsya Mezhdunarodnoi organizatsii truda ot 28.06.1953 № 102 «O minimal'nykh normakh sotsial'nogo obespecheniya».
28. Aggregate replacement ratio. Eurostat. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/bookmark/7d467608-9efd-4a7e-aeb4-9f6b57ba3c10?lang=en>
29. Net pension replacements rates. OECD. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://data.oecd.org/pension/net-pension-replacement-rates.htm>
30. Social Security Sector Plan. Vision 2030 Jamaica National Development Plan. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.vision2030.gov.jm/wp-content/uploads/sites/2/2020/12/Microsoft-Word-Social-Security-Sector-Plan.pdf>
31. Universal old-age pensions in Mongolia. ILO. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.ilo.org/publications/universal-old-age-pensions-mongolia>
32. Outline of the 14th Five-Year Plan (2021-2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China. – [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm
33. National Social Security Strategy (NSSS) of Bangladesh. – [Elektronnyi resurs]. – URL: https://bcsadminacademy.portal.gov.bd/sites/default/files/files/bcsadminacademy.portal.gov.bd/page/6a28f1e5_7ded_44a1_a531_bd13881c8e0c/NSSS-3rd-Version-Web-version.pdf
34. Action Plan 2016-2021 Cabinet Division and General Economics Division of Planning Commission Government of the People's Republic of Bangladesh Implementation of National Social Security Strategy (NSSS) of Bangladesh. – [Elektronnyi resurs]. – URL: https://file-dhaka.portal.gov.bd/files/dss.rajabari.gov.bd/notices/0fdaca1f_1eec_4246_be67_3bdfcc7c4f96/b63f4da3faf1f80bf0a17a206492f564.pdf
35. Strategic Plan 2020/2021 – 2024/2025. Government Pensions Administration Agency. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.gpaa.gov.za/downloads/Strategic%20Plan%20Strategic%20Plan%202014-20pm.pdf>
36. The Pensions Authority statement of strategy 2022 to 2024. – [Elektronnyi resurs]. –

URL: https://pensionsauthority.ie/wp-content/uploads/2023/07/pensions_authority_statement_of_strategy_2022-2024.pdf

37. Agency Strategic Plan: Fiscal Years 2022–2026. Social Security Administration. – [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.ssa.gov/agency/asp/materials/pdfs/SSA_Agency_Strategic_Plan_Fiscal_Years_2022-2026.pdf
38. Regulating the pensions and retirement income sector: our joint regulatory strategy. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.thepensionsregulator.gov.uk/en/about-us/how-we-regulate-and-enforce/fca-and-tpr-joint-strategy>
39. MPBT Strategic Plan, 2023–2026. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://mpp.pensionsbc.ca/documents/391208/1204262/%28PDF%29+MPBT+2023-2026+Strategic+plan.pdf/3c2c0403-57eb-e4e6-ae21-a73ed232fd71?t=1689612910107>
40. Shvandar K.V., Anisimova A.A., Kamenskaya N.Yu. Tendentsii izmeneniya arkitektury naibolee ustoichiviykh mnogourovnevykh pensionnykh sistem // Finansovyi zhurnal. – 2024. – № 4. – S. 82-94.
41. Balynin I.V. Pensionnye sistemy zarubezhnykh stran: analiz klyuchevykh pokazatelei i osobennosti postroeniya // Audit i finansovyi analiz. – 2017. – № 1. – S. 353-358.
42. Molina O.A., Yarin V.Yu., L'vova M.I., Yuzvovich L.I. Sovremennaya paradigma pensionnogo obespecheniya v Evrope // Voprosy upravleniya. – 2024. – № 4 (89). – S. 68-79.
43. Dedák I., Fiser N. Pension reforms in Hungary: have they gone too far? // Journal of Pension Economics & Finance. – 2024. – № 23. – S. 438-453.

Analysis of the effectiveness of seaports in the Far Eastern basin based on a stakeholder approach

Martinov Dmitrii Valer'evich

Postgraduate Student; Department of Mathematics and Modeling; Vladivostok State University

41 Gogol St., room 1443, Primorsky Krai, 690014, Russia

✉ graduate-2023@bk.ru

Mazelis Lev Solomonovich

Doctor of Economics

Professor; Department of Mathematics and Modeling; Vladivostok State University

41 Gogol St., room 1443, Primorsky Krai, 690014, Russia

✉ lev.mazelis@vvsu.ru

Abstract. The article examines current methodological issues of assessing the effectiveness of seaports in the Far Eastern basin, based on a stakeholder approach. Ports play a key role in global supply chains, ensuring economic growth, attracting investment and infrastructure development. However, traditional approaches to evaluating their effectiveness are insufficient, as they do not take into account the interests of various groups of stakeholders. The aim of the study is to develop a universal assessment tool that reflects the needs of all major stakeholder groups, taking into account their importance. Government and corporate reports are used to form the source database. The subject of the study is a methodology for

the comprehensive assessment of the effectiveness of seaports using a stakeholder approach. The object of the study is the seaports of the Russian Far Eastern basin, analyzed taking into account their impact on the economic, social and environmental aspects of regional development. The research methodology includes the formation of an integral performance indicator, which is a convolution of stakeholder performance indicators based on an analysis of various aspects of the port's activities and their impact on regional and national development. The novelty of the research lies in an integrated assessment approach that takes into account the interests of stakeholders and links the results with the concept of sustainable development. The findings highlight the importance of port operations not only for the economic and social growth of the region, but also for national security, given their strategic role in global supply chains. The results of the study show that the ports of Vladivostok and Vostochny are the leaders in efficiency, demonstrating consistently high performance in most categories. The ports of De-Kastri and Nikolaevsk-on-Amur turned out to be the least effective. The research results have a wide range of practical applications, both in terms of increasing the port's competitiveness, as well as for sustainable development and balanced growth in socio-economic and environmental contexts.

Keywords: social efficiency, environmental efficiency, regional efficiency, federal efficiency, sustainable development, competitiveness, Far Eastern Basin, the stakeholder approach, port performance indicators, seaport

References (transliterated)

1. Lee S.W., Song D.W., Ducruet C. A tale of Asia's world ports: The spatial evolution in global hub port cities. *Geoforum*. 2008. Vol. 39(1). Pp. 372-385. DOI: 10.1016/j.geoforum.2007.07.010.
2. Zaostrovskikh E. A. Metody izmereniya effektivnosti raboty transportnykh svyazei morskikh portov s vnutrennimi regionami. *Regional'nye problemy*. 2016. T. 19, № 2. S. 60-65.
3. Zaostrovskikh, E. A. Issledovanie vliyaniya morskikh portov na razvitiye Primorskogo kraja. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2023. T. 54 № 4. S. 31-36. DOI: 10.18324/2224-1833-2023-4-31-36
4. Nikolaeva N.K., Davydova A.L. Ob otsenke effektivnosti raboty morskikh portov. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2004. T. 3. S. 145-146.
5. Ksenzova N.N. Ksenzova, N. N. Mnoghestvennaya regressiya kak osnova dlya issledovaniya zavisimosti mezhdu pokazatelyami deyatel'nosti morskogo porta. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya sistemy otrazhennogo transportnogo obrazovaniya : Sbornik statei VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Kazan', 28 iyunya 2024 goda. Kazan': Volzhskii gosudarstvennyi universitet vodnogo transporta, 2024. S. 74-81.
6. Khasanov D.S. Multiplikativnoe vliyanie deyatel'nosti portov na razvitiye regiona. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. 2023. T. 88, № 4. S. 93-95.
7. Eglit Ya.Ya., Eglite K.Ya., Solomatina Yu.A., Mylnikova E.P. Analiz logisticheskikh protsessov v portu. *Ekspluatatsiya morskogo transporta*. 2021. № 4 (101). S. 3-6. DOI: 10.34046/aumsuomt01/
8. Notteboom T., Rodrigue J.-P. Port regionalization: towards a new phase in port development. *Maritime Policy & Management*. 2005. Vol. 32(3). Pp. 297-313. DOI: 10.1080/03088830500107477
9. Timoshina A.S., Treiman M.G. Otsenka konkurentospособности morskogo porta na

- rynke transportno-logisticheskikh uslug (na primere OAO "Kalininogradskii morskoi torgovyi port"). Innovatsii. Nauka. Obrazovanie. 2020. № 13. S. 130-134.
10. Baburin V.A., Mineev S.K., Baburina K.R. Otsenka ekonomiceskoi effektivnosti sovershenstvovaniya organizatsii obsluzhivaniya sudov v portakh. Vestnik gosudarstvennogo universiteta morskogo i rechnogo flota imeni admirala S.O. Makarova. 2013. № 2. S. 158-165.
 11. Zhelezkova, P. E. Ekonomiceskaya otsenka urovnya razvitiya portov. Uspekhi sovremennoi nauki. 2016. T. 3. № 11. S. 133-136.
 12. Tovar B., Wall A. The relationship between port-level maritime connectivity and efficiency. Journal of Transport Geography. 2022. Vol. 98. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0966692321002660> (accessed 24.11.2024)
 13. Acciaro M., Vanelslander T., Sys C. i dr. A framework for successful implementation of green innovation in seaports. Maritime Policy and Management. 2013. Vol. 41(5). Pp. 480-500. URL: https://www.academia.edu/31026812/A_framework_for_successful_implementation_of_green_innovation_in_seaports?auto=download (accessed 11.12.2024)
 14. Taljaard, S., Slinger, J. H., Weerts, S. P., Vreugdenhil, H. S. I., & Nzuza, C.. Circles of port sustainability: A novel method combining global comparability and local relatability in performance assessment. Environmental Development, 2024 Vol. 52. DOI: 10.1016/j.envdev.2024.101068
 15. Ivanova M.S., Kim A.V. Otsenka ekologicheskikh posledstvii deyatel'nosti morskogo porta dlya pribrezhnoi territorii. Uchenye zametki TOGU. 2016. №7 (2). S. 130-135.
 16. Li J., Ren J., Ma X., Xiao G. Environmental efficiency of ports under the dual carbon goals: Taking China's Bohai-rim ports as an example. Frontiers in Marine Science. 2023. Vol. 10. Pp. 2563-2575. DOI: 10.3389/fmars.2023.1129659
 17. Lee T., Yeo G.T., Thai V.V. Environmental efficiency analysis of port cities: Slacks-based measure data envelopment analysis approach. Transport Policy. 2014. Vol. 33. Pp. 82-86. DOI: 10.1016/j.tranpol.2014.02.009
 18. Vanelslander T. Seaport CSR: Innovation for economic, social and environmental objectives. Social Responsibility Journal. 2020. Vol. 12(2). Pp. 382-396. URL: https://www.researchgate.net/publication/304003579_Seaport_CSR_Innovation_for_economic_social_and_environmental_objectives. (accessed 19.12.2024)
 19. Syachin V.G., Epshtein V.A. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' kitaiskikh kompanii-operatorov morskikh portov: sostoyanie i perspektivy realizatsii v zarubezhnykh portakh s kitaiskim uchastiem. Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya. 2023. № 5 (1) S. 133-140. DOI: 10.24412/2686-9675-1-2023-133-142.
 20. Kittsmann Kh., Tsyplakova E. G., Sin'ko G. I., Strimovskaya A. V., Ryumkina K. A. Analiz effektivnosti funktsionirovaniya morskikh portov Baltiiskogo basseina Rossii // Baltiiskii region. 2023. T. 15, № 2. S. 103-125. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-2-6.
 21. Dariusz B., Christian L. Sustainable gains from inland waterway investments at port-city interface. Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2024. Vol. 200. DOI: 10.1016/j.rser.2024.114584.
 22. Bodrovtseva N.Yu. Sistematisatsiya faktorov i pokazatelei otsenki konkurentospособности morskikh portov. Transportnoe delo Rossii. 2017. № 2. S. 105-109.
 23. Ivatanova N. P., Stoyanova I. A. Rol' portovoi infrastruktury v reshenii sotsio-ekologoekonomiceskikh problem regional'nogo razvitiya. Ekonomika: vchera,

segodnya, zavtra. 2023. T. 13, № 3-1. S. 100-107. DOI: 10.34670/AR.2023.72.74.006

24. Tkachenko I.N. Steikkholdery publichnogo upravleniya: nauchnyi obzor sovremennoykh issledovanii. Vestnik evraziiskoi nauki. 2023. T. 15. № 6. URL: <https://esj.today/PDF/40ECVN623.pdf> (data obrashcheniya 27.11.2024)
25. Solodukhin K.S., Rakhmanova M.S. Innovatsionnyi strategicheskii analiz vuza na osnove teorii zainteresovannykh storon. Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2011. 216 c.

Comparative study of the SCO Regional Anti-Terrorism Structure and the CIS Counter-Terrorism Center in the field of anti-terrorism

Li Ziman

Postgraduate student; Department of Public Policy and History of State and Law; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

10 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 949124928@qq.com

Abstract. The subject of the article is a discussion of the SCO Regional Anti-Terrorist Structure and the CIS Anti-Terrorist Center, which offer new approaches to future anti-terrorist cooperation. The article focuses on two regional anti-terrorism bodies, which have different anti-terrorism legislation and priorities, different leading countries and different potential for developing anti-terrorist cooperation, each of which has its advantages. Both organizations face the threat of terrorism existing in the common Central Asia and neighboring regions, and in order to enhance the ability to combat terrorism, anti-terrorist cooperation between the two organizations at the international, regional and domestic levels provides theoretical and practical recommendations for regional anti-terrorist cooperation and contributes to the improvement and development of mechanisms for regional anti-terrorist cooperation. The article uses the method of comparative research, and summarizes the advantages and disadvantages of the two organizations in anti-terrorist cooperation by comparing and analyzing their founding goals, internal structures and mechanisms of work. The novelty of the article lies in the fact that previous studies of anti-terrorist cooperation were mainly devoted to the analysis of individual international organizations, whereas this article compares and compares the SCO RATS and the CIS ATC in order to offer new ideas for studying regional anti-terrorist cooperation.

It is concluded that both organizations contribute to building global and regional security systems, but the CIS ATC has more comprehensive anti-terrorism legislation, while the SCO RATS has weak legislation; the CIS ATC is mainly dominated by Russia, while the SCO RATS is dominated by China and Russia; the number of CIS ATC member states is declining, and the development potential is limited, while the SCO RATS is shrinking. The number of CIS ATC member countries is decreasing, and its development potential is limited, while the SCO RATS is growing and has great development potential. Anti-terrorist cooperation in regional organizations should fully play the role of leading countries, take into account the interests and needs of member States, and clarify the jurisdiction of anti-terrorist cooperation.

Keywords: Russia, China, international organizations, regional security, international relations, Anti-terrorist cooperation, The Commonwealth of Independent States, Anti-terrorism Center, Shanghai Cooperation Organization, Regional anti-terrorist structure

References (transliterated)

1. ATTs SNG prinyal uchastie v operatsii Interpola «i-batch» (g. Kolombo, Shri-Lanka). URL: <https://cn.cisatc.org/1289/9141> (data obrashcheniya: 02.12.2024)
2. Li Yuntsyan'. Antiterorizm SNG. Issledovanie mekhanizmov regional'nogo sotrudnichestva v Tsentral'noi Azii. 2022. S. 80–81.
3. Ma Chzhengan. Ustoichivyi progress Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva. Eksperty i uchenye obsuzhdayut ShOS. Izdatel'stvo «Mirovoe znanie». 2006. 228 s.
4. Memorandum o vzaimoponimanii mezhdu OON i ATTs SNG, antiterroristicheskii tsentr gosudarstv-uchastnikov sodruzhestva nezavisimykh gosudarstv. URL: <https://cn.cisatc.org/1289/9141> (data obrashcheniya: 02.11.2024)
5. Memorandum o vzaimoponimanii mezhdu sekretariatom ShOS i Upravleniem OON po narkotikam i prestupnosti. 2022. URL: <https://chn.sectsco.org/20220317/823552.html> (data obrashcheniya: 02.12.2024)
6. Rakhimov K. Kh. Monografiya pod redaktsiei V. V. Paramonova «Vzaimootnosheniya gosudarstv Tsentral'noi Azii s Rossiei i Kitaem: ot teorii k praktike» // Postsovetskie issledovaniya. 2024. T. 7, № 6. S. 681–687.
7. Rashid Alimov. Sozdanie, razvitiye i perspektivy Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva. Pekinskoe narodnoe izdatel'stvo. 2018.
8. Sovmestnoe antiterroristicheskoe uchenie «Donbass-antiterror-2011». URL: <https://cn.cisatc.org/1289/133/161/7142> (data obrashcheniya: 04.12.2024)
9. Struktura ShOS i Interpol nameryny igrat' aktivnyu rol' v ukreplenii regional'noi bezopasnosti. URL: <http://chn.sectsco.org/news/20190314/518350> (data obrashcheniya: 02.12.2024)
10. Sun' Zhuan'chzhi. Sotrudnichestvo ShOS v oblasti antiterorizma i bezopasnosti: protsessy i perspektivy // Sovremennyi mir. 2008. № 11. S. 21.
11. Ucheniya po antiterorizmu Syamen'-2019. URL: <https://sputniknews.cn/20191018/1029864576.html> (data obrashcheniya: 02.12.2024)
12. Federal'noe agentstvo bezopasnosti RF: strany SNG obsudyat voprosy antiterroristicheskogo sotrudnichestva v Moskve. 2017. URL: <http://sputniknews.cn/politics/201712191024312418/> (data obrashcheniya: 02.11.2024)
13. Chen' Syaodin, Van Kuimei. Vybor puti dlya uglubleniya sotrudnichestva v oblasti bezopasnosti v ShOS posle rasshireniya chlenstva // Mirovaya ekonomika i politika. 2023. № 3. S. 108–109.
14. ShOS zayavlyayet o chrezvychainoi vazhnosti sotrudnichestva s ODKB v bor'be s terrorizmom. 2022. URL: <https://sputniknews.cn/20220831/1043516593.html> (data obrashcheniya: 25.03.2024)
15. ShOS i Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti (UNP OON) aktiviziruyut sotrudnichestvo v ramkakh sovmestnykh programm po bor'be s narkougrozoi. 2018. URL: <http://chn.sectsco.org/20180312/394906.html> (data obrashcheniya: 04.12.2024)
16. Azizi S. China's Belt and Road Initiative (BRI): The Role of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in Geopolitical Security and Economic Cooperation // Open Journal of Political Science. 2024. Vol. 14, № 1. P. 111–129.
17. Mattli W. The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond. Cambridge UP, 1999.
18. Miglietta J. Great Power Rivalry and the Politics of Central Asia // Dynamics of the Changing Global Security Order. 2024. P. 17.
19. Mikhaylenko E., Ospanova A., Lagutina M. The SCO and security cooperation // The

- Shanghai Cooperation Organization. Routledge, 2022. P. 38–52.
20. Pradhan R., Kakoty S. Security Integration in the Post-Soviet Space and Collective Security Treaty Organization: Roadmap for Future Cooperation. Springer Nature, 2024.
 21. Yuan J. Forging a new security order in Eurasia: China, the SCO, and the impacts on regional governance // Chinese Political Science Review. 2023. Vol. 8, № 3. P. 422–439.
 22. Zhao J., Wang X., Zhan J. Is international cooperation effective in combating terrorism? Evidence from the Shanghai Cooperation Organization // Applied Economics. 2024. P. 1–16.

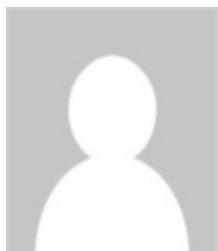
The impact of geopolitical challenges on the development of the automotive market in the context of Industry 4.0

Chistyakov Ilya Aleksandrovich

Postgraduate student of the Department of World Economy at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; General Director of "Retel" LLC.

53/2c1 Ostozhenka str., Moscow, 119021, Russia

✉ iliaktb@inbox.ru

Abstract. The subject of the study is the mechanisms of influence of geopolitical challenges on the automotive market in the context of Industry 4.0. The object of the study is the transformational processes in the global and Russian automotive industries under the influence of sanctions, supply chain disruptions and digitalization trends. Special emphasis is placed on the processes of regionalization of the global economy, which is the result of a rethinking of globalization by world powers and the realization that the current global political environment is too unstable, which in turn pushes countries to strengthen their own economies and economic ties with new international partners. The aim of the study is to identify the key factors influencing political instability and new technological solutions on the development of the automotive industry in the context of the transition from globalization to regionalization. Special attention is paid to the Russian automotive market, its current state and prospects. It is also noted how increasing the technological stability of an enterprise will make it less susceptible to political risks. The paper uses analytical methods, including comparative analysis, economic modeling, and a review of current scientific sources and statistical data. The scientific novelty lies in an integrated analysis of the impact of geopolitical challenges on the automotive market through the prism of Industry 4.0 technologies. The main results include conclusions on the need to develop Industry 4.0 technologies to strengthen the national automotive industry and achieve technological sovereignty, recommendations for creating sustainable regional economic platforms for technological exchange with friendly countries, conclusions on the importance of government support programs that They include tax incentives and subsidies to stimulate the domestic automotive industry and specifically high-tech solutions in it, as well as a strategy of cooperation with Chinese automakers with a focus on localization and technology exchange to increase the competitiveness of the Russian automotive industry. The presented results help to form a more sustainable model for the development of the automotive industry, able to withstand external challenges.

Keywords: digitalization, localization of production, technological independence, sanctions, The Internet of Things, economic security, automotive industry, geopolitics, national markets, global economy

References (transliterated)

1. Il'ina Yu. A. Ustoichivost' global'nykh tsepei postavok v usloviyakh nestabil'noi vneshnei sredy // Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk. 2016. № 52. S. 75-79.
2. Brodetskii G. L., Gerami V. D., Gusev D. A., Kolik A. V. Transformatsiya tsepei postavok v situatsii global'nogo krizisa. Analiz i prognoz // Zhurnal IMEMO RAN. 2023. № 2. S. 14-23.
3. Toygar A., Umut Y. Examining the Effects of the Russia Ukraine Conflict on Global Supply Chains // Handbook of Research on War Policies, Strategies, and Cyber Wars, 1st edition. IGI Global. 2023.
4. Portanskii A.P. Opasnost' fragmentatsii global'noi ekonomiki narastaet // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. 2024. № 2. S. 7-20.
5. Campos R. G., Estefania-Flores J., Furceri D., Timini J. Geopolitical fragmentation and trade // Journal of Comparative Economics. 2023. Vol 51, № 4. P. 1289-1315.
6. Storchak D. M. Vliyanie politiko-ekonomicheskikh faktorov na avtomobil'nyu industriyu v 2022 godu // Interaktivnaya nauka. 2022. № 4 (69). S. 57-58.
7. Mirzakhanov R. N., Zhuravleva K. V. Razvitie avtotransportnoi promyshlennosti v usloviyakh sanktsii // Vestnik nauki. 2022. № 6 (51). S. 106-115.
8. Loban N. V. Metody preodoleniya krizisnykh yavlenii v kompaniyakh avtomobil'noi industrii // Innovatsii i investitsii. 2021. № 12. S. 219-224.
9. Black A., Roy P., El-Haddad A., Yilmaz K. The Political Economy of Automotive Industry Development Policy in Middle Income Countries: A Comparative Analysis of Egypt, India, South Africa and Turkey // ESID Working Paper. 2023. № 143. P. 1-35.
10. Monye S., Afolalu A., Lawal L., Oluwatoyin O., Adeyemi A., Ughapu E., Adegbenjo A. Impact of Industry (4.O) in Automobile Industry // E3S Web of Conferences. 2023. № 430. P. 1-21.
11. Semenova Yu. E., Rodichenko T. D. Avtomobil'nyi rynok v nastoyashchee vremya. Polozhenie i tendentsii // Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya. 2023. № 3. S. 134-140.
12. Carmo M.J., Mario S.C., Donadone J.C. The new geographical configuration of production in the global automotive sector // Conference: Reunión Iberoamericana de Socioeconomía. RISE/SASE. Heredia, Costa Rica. 2019.
13. Tsaregorodtseva S. R., Tikhonova O. Yu., Kotova T. V., Evdokimova A. S. Sanktsii kak ugroza natsional'noi ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // Kreativnaya ekonomika. T. 18. № 9. S. 2433-2444
14. Andrianova, N. V. Kak vyzhit' KAMAZu v usloviyakh sanktsii? // Molodoi uchenyi. 2015. № 12. S. 376-379.
15. Yakovlev P. P. Global'nyi yug: kontseptual'nye podkhody i sotsial'no-ekonomicheskie protsessy // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2021. № 2. S. 6-27.
16. Mikatekiso K. Global'nyi Yug i Blizhnii Vostok // Rossiya v global'noi politike. 2024. № 1. S. 93-96.
17. Ivashchenko D. A. Vliyanie pandemii COVID-19 na tsifrovizatsiyu ekonomiki ES // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2020. № 12-1. S. 257-261.
18. OECD Embracing the Technology Frontier // OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1). OECD Publishing, Paris. 2024.

19. Shevchenko B. I. Paradigmy vzaimosvyazi mirovoi politiki i mirovoi ekonomiki v sovremennom mire // Ekonomicheskii zhurnal. 2016. № 42. S. 103-116.
20. Shishkov Yu. V. Regionalizatsiya i globalizatsiya mirovoi ekonomiki: al'ternativa ili vzaimodopolnenie? // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2008. № 8 C. 3-20.
21. Pas'ko A. V. Osobennosti vliyaniya globalizatsii na razvitiye mirovoi avtomobil'noi promyshlennosti // Vestnik GUU. 2014. № 15. S. 59-62.
22. Kand rashina E.A., Ashmarina S.I., Aleshkova D.V., Vorotnikova M.V. The Level of Production Localization of Automotive Industry Enterprises in Russia // SHS Web of Conferences. 2020. № 73. P. 1-6.
23. Zhurova L. I. Vliyanie ekonomiceskikh sanktsii na razvitiye avtomobil'noi promyshlennosti Rossii // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovia. 2023. № 1. S. 32-48.
24. Popova I. N., Sergeeva T. L. Importozameshchenie v sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy // Beneficium. 2022. № 2 (43). S. 73-84.
25. Jiebing G. Big Data Analysis for Supply Chain Management in Vehicle Industry // BCP Business & Management. 2022. № 34. P. 1192-1197.

The history of the development of "hybrid" actions from wars "under a false flag" to "smart power"

Tikhanychev Oleg Vasilievich

PhD in Technical Science

Deputy Head of the Department of Advanced Development Management, "Technoserv Group"

13 Yunost str., Moscow, 111395, Russia

 to.technoserv@gmail.com

Abstract. The object of the study is "hybrid confrontation", the subject of the study is the principles of its organization in relation to the new conditions of implementation: globalization and informatization of the modern world. The article analyzes the main components of "hybrid" actions and, based on the analysis of historical experience, it is concluded that these approaches have deep historical roots. We are not talking about the "classic" use of mercenaries, even in the form of private military companies, not about proxy conflicts, namely about "hybrid" actions when the customer and the purpose of attracting armed formations are hiding, and, most importantly, military actions are accompanied by economic confrontation and information and psychological operations. Prototypes of such actions, implemented in the form of proxy conflicts, as shown by historical analysis, can be found already in the wars of the XV-XVII centuries, but they really began to be conducted in recent years, with the unification of the principles of proxy warfare at the lower level and "offshore balancing" at the global level. Based on the analysis of the historical experience of warfare and armed conflicts, it is concluded that modern "hybrid" actions are a direct development of long-known tactical proxy conflicts, and their development at the strategic level of "offshore balancing", and the threat of "hybrid" confrontation is relevant now and in the foreseeable future, but to counteract it the existing methods of armed confrontation are ineffective. The author concludes that it is necessary to ensure the readiness of our country to fend off such threats, describes possible aspects of the organization of counteraction.

Keywords: flexible force, smart power, private military companies, information confrontation,

sanctions and blockades, economic wars, mercenarism, hybrid war, proxy war, history of hybrid wars

References (transliterated)

1. Liddel Hart B.H. Strategy The Indirect Approach. New-York: Pentagon Press, 1954. 560 p.
2. Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. 1996. 353 p.
3. James N. Mattis, Frank Hoffman, Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. Proceedings Magazine. 2005, Vol. 132/11/1,233 URL: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf> (13.09.2022).
4. Kandrik M. Rethinking Russian Hybrid Warfare // IWC Perspectives. 2023. May. pp. 1-4. URL: https://irregularwarfarecenter.org/wp-content/uploads/2023-05-17-Perspectives_No_7_Rethinking-Russian-Hybrid-Warfare.pdf (12.08.2023).
5. Williamson Murray, Peter R. Mansoor. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. – Cambridge University Press, 2012.
6. Manilo A.V. Tsvetnye revolyutsii v kontekste gibriddenykh voin // Pravo i politika. 2015. № 10. S. 1400-1405.
7. Fox A. C., Rossow A. J. Making. Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo-Ukrainian War (angl.) // The Land Warfare Papers. 2017. Mart (№ 112).
8. Roger N. McDermott. Russia's Electronic Warfare Capabilities to 2025: Challenging NATO in the Electromagnetic Spectrum. International Centre for Defence and Security. Tallin. 2017 – 48 c.
9. Boda M. Hybrid War: Theory and Ethics. Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. 2024, 1(23): 5-17. DOI: 510.32565/aarms.2024.1.
10. Caliskan Murat. Hybrid warfare through the lens of strategic theory. Defense & Security Analysis 2019. Vol.35, pp. 40-58.
11. Il'nitskii A.M. Mental'naya voina Rossii // Voennaya mysl'. 2021. № 8. S. 19-33.
12. Bogatyrev V.V. Problemy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya sovremenennykh gibriddenykh voin // Vestnik vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2021. № 2 (59). S. 34-38.
13. Pershin Yu.Yu. Gibriddenaya voina: neulovimye armii i nevidimye ruki // Voprosy bezopasnosti. 2020. № 2. S. 48-71. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.2.32680 URL: https://e-notabene.ru/nb/article_32680.html
14. Mezhdunarodnaya konvensiya o bor'be s verbovkoi, ispol'zovaniem, finansirovaniem i obucheniem naemnikov. Prinyata rezolyutsiei 44/34 General'noi Assamblei ot 4 dekabrya 1989 goda. Ofitsial'nyi sait OON. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (21.01.2021).
15. Litvinenko V., Dolmatov V. Vysokotochnye artilleriiskie sredstva ognevogo porazheniya // Armeiskii sbornik. 2023. № 7. S. 26-33.
16. Tikhanychev O.V. «Gibriddenye» voiny: istoriya, sovremennoe sostoyanie, osnovy protivodeistviya // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2019. № 1. S. 39-48. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.1.28100 URL: https://e-notabene.ru/nbmag/article_28100.html
17. Simonov A. Informatsionnaya voina Zapada protiv Ivana Groznogo // Voennoe obozrenie. URL: <https://topwar.ru/102277-informacionnaya-voyna-zapada-protiv-ivana-groznogo.html> (19.10.2016).

18. Mal'tsev D. «Chernye mify» o russkikh tsaryakh // Russkaya narodnaya liniya URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/05/31/chernye_mify_o_russkih_caryah (31.05.2012).
19. Vypasnyak V.I., Tikhanychev O.V., Gakhov V.R. Kiber-ugrozy avtomatizirovannym sistemam upravleniya // Vestnik Akademii voennykh nauk. 2013. № 1 (42). S. 103-109.
20. Joint Pub 3-13 «Information Operations», DOD US, December 1998. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (11.11.2009).
21. Sharp Gene. The Politics of Nonviolent Action. Boston, MA: Porter Sargent. 1973. 72 p.
22. Harsin Jayson. "Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies". Communication, Culture & Critique. 2015. 8(2), 327-333.
23. Parmar Inderjeet. "US Presidential Election 2012: Post-Truth Politics." Political Insight 3#2 (2012): 4-7.
24. Denezhnoe obrashchenie Rossii: Istoricheskie ocherki. Katalog. Materialy arkhivnykh fondov: v 3-kh tomakh / Bank Rossii; [red. sovet: G.I. Luntovskii, A.N.Sakharov, A.V.Yurov]. M.: INTERKRIM-PRESS, 2010.
25. Bokarev Yu.P. SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade, 1970-1980-e gody / Yu.P. Bokarev; IRI RAN. M.: Nauka, 2007. – 381 s.
26. Ginestet Andres. Climate-security nexus: System Theory of Violence and Complexity Architecture. COBAWU Institute, Wuppertal, Germany, February 15th-November 2019. 8 p.
27. Bartosh A.A. Model' gibrnidnoi voiny // Voennaya mysl'. 2019. № 5. S. 6-23.
28. Glaz'ev nazval strategicheskuyu oshibku Rossii: SShA uveli iz-pod nosa. Sait «Tsar'grad» URL: https://tsargrad.tv/news/glazev-nazval-strategicheskiju-oshibku-rossii-ssha-uveli-iz-pod-nosa_690034 (22.12.2022).
29. Manoilo A.V. Informatsionnye diversii v konflikte na Ukraine // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2022. № 4. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1130> (31.08.2023).
30. Bartosh A.A. Modeli eskalatsii sovremennoy voennyykh konfliktov // Voennaya mysl'. 2024. № 1. S. 21-36.
31. Tikhanychev O.V., Tikhanycheva E.O. Informatizatsiya kak put' ot iskusstva upravlyat' k nauke upravleniya // The Scientific Heritage, 2020. № 1 (46). C. 58-63.

Handmade methods of countering kamikaze FPV drones (based on the experience of the Special Military Operation)

Gonta Semen Nikolaevich

Student; Department of Theory of Law and State, History and Philosophy, Sochi State University

354000, Russia, Krasnodar Territory, Sochi, ul. Plastunskaya, 94

✉ rudolf.diesel.bmw@gmail.com

Ivanov Nikolai Aleksandrovich

Lecturer, Department of Physical Culture and Sports, Sochi State University

354000, Russia, Krasnodar Territory, Sochi, ul. Plastunskaya, 94

✉ ivanovnik45@yandex.ru

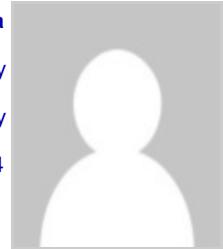

Malkova Yuliya Aleksandrovna

PhD in History

Associate Professor; Department of Theory of Law and State, History and Philosophy, Sochi State University

354000, Russia, Krasnodar Territory, Sochi, ul. Plastunskaya, 94

 malkov01@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of artisanal methods of countering kamikaze FPV drones. The relevance of the work is due to the fact that the experience of a special military operation (SVO) in Ukraine has shown not only the increasing importance of light quadcopters on the battlefield, but also the importance of having effective methods of protection against them. The object of the study is methods of countering kamikaze FPV drones. The subject of the study is the use of artisanal methods of countering kamikaze FPV drones in recent military conflicts. The authors in this work analyzed not only the artisanal methods of countering kamikaze FPV drones themselves, but also the process of their evolution, taking into account the experience of real military conflicts (primarily the Special Military Operation in Ukraine). The methodology of this study is based on general scientific methods (content analysis method), as well as on special historical research methods (narrative and historical-genetic). The scientific novelty of this work lies in a detailed study of artisanal methods of countering kamikaze FPV drones, as well as an analysis of their evolution, using the experience of the Special Military Operation (both sides) and the experience of modern military operations in the Gaza Strip between Israel and the Hamas group. The authors' special contribution to the study of the topic is a detailed description and analysis of the most effective methods of countering kamikaze drones, which have showed efficacy in modern combat conditions. The work also contains a large body of photographic materials illustrating the principles of operation of various homemade methods of countering kamikaze FPV drones. Based on the study, we can conclude that homemade methods of countering kamikaze FPV drones play a significant role in modern combat conditions, as well as the rapid adoption of experience in their use around the world. And while standard technical means of protection against kamikaze drones are not yet so developed or widespread among the troops, homemade methods remain an important part of protecting military equipment.

Keywords: FPV drones, kamikaze drones, protection of armored vehicles, anti-drone grid, anti-drone visors, military drones, UAVs, drones, Quadcopters, modern military conflicts

References (transliterated)

1. Solovatov I. A. Opyt boevogo primeneniya bespilotnykh apparatov v konfliktakh poslednego vremeni po dannym elektronnykh SMI // Voennyi sbornik. – 2021. – № 9(2). – S. 121-134. – DOI: 10.13187/vs.2021.2.121. – EDN: ISQZKS.
2. Gonta S.N. «Grazhdanskie» kvadrokoptery (drony) i ikh rol' v sovremennykh voennnykh konfliktakh // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2023. № 6. S. 78-90. DOI: 10.7256/2454-0668.2023.6.69317 EDN: DRIWGL URL: https://e-notabene.ru/nbmag/article_69317.html
3. Shudrya V. A., Maslov S. V., Satin B. V. Osobennosti protivodeistviya v vooruzhennykh konfliktakh kommercheskim i izgotovленnym kustarnym sposobom bespilotnym letatel'nym apparatam // Nauchnyi rezerv. – 2020. – № 3(11). – S. 18-25. – EDN: OUUEMB.
4. Mataras A. A., Gulyaev I. Yu. Analiz primeneniya FPV dronov v khode boevykh deistvii

- 2014–2023 gg // Aktual'nye voprosy povyshenie effektivnoi ognevoi podgotovki v silovykh strukturakh: teoriya i praktika (III Makarovskie chteniya): Vserossiiskii sbornik nauchno-prakticheskikh materialov, Perm', 23 maya 2023 goda / Pod obshchey redaktsiei O. A. Emel'yanova. Tom Vypusk 3. – Perm': FGKVOU VO «Permskii voennyi institut voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii», 2023. – S. 135-141. – EDN: XCNJAX.
5. Leskov K. E., Sharapov I. Yu. Primenenie bespilotnykh letatel'nykh apparatov v khode provedeniya spetsial'noi voennoi operatsii // Transformatsiya sovremennoi voiny: Materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Omsk, 16 fevralya 2024 goda. – Omsk: Voennaya akademiya material'no-tehnicheskogo obespecheniya im. generala armii A. V. Khruleva, 2024. – S. 210-213. – EDN: UDFSKZ.
 6. Konert A., Balcerzak T. Military autonomous drones (UAVs) – from fantasy to reality. Legal and Ethical implications // Transportation Research Procedia. – 2021. – Vol. 59. – P. 292-299. – DOI: 10.1016/j.trpro.2021.11.121.
 7. Frizon G. Modern Military Drones [Elektronnyi resurs] // ResearchGate [sait]. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/365144498_Modern_Military_Drones (data obrashcheniya: 11.05.2024).
 8. Kreps S., Lushenko P. Drones in modern war: evolutionary, revolutionary, or both? // Defense & Security Analysis. – 2023. – Vol. 39(2). – P. 271-274. – DOI: 10.1080/14751798.2023.2178599.
 9. Sherman J. Drone-on-Drone Combat in Ukraine Marks a New Era of Aerial Warfare [Elektronnyi resurs] // Scientific American [sait]. – 2023. – URL: <https://www.scientificamerican.com/article/drone-on-drone-combat-in-ukraine-marks-a-new-era-of-aerial-warfare/> (data obrashcheniya: 11.05.2024).
 10. Mohsan S. A. H., Othman N. Q. H., Li Y., Alsharif M. H., Khan M. A. Unmanned aerial vehicles (UAVs): practical aspects, applications, open challenges, security issues, and future trends // Intelligent service robotic. – 2023. – Vol. 16(1). – P. 109-137. – DOI: 10.1007/s11370-022-00452-4.
 11. Dron-kamikadze zaputalsya v maskirovochnykh setyakh zabaikal'skikh volonterov [Elektronnyi resurs] // YouTube Telekanal "Zabaikal'e" [sait]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=G98p5uDIZBs&t=59s> (data obrashcheniya: 09.05.2024).
 12. Dolbysh A. VSU nachali primenyat' metallicheskie setki protiv «dronov-kamikadze» [Elektronnyi resurs] // Informatsionnoe agentstvo ANNA NEWS [sait]. – 2022. – URL: <https://anna-news.info/vsu-nachali-primenyat-metallicheskie-setki-protiv-dronov-kamikadze/> (data obrashcheniya: 09.05.2024).
 13. Rossiiskie voiska nachali oborudovat' pozitsii spetsial'noi zashchitoi ot FPV-dronov [Elektronnyi resurs] // Voennoe obozrenie [sait]. – 2023. – URL: <https://web.archive.org/web/20240520132927/https://topwar.ru/231980-rossijskie-vojska-nachali-oborudovat-pozicii-specialnoj-zaschitoj-fpv-dronov.html> (data obrashcheniya: 09.05.2024).
 14. Rybin A. UVZ stal osnashchat' tanki shtatnymi kozyr'kami ot dronov-kamikadze [Elektronnyi resurs] // Rossiiskaya gazeta [sait]. – 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/10/11/uvz-stal-osnashchat-tanki-shtatnymi-kozyrkami-ot-dronov-kamikadze.html> (data obrashcheniya: 12.05.2024).
 15. Trevithick J. Israeli Merkava Tanks Get Improved Anti-Drone, Magnet Bomb Defenses [Elektronnyi resurs] // The Warzone [sait]. – 2024. – URL: <https://www.twz.com/israeli-merkava-tanks-get-improved-anti-drone-magnet-bomb->

- defenses (data obrashcheniya: 10.05.2024).
16. Malyasov D. Chinese combat vehicles get 'cope cage' armor [Elektronnyi resurs] // Defence Blog [sait]. – 2024. – URL: <https://defence-blog.com/chinese-combat-vehicles-get-cope-cage-armor/> (data obrashcheniya: 12.05.2024).
17. Gonta S.N., Ivanov N.A. Iemenskie Khusity («Ansar Allakh»): vliyanie Iranskoi proksily na bezopasnost' v regione (v svete krizisa v Krasnom more) // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2024. № 1. S.1-20. DOI: 10.7256/2454-0668.2024.1.69629 EDN: MPIFNN URL: https://e-notabene.ru/nbmag/article_69629.html
18. Nakhimov S. Samokhodnaya «Izba Kosandra»: SAU Msta-S s brevnamи na bashne, zamechena na Yuzhno-Donetskom napravlenii fronta v zone SVO [Elektronnyi resurs] // AMALNEWS [sait]. – 2024. – URL: <https://amalantra.ru/samokhodnaya-izba-kosandra-msta-s/> (data obrashcheniya: 13.05.2024).
19. Lapik I. Boitsy iz Buryatii ukrepili bashnyu samokhodki «Msta» derevyannym srubom [Elektronnyi resurs] // TRK «Zvezda» [sait]. – 2024. – URL: <https://tvzvezda.ru/news/20244291628-4mrrp.html> (data obrashcheniya: 25.05.2024).
20. Pokazany kadry uchastvuyushchego v spetsoperatsii rossiiskogo tanka – «dikobraza» s dopolnitel'noi zashchitoi ot dronov i min [Elektronnyi resurs] // Voennoe obozrenie [sait]. – 2024. – URL: <https://topwar.ru/242001-pokazany-kadry-uchastvujuscheego-v-specoperacii-rossiiskogo-tanka-dikobraza-s-dopolnitelnoj-zaschitoj-ot-dronov-i-min.html> (data obrashcheniya: 13.05.2024).